

Хранить _____ лет

СОВЕРШЕННО
СЕКРЕТНО

ДЕЛО

№ 001/СЛ

Еремей Венц

Серые люди

Дело о берсерке

Начато _____ 20 26 г.
Окончено _____ 20 ____ г.

На _____ листа 18+

Еремей Венц
Серые Люди

«Автор»

2026

Венц Е.

Серые Люди / Е. Венц — «Автор», 2026

На этот раз угроза выходит за все привычные рамки: каждое превращение рождает существо, наделённое нечеловеческой мощью и неукротимой яростью. Вспышка за вспышкой хрупкий порядок города трещит по швам. Оперативная группа «Серые люди» — теневое подразделение правительства, работающего на грани дозволенного, вступают в дело, зная: если не найти способ разорвать эту цепь, последствия будут необратимы. Но для них важно не просто остановить угрозу — важно не потерять в этом человеке. Это история о тех, кто идёт навстречу опасности без колебаний, чтобы в самой беспросветной тьме разглядеть того, кому ещё можно протянуть руку.

© Венц Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Дело о берсерке	5
Конец ознакомительного фрагмента.	92

Еремей Венц Серые Люди

Дело о берсерке

ПРОЛОГ

Лесозаготовительный участок. Иркутская область. 1952 год

Зима 1952 года в окрестностях Иркутска выдалась лютой, словно сама природа решила испытать на прочность людей, оказавшихся волею судеб в одном месте.

Ещё с утра небо затянуло серой пеленой, похожей на тяжёлое, беспросветное полотно, сотканное из холода и безмолвия, а к полудню по тайге прокатилась такая аномальная метель, что даже бывалые конвоиры, привыкшие к суровым сибирским зимам и закалённые годами службы, переглянулись с тревогой, в которой читалось не столько опасение за себя, сколько смутное предчувствие чего-то неотвратимого.

На лесозаготовительном участке бригада из двадцати заключённых, как обычно, не взирая на метель, рубила лес, мерно взмахивая топорами в ритме, давно ставшем механическим, почти бесчувственным. Рядом держались десять конвоиров — суровые, почти, все, за исключением молодого юнца, из партии только-что прибывшего пополнения, который все время пытался спрятать голову, как можно глубже в поднятый воротник тулупа.

Над тайгой солнце медленно клонилось к закату. Ветер выл, словно живое существо, терзаемое безысходной тоской.

Снег летел почти горизонтально, острыми иглами впиваясь в кожу, забиваясь под воротники и слепя глаза; мир сжался до мутной белёсой пелены, в которой растворялись очертания деревьев, а тайга казалась враждебным, безмолвным пространством.

Видимость упала до нескольких метров, и в этой круговерти каждый шаг давался с трудом. Старший конвойной группы — пожилой старшина с обветренным лицом и густыми, тронутыми сединой усами — понимал: вести людей по лесной дороге сейчас — верная гибель: в слепой метели любой неверный шаг мог завести в непроходимую чащу или к скрытой под снегом промоине. Распрямив плечи, он твёрдо и громко, скомандовал сворачивать работы и строится.

В километре находился — барак. Неказистый, сложенный из грубо обтёсанных брёвен. Внутри пахло сыростью и дымом, единственным источником тепла служила старая печь-буржуйка. Люди набились в тесное помещение: заключённые держались кучно в одном углу, конвоиры — в другом.

Напряжение висело в воздухе, как тяжёлый пар, но перед лицом стихии даже враги невольно искали друг в друге опору.

Ночь, казалось, собиралась растянуться в бесконечность — долгой и тревожной. Сгущаясь в углах и пробираясь сквозь щели ледяным дыханием; ветер бился в стены, будто пытался ворваться внутрь, и каждый его яростный удар отзывался глухим стоном старых брёвен, будто само укрытие из последних сил сдерживало натиск разбушевавшейся стихии.

Кто-то из заключённых тихо стонал от холода — этот слабый, надломленный звук, лишённый всякой бравады, был особенно пронзителен в тяжёлой тишине, потому что в нём слышалась не просто боль, а горькое признание своей уязвимости перед лицом безжалостной природы.

Кто-то, напротив, нарочито громко и хрипловато пытался шутить, цепляясь за обрывки нелепых историй, как за хрупкий щит, лишь бы не дать страху пробраться глубже, не позволить ему сковать разум и тело.

Старший группы неподвижно сидел у печи, вглядываясь в неровные отсветы пламени, которые то выхватывали из темноты усталые, изборождённые морщинами лица, то вновь прятали их во мраке, и прислушивался к каждому звуку снаружи — к свисту ветра, к треску замёрзших деревьев, к чему-то ещё, едва уловимому, от чего внутри всё сжималось в тревожном предчувствии.

Мороз пробирал до костей, а вой выюги за стенами будто пытался ворваться внутрь, чтобы добить тех, кто и так едва держался.

В тесном, пропахшем сыростью и отчаянием, бараке, заключённые жались друг к другу, пытаясь сберечь хоть кроху тепла.

Невысокий, худощавый зек, чьего имени никто толком не помнил, неловко споткнулся об «собственную тень» и растянулся на грязном полу.

В мёртвой тишине этот нелепый жест прозвучал как щелчок кнута. Кто-то из углов хрипло хохотнул, потом ещё один, и вот уже весь барак сотрясаясь от грубого, вымученного смеха. В этом смехе не было доброты — лишь судорожная попытка уцепиться за хоть какое-то чувство, пусть даже это было чувство превосходства над самым слабым.

Смех придал группе немного сил — пусть и сил жестоких. Он стал топливом для издевательств: сначала лёгких, почти шуточных тычков и колких слов, потом — всё более грубых, ядовитых, бьющих точно в незаживающие раны.

Худой зек съёживался, втягивал голову в плечи, но терпел, потому что знал: любое сопротивление здесь только подливает масла в огонь.

Конвоиры, стоявшие у дверей, поначалу лишь переглядывались да лениво покрикивали, не особо торопясь вмешиваться в эту привычную, почти бытовую жестокость. Но когда издевательства переросли в толчки, а кто-то из отчаянных пытался ударить, они встрепенулись, зашевелились, начали тянуться к оружию, чтобы уgomонить разбушевавшихся зеков.

Толпа гудела, накаляясь от напряжения чужой злобы, будто каждый в ней искал, на ком сорвать собственную горечь. Среди этого моря лиц мелькнуло одно — искажённое, перекошенное изнутри. Кто-то, давно уже потерявший опору в жизни, вдруг решил, что худосочный зек — идеальная мишень для всей его накопившейся обиды.

Он рванулся вперёд, не думая, не взвешивая, просто чтобы хоть на миг почувствовать себя сильнее, значимее. И с размаху ударил заключённого в лицо.

Удар отбросил зека назад, и его голова с глухим стуком ударилась о шершавую стену. На миг всё замерло. Смех оборвался, словно кто-то дёрнул невидимый рубильник.

Стало слишком поздно.

В бараке повисла звенящая тишина, нарушаемая лишь завыванием выюги. Напряжение сгустилось, стало почти осязаемым, тяжёлым, давящим на грудь.

И в этой тишине раздался тихий смешок.

Он прозвучал настолько неуместно, настолько жутко, что по спинам пробежал ледяной озноб. Смешок доносился от, казалось бы, бездыханного тела, распластанного у стены.

Тело шевельнулось, медленно, неестественно вывернулось, и когда зек поднял голову, лица прежнего не было.

Зеки, только что бывшие хозяевами положения, попятились, вжимаясь в стены, ища укрытия там, где его не было. Конвоиры напряглись, пальцы побелели на рукоятках оружия, глаза расширились от ужаса, который они пытались скрыть за показной бравадой.

Существо поднималось — и само пространство вокруг будто сжималось, не поспевая за этой стремительной, пугающей метаморфозой. Ещё мгновение назад перед толпой стояло нечто хрупкое, почти сломленное, с тонкими, угловатыми очертаниями, а теперь... теперь оно росло прямо на глазах, прибавляя в росте не меньше чем на полметра, и каждый сантиметр этого роста был наполнен угрожающей, звериной мощью.

Худое, щуплое тельце стремительно наливалось силой — будто под кожей бушевала невидимая буря, перекраивая саму плоть. Мышцы вздувались, набухали, перекачивались под натянутой кожей тяжёлыми волнами, словно внутри пробуждался древний, дикий механизм. Жилы проступали отчётливо, рельефно, напоминая туго натянутые канаты, готовые лопнуть от напряжения. Кожа, натянутая до предела, казалась почти прозрачной в некоторых местах, и сквозь неё проглядывали тёмные пульсирующие линии вен.

Теперь перед людьми стояло не жалкое подобие человека — а жилистое, напряжённое, собранное в тугую пружину чудовище. Каждая линия его тела кричала о готовности к прыжку: чуть согнутые колени, развёрнутые плечи, руки, свисающие почти до колен, с пальцами, скрюченными, как когти. Грудная клетка вздымалась и опускалась в рваном, глубоком ритме, будто существо втягивало в себя сам воздух, насыщаясь им, как топливом.

Но страшнее всего были его глаза. Они горели изнутри, как раскалённые угли в печи, — не просто светились, а пылали, источая жар, который, казалось, обжигал даже на расстоянии. В этом огненном взгляде не было ничего человеческого: ни тени разума, ни проблеска жалости, только первобытная, беспощадная жажда. Этот взгляд скользил по толпе, быстро, цепко, расчётливо — словно сканировал, оценивал, выискивал первую жертву. И каждый, на ком на мгновение задерживался этот пылающий взор, чувствовал, как по спине пробегает ледяной холод, а сердце замирает в глухом, паническом стуке.

Чудовище чуть наклонило голову, прислушиваясь к этому внезапному шуму — к сбивчивому дыханию людей, к стуку сердец, к шороху шагов тех, кто уже начал пятиться назад. Уголки его губ дрогнули в подобии усмешки — или, скорее, оскала, обнажившего длинные, острые зубы. И в этот миг стало ясно: оно не просто готово к прыжку — оно жаждет его.

Люди дрогнули. Кто-то попятился, спотыкаясь о собственные ноги, кто-то метнулся в сторону, пытаясь протиснуться между телами, а кто-то так и остался стоять, прикованный ужасом к месту, не в силах оторвать взгляд от чудовища.

Среди этой толпы, зажатый между стеной и хаосом, стоял молоденький конвоир. Его руки тряслись так сильно, что винтовка ходила ходуном, но он всё же сумел направить её на существо. С губ сорвался хриплый окрик, скорее от страха, чем от храбрости.

Выстрел грохнул, разорвав воздух, но пуля лишь высекла искру из стены, попав в старый гвоздь. Существо молнией увернулось, двигаясь с нечеловеческой скоростью. В следующее мгновение оно уже было возле молодого конвоира. Время будто замедлилось, давая всем увидеть этот кошмар в деталях: резкий взмах, свист рассекаемого воздуха — и голова конвоира отлетела в сторону, окропив горячей кровью всех, кто стоял поблизости.

На секунду в помещении повисла мёртвая тишина — такой абсолютной, звенящей неподвижности не бывает даже в вакууме. Потом тишину разорвал чей-то истошный крик, и этот звук словно ударил по нервам, выдернув всех из оцепенения.

Паника взорвалась, как пороховая бочка. Крики, вой, топот ног, удары о стены, новые выстрелы — всё смешалось в единый, оглушающий хаос. Люди кинулись врассыпную, толкаясь, падая, цепляясь друг за друга в отчаянной попытке спастись. Но в этом безумии уже чувствовалось: бежать некуда. Тень, пробудившаяся в бараке, только начала свою охоту.

Метель наконец, к утру утихла. Дорога стала проходимой, и к участку прибыла дополнительная конвойная группа. То, что они увидели, заставило даже самых закалённых бойцов побледнеть.

Снег вокруг барака был густо залит кровью. По всему участку валялись обрывки одежды, вещи, а среди сугробов — фрагменты человеческих тел. Двери зимовки были выломаны и разбиты в щепки, в стенах чернели пулевые отверстия. Казалось, здесь бушевал не просто шторм, а сама преисподняя.

Старший прибывшей группы, едва сдерживая дрожь, прыгнул в машину и помчался в лагерь. Через час он уже запинаясь от волнения, докладывая начальнику лагеря о случившемся.

Полковник, начальник лагеря, был из тех военных, про кого говорят «крепко сбитый»: невысокий, коренастый, с плотной, будто отлитой из чугуна фигурой, в которой не было ни грамма лишней мягкости — только сила, выдержка и годами отточенная собранность. Его мундир сидел безупречно: ни складочки, ни натяжения — ткань словно подчинялась воле хозяина, а не диктовала свои условия. На погонах тускло поблёскивали звёзды, но взгляд цеплялся не за знаки отличия, а за саму его стать: в ней читалась привычка нести ответственность и отдавать приказы, которые не принято обсуждать.

А взгляд у него был особенный — жёсткий, прямой, будто насквозь просвечивал собеседника, отделяя суть от шелухи. В нём не было злости, но и теплоты не было тоже: только холодная, трезвая оценка, умение видеть слабые места и просчитывать ходы наперёд. Такие глаза не умоляют и не уговаривают — они требуют точности, дисциплины, результата.

Когда он выслушал доклад, лицо его в одно мгновение стало каменным — будто кто-то опустил невидимый затвор, отсекая любые эмоции. Ни дрожи в скулах, ни резкого вдоха, ни мимолётного движения бровью: только мгновенная, стальная собранность, когда весь внутренний ресурс мгновенно стягивается в одну точку.

И тут же, без паузы, без лишних слов, он отдал приказ — чётко, рублено, так, что каждое слово падало, как гиря: собрать усиленную группу и немедленно выдвигаться на место.

Среди суеты и криков, среди мечущихся туда-сюда военных, из тёмного нутра барака вытащили худощавое, почти невесомое тело. Это был единственный выживший — заключённый Николаенко, осуждённый по 58-й статье. Он был обнажён, покрыт кровью и чем-то ещё, от чего у опытных солдат подкатывала тошнота.

— Он что-нибудь может рассказать? — спросил полковник, глядя на дрожащего, полубезумного человека.

Лейтенант, стоявший рядом, только отрицательно покачал головой:

— То смеётся, то рыдает. Всё твердит: «Они сами, я не виноват...»

Пока полковник отвернулся, чтобы перекинуться парой слов с майором Петренко, Николаенко извернувшись, вырвался из рук конвоиров и метнулся к полковнику. В его глазах не было ни страха, ни раскаяния — только дикий, животный ужас и ярость. Одним прыжком он оказался рядом и успел вцепиться зубами в оголённую кисть полковника.

На мгновение всё замерло. Затем раздался глухой удар — один из конвоиров прикладом сбил Николаенко с ног. Тот обмяк и рухнул у сапог полковника.

— Ах же чёрт... — выдохнул полковник, разглядывая прокушенную до крови руку. — Вот же, паскудник... так прокусить...

Лейтенант, быстро обернувшись уже стоял перед полковником с бинтами в руках.

Следственная группа работала на участке несколько дней. Они собрали все улики, какие смогли найти, но картина оставалась мутной, непотной и пугающей. В итоге остановились на самой простой и удобной версии: нападение диких животных. Тайга бывает жестокой, особенно в такие морозы.

Николаенко отправили на принудительное лечение. Психологическая экспертиза подтвердила: у него тяжёлое расстройство психики. Он больше не мог связно говорить о той ночи, лишь бормотал бессвязные фразы, вздрагивал от резких звуков и иногда вдруг начинал хохотать без причины.

Позже, стало известно, что Николаенко, умер и без особых разбирательств похоронен.

А полковник... С ним начало происходить нечто странное. Спустя несколько месяцев его здоровье стало стремительно ухудшаться. Он худел, слабел, жаловался на постоянную боль, которую не могли объяснить ни анализы, ни осмотры. Врачи разводили руками, не в силах

поставить диагноз. Наконец, после долгих споров и голосования на медицинской комиссии, ему вынесли приговор: онкология. Полковника списали на пенсию — «на дожитие», как сухо выразился один из врачей. По их прогнозам, жить ему оставалось пару месяцев.

Через месяц полковник исчез. У него не было ни семьи, ни близких, только равнодушные соседи, которые и рассказали, что, когда видели его в последний раз: будто он по разговорам, записался в геологоразведочную партию, отправлявшуюся на север. Дальше след терялся.

Трагедия на лесозаготовительном участке так и осталась загадкой.

Официальная версия о диких животных не объясняла ни поведения Николаенко, ни внезапной болезни полковника, ни его исчезновения.

Иногда, когда ветер гудел в печной трубе, старые лагерные работники переглядывались и шептались, что в ту ночь в тайге творилось нечто куда более страшное, чем просто буря.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Москва. 1996 год

Раннее утро. Офис компании «КОНСАЛТИНГ ЭЙЧАР ЭНД ИНЖИНИРИНГ»

В кабинете руководителя оперативной группы «Серые Люди» на мониторе возникло лицо мужчины — его слегка усталый взгляд будто хранил отголоски множества пережитых историй. В нём читался опыт, накопленный годами, но при этом черты лица сохраняли ту самую твёрдую мужественность, которая бывает только у зрелых, повидавших жизнь бойцов.

Круглая лысая голова, чуть оттопыренные уши, лёгкие складки на лбу, глубокие, внимательные глаза и едва заметная улыбка — всё это создавало непростой, но притягательный образ. С первого взгляда мужчина казался властным, даже немного подавляющим, но эта сила будто намеренно сдерживалась, не рвалась наружу. И спустя всего несколько минут общения с ним собеседник начинал чувствовать себя так, словно знает его уже очень давно — будто между ними сразу возникало тихое, надёжное взаимопонимание. Это был Борис Борисович — прямой начальник Сергея Анатольевича.

— Доброе утро, Сергей! — непринуждённо бросил мужчина с экрана, словно они только вчера виделись.

— Здравствуйте, Борис Борисович, — отозвался Сергей, не отрываясь от материалов уголовных дел. Три ровные стопки бумаг лежали перед ним, каждая — как отдельный узел запутанной истории. — Чем обязан?

— Сергей Анатольевич, я тебе пару файлов прислал, — без лишних предисловий продолжил Борис Борисович, сохраняя привычный деловой темп. — Присмотрись к кандидатам. Кандидаты интересные, в нашем деле могут пригодиться. Пока не включай их в активную работу, просто проверь в деле, а дальше — на твоё усмотрение.

— Вас понял, Борис Борисович, — ответил Умник, мельком подняв глаза на экран, и чуть улыбнулся — так, будто в этой просьбе уже угадывался новый поворот в череде будничных задач.

— Тогда я отключаюсь, — коротко подытожил начальник, и экран плавно погас, снова оставив кабинет в спокойной тишине.

Сергей аккуратно вернул материалы на место, тщательно выровняв стопки — каждая лежала ровно, будто по линейке, и ни один лист не выбивался из ряда. Убедившись, что всё на своих местах, он на секунду задержал взгляд на получившемся порядке, словно проверяя, не упустил ли чего, а затем переключился на почту. Быстро отыскав нужное письмо с приложенными файлами, он открыл первый документ и на мгновение задержал дыхание, собираясь с мыслями перед следующим этапом работы.

Два дня спустя. Москва. ГОРТРАНСЭНЕРГОГАЗБАНК

Молодая брюнетка вышла из здания ГОРТРАНСЭНЕРГОГАЗБАНК — и в этом движении, была целая история. Она привычно расправила плечи, будто сбрасывала с них невидимую тяжесть, сковывавшую её изнутри всё то время, пока шли переговоры. Этот жест был почти

незаметен для случайного наблюдателя, но в нём читалась целая гамма чувств: облегчение, усталость и одновременно — твёрдая уверенность в том, что она справилась.

Деловой брючный костюм сидел на ней идеально, словно был создан специально для неё: лаконичный крой подчёркивал стройную фигуру, а чёткие линии придавали силуэту собранность и решительность. Ткань была качественной, сдержанного тёмно-синего оттенка — не кричащего, но внушающего доверие. Пиджак слегка облегал плечи, не стесняя движений, а брюки с идеальной стрелкой добавляли образу строгости и динамики, будто она всегда готова сделать следующий шаг.

В руке она держала кожаный портфель — тёмно-коричневый, с благородной патиной, слегка потёртый на углах, что придавало ему не изношенность, а характер. Он выглядел солидно, весомо, и казалось, будто в нём хранится не просто папка с документами, а ключ к чему-то важному — к сделке, к новому этапу, к победе. Пальцы уверенно сжимали ручку, без напряжения, но крепко — так держат то, что нельзя потерять.

Длинные чёрные волосы были собраны в строгий хвост: ни одной выбившейся пряди, никаких отвлекающих деталей. Гладкая линия причёски подчёркивала чёткие черты лица — высокие скулы, слегка припухлые губы, прямой нос, выразительные тёмные брови. Лишь несколько тонких волосков у висков мягко обрамляли лицо, добавляя образу не столько мягкости, сколько живой естественности.

Внешне она сохраняла безупречную деловую строгость: ни улыбки, ни торопливости, ни малейшего намёка на эмоции. Её походка была размеренной, но не медленной — в ней чувствовалась целеустремлённость. Взгляд оставался спокойным и чуть отстранённым, будто она продолжала мысленно прокручивать детали только что завершившихся переговоров, проверяя, не упустила ли чего-то важного.

Прохожие, спешащие по своим делам, скользили по ней взглядами и тут же забывали — ещё одна уверенная женщина в центре города, одна из сотен. В её облике не было ничего кричащего или вызывающего, что могло бы надолго задержать чужой взгляд: только сдержанная элегантность, профессионализм и внутренняя собранность.

Но внутри у неё всё ликовало, будто в груди разгорался тихий, но яркий огонь. За внешней невозмутимостью скрывалась буря эмоций — радость от удачно завершённого дела, гордость за собственную выдержку, предвкушение новых возможностей. И пусть никто этого не видел, сама она чувствовала, как с каждым шагом этот внутренний свет разгорается всё ярче, наполняя её энергией и желанием двигаться дальше.

Сделка была заключена — и не какая-нибудь, а на внушительную сумму. И что особенно радовало, юридически всё было безупречно, легально, прозрачно. Да, конечно, имелись нюансы — те самые подводные камни, о которых не пишут в основных пунктах договора, но которые потом могут обернуться головной болью. «С этим я разберусь позже», — мысленно отмахнулась брюнетка, позволяя себе на долю секунды представить, как позже, в спокойной обстановке, она разложит эти сложности по полочкам и найдёт решение.

Она остановилась на мгновение, подставив лицо прохладному ветру, и глубоко вдохнула. Город шумел вокруг: гудели машины, где-то неподалёку раздался короткий смешок, кто-то окликнул кого-то по имени. Но для неё этот шум сейчас звучал как аплодисменты — тихие, невидимые, предназначенные только ей. Она чуть заметно улыбнулась — совсем на миг, так, что никто не успел бы заметить, — и, крепче сжав ручку портфеля, уверенно направилась вперёд. Впереди ещё было много работы, но сейчас она имела полное право гордиться собой.

Взгляд скользнул по припаркованному у главного входа автомобилю: представительный, дорогой, её крепость на колёсах. Он всегда внушал ей чувство защищённости — словно между ней и всем остальным миром стояла надёжная, отполированная до блеска преграда.

Телохранитель, он же водитель, который ей всегда открывал дверь её автомобиля, на этот раз не было.

Этот нюанс слегка кольнул брюнетку, где-то глубоко в мозгу, но не напряг, легкая эйфория, давала о себе знать...

Она открыла правую заднюю дверь, на секунду задержавшись, чтобы ощутить знакомый холодок металла, и опустилась на мягкий кожаный диван, привычно устраиваясь на своём месте.

И только тогда, уже почти расслабившись, краем глаза она заметила фигуру на месте водителя Гриши. Только это был не Гриша.

Гриша, её телохранитель, был человеком-скалой, от одного его вида у недоброжелателей пропадало желание даже смотреть в сторону Светланы. Он мог не блистать умом, но преданность у него была абсолютная, железобетонная. А тут... на его месте сидел мужчина средних лет, шатен, ничем не примечательный. Ни ярких черт, ни запоминающихся деталей — такой растворится в толпе за секунду. И всё же что-то в нём заставляло нервничать.

Тридцатью минутами ранее.

Возле главного входа банка, сверкая полированным боком, стоял престижный автомобиль представительского класса — словно немой символ успеха и власти. Или, если присмотреться, просто очень дорогой способ сказать: «Я тут главный, не стойте у капота».

Рядом с ним, словно живая преграда (а заодно и аргумент в любом споре), возвышался Григорий — огромного роста лысый бугай. Его внушительная фигура и тяжёлая нижняя челюсть будто заранее предупреждали: с этим парнем лучше не связываться, если, конечно, у вас нет с собой торта размером с колесо от того самого представительского авто.

Он стоял неподвижно, как статуя, которую забыли подписать и поставить в музей, но взгляд его упорно скользил по парку развлечений напротив. То задержится на «американских горках» — будто прикидывает, выдержит ли конструкция его вес, то на беззаботно гуляющих мамашах с детьми посмотрит с таким видом, будто пытается вспомнить, как вообще выглядит «беззаботность».

В его глазах читалась классическая смесь скуки и напряжённого ожидания — примерно, как у кота, который уже полчаса сидит у закрытой двери кухни и делает вид, что вовсе не ждёт, когда ему дадут колбасу. Казалось, Григорий вот-вот вздохнёт, почешет затылок, которого, правда, нет, и пробормочет: «Ну сколько можно? Я тут уже третий час стою, а мне даже кофе никто не вынес...»

И всё же, несмотря на всю свою монументальность, в нём угадывалось что-то трогательное: будто внутри этого грозного охранника живёт маленький мальчик, который тоже хотел бы прокатиться на каруселях, но пост не позволяет. Так и стоял он — грозный, неподвижный, идеальный страж порядка... и тайный фанат аттракционов.

— Григорий? — раздался позади него негромкий голос.

Бугай резко обернулся, и на мгновение в его взгляде мелькнуло что-то похожее на удивление.

Позади стоял мужчина средних лет — тот самый тип человека, которого в толпе замечаешь не сразу, а потом вдруг ловишь себя на мысли, что взгляд сам к нему возвращается. Среднего роста, он не пытался казаться выше или значительнее: просто стоял спокойно, чуть расставив ноги, будто прочно укоренённый в этом месте и в этом моменте.

Шатен с аккуратной, почти классической стрижкой производил впечатление человека, привыкшего к порядку: ровные линии и чёткие контуры причёски не допускали ни малейшей небрежности, а лёгкая седина у висков лишь добавляла облику зрелости и солидности. В этой стрижке не было показной роскоши, но угадывалась спокойная привычка следить за собой — без излишеств и фанатизма.

Тёмно-серый костюм сидел безупречно, но не выглядел парадным: в его сдержанности чувствовался особый вкус. Рубашка спокойного светлого оттенка не отвлекала внимание, а лишь подчёркивала собранность образа. Никаких броских аксессуаров, никаких лишних дета-

лей — даже запонки, если и присутствовали, оставались незаметными. Весь облик словно транслировал одну мысль: уверенность не нуждается в демонстрации.

Лицо мужчины хранило непроницаемое выражение — словно закрытая книга, не дающая ни намёка на внутренние переживания. Холодная невозмутимость окутывала черты, скрывая и чувства, и намерения. Но за этой маской спокойствия угадывался характер: в твёрдой, чуть упрямой линии губ, в чётких очертаниях скул, в горделивом изгибе лица. Эти едва заметные штрихи намекали, что за внешней сдержанностью таится целый мир невысказанных мыслей и твёрдая воля.

В облике незнакомца не было ничего кричащего — ни ярких акцентов, ни суетливой мимики, ни вычурных деталей. И именно в этой лаконичности заключалась его особенность. Его невозмутимость казалась почти осязаемой — глубокой, уверенной, естественной. Она словно тихо сообщала: этот человек не требует, чтобы мир вращался вокруг него, — он просто в этом не сомневается. И эта спокойная уверенность делала его куда заметнее любой броской детали.

— Гриша, возьми денежку, на карусель, — мужчина быстро всунул в огромную ладонь бугая банкноту, — и на мороженое!

Слова прозвучали обыденно, почти по-отечески, но в них таилась властная сила. Голос словно проник в самую глубь сознания Григория, заглушив все лишние мысли. И вдруг что-то щёлкнуло внутри него — не приказ, а тёплое, почти детское предвкушение.

— Спасибо, дядя! — вырвалось у Гриши, и его лицо расплылось в широкой, искренней улыбке.

Сжимая банкноту в своей массивной руке, он уже не казался грозным бугаем. Теперь он был просто большим ребёнком, которому пообещали маленькое чудо. Спешной, чуть неуклюжей походкой Григорий направился в сторону парка развлечений, где яркие огни и весёлые крики обещали ненадолго стереть из памяти всю тяжесть взрослой жизни.

— Светлана, добрый день! — голос мужчины прозвучал спокойно, буднично, будто они встречались каждый день.

«Что за хрен? Где мой Гриша? Этот хрен меня знает... Это плохо», — мысли в голове Светланы пронеслись со скоростью пули. Она замерла на мгновение, но тут же взяла себя в руки. Паниковать — роскошь, которую она не могла себе позволить. Дверь плавно закрылась за ней, отрезав от улицы.

— Ты кто? — Светлана не стала тратить время на вежливость. Её взгляд стал острым, сканирующим. Она искала хоть намёк на угрозу, но... ничего. Ни напряжения в плечах, ни бегающих глаз, ни дрожи в пальцах. Абсолютное спокойствие. И это пугало даже больше, чем открытая агрессия.

— Я ваш, друг, — ответил мужчина, глядя куда-то вперёд, а потом скользнул взглядом в зеркало заднего вида, — но пока представляюсь как ваш наниматель.

«Наниматель?» — эта мысль застряла в голове Светланы. За всё время, что она занималась своими... особыми делами, никто никогда не пытался её нанять. Наоборот, это она выбирала, кого «убедить» поддержать её благотворительный фонд. Её методы были изящны, почти артистичны, и она гордилась тем, что могла найти подход даже к самым непробиваемым людям. Как, например, к Спиридону.

Георгий Николаевич Спиридонов, он же Спиридон, выглядел так, что даже случайные прохожие будто инстинктивно делали полшага в сторону, освобождая ему пространство. Он был крупным — не просто высоким, а именно массивным, с той тяжёлой, основательной статью, которая говорит о годах физической силы и привычки полагаться на неё. Широкие плечи, мощная грудная клетка, руки с крупными кистями — в них чувствовалась способность не только удерживать, но и сломать, если понадобится.

Голова была гладко выбрита — не из моды, а будто как знак: ничего лишнего, никакой маскировки, только суть. На коже черепа, чуть тронутой загаром, проступали едва заметные следы старых шрамов — тонкие, белёсые линии, которые он не прятал и, кажется, даже не вспоминал. Они были частью его истории, как потёртости на рукояти надёжного ножа.

Лицо было грубоватым, будто высеченным из камня: тяжёлый, выступающий подбородок, широкие скулы, нос с лёгкой горбинкой — след давней драки, которую он, вероятно, выиграл. Но главным в его облике был взгляд. Тяжёлый, прямой, немигающий — такой, что человеку под ним становилось неуютно, будто его просвечивают насквозь, оценивая, взвешивая, решая, есть ли в нём хоть капля угрозы или пользы.

Одевался Спиридон не броско, но дорого — так, чтобы одежда не отвлекала от него самого. Тёмный костюм сидел свободно, не стесняя движений, рубашка — без узоров, строгого оттенка, галстук — сдержанный, без вычурных узлов. Никаких цепей, перстней или других «криминальных украшений»: ему не нужно было доказывать свой статус побрякушками. Его статус читался в осанке, в том, как он занимал пространство, в этой спокойной, почти ленивой уверенности, что всё вокруг — в пределах его досягаемости.

И в этой привычке — забирать всё, до чего мог дотянуться, — не было суетливой жадности. Это была холодная, расчётливая привычка сильного человека, который привык, что мир устроен по его правилам. Он не тянулся за мелочами — брал то, что имело вес, значение, силу. И делал это без лишних слов, без театральных жестов: просто протягивал руку — и вещь оказывалась у него.

В нём не было ни капли меценатской мягкости, ни намёка на желание снискать добрую славу. Скорее наоборот: его имя шепталось в определённых кругах не как символ щедрости, а как предупреждение. И этот образ — крупного, бритого, с тяжёлым взглядом мужчины, который не просит, а берёт, — стал в криминальном мире почти легендарным. Не героем, не благодетелем, а силой — неумолимой, весомой и лучше не попадаться ей на пути.

Незванный гость, достал портативный телевизор, где на экране появилось изображение кабинета, где Спиридон, будучи владельцем банка, сидел, за своим тяжёлым столом, за которым Спиридон смотрелся не просто хозяином положения — он будто сам был частью этой властной, тяжёлой эстетики. И вот снова на экране появилась Светлана: она входит в кабинет с той же ровной, уверенной походкой, без лишней спешки, но и без тени робости. В её движениях не было вызова, однако и покорности не было тоже — только спокойная твёрдость человека, который знает цену своим словам.

Звук не было, но было отчетливо видно, как Светлана говорила — чётко, подбирая фразы так, чтобы ни одна не повисла в воздухе впустую. И самое поразительное — Спиридон слушал. Не отводил взгляд, не посматривал на часы, не делал нетерпеливых жестов, которыми обычно обрывают тех, кто говорит лишнее. Его тяжёлый, привыкший подавлять одним только видом взгляд теперь был сосредоточен на ней. В нём читалось не согласие, но готовность услышать — а для Спиридона это уже было почти признанием силы собеседника.

А потом случилось и вовсе невероятное: он улыбнулся. Не той снисходительной усмешкой, которой одаривают просящих, а настоящей, пусть и сдержанной, улыбкой — будто что-то внутри него щёлкнуло, признавая: перед ним не очередной проситель, а человек, умеющий держать удар и вести игру.

Дальше всё пошло как по маслу — или как по сценарию, который Светлана продумала до мелочей. Спиридон взял ручку, неторопливо, но решительно поставил подпись на документах. Движение было уверенным, без колебаний — он не из тех, кто меняет решения на полпути. Потом, к удивлению всех присутствующих, он пожал руку — коротко, твёрдо, без лишних эмоций, но как равный равному. Этот жест говорил больше любых слов: сделка состоялась, правила приняты, границы обозначены.

Наконец, он взял папку и протянул её Светлане. Не бросил небрежно, не пододвинул по столу, а именно передал из рук в руки — как символ того, что ответственность теперь на ней. Их пальцы на мгновение соприкоснулись, и в этом мимолётном контакте будто проскочила искра взаимного уважения. Светлана приняла папку спокойно, без торжествующего блеска в глазах, лишь чуть заметно кивнула — достаточно, чтобы зафиксировать момент, но недостаточно, чтобы показаться самодовольной.

В кабинете на секунду повисла тишина — та самая, которая бывает после важного рубежа. Все будто выдохнули, осознавая, что только что произошло нечто значимое. А Светлана, не теряя темпа, развернулась и направилась к выходу — не спеша, но целеустремлённо, как человек, у которого впереди ещё много дел. И Спиридон, глядя ей вслед, едва заметно кивнул, словно подтверждая про себя: да, эта женщина знает, что делает.

Всё как обычно. Но видеть это со стороны, глазами незнакомца, было странно, почти интимно.

— Интересно, — произнёс мужчина, убирая телевизор. — Как вы такого волевого и сильного человека, как Спиридон, заставили себя слушать? И ещё удивительнее — выполнять ваши указания. Уж не чары ли какие?

— Он ко мне проникся уважением, — ответила Светлана, стараясь сохранить невозмутимость.

Незнакомец хмыкнул:

— Спиридон и уважение? Ой, Светлана, не смешите меня. Ваши чары с него спадут, и он будет вас искать. И он вас найдёт! И он точно будет готов к тому, что может вновь попасть под ваши чары, и будет предохраняться. Деньги свои он вернёт, и его не смутит, что деньги он сейчас перевёл на благотворительный фонд. Я не удивлюсь, если он ещё и у фонда что-нибудь заберёт.

Незнакомец на секунду задумался, чуть склонив голову, будто взвешивая каждое слово, прежде чем произнести его вслух. В этой короткой паузе чувствовалась не растерянность, а привычная сдержанность — он не бросался фразами, предпочитая сначала всё обдумать. Затем он поднял взгляд на Светлану, и в его спокойных, чуть прищуренных глазах мелькнуло что-то вроде искреннего недоумения.

— А вообще, Светлана, зачем вам деньги Спиридона? — произнёс он ровно, без напора, но с той особой интонацией, которая заставляет прислушаться. — Они у вас и так есть, ну или попросите у отца. Я уверен, что любящий отец никогда не откажет своей единственной дочери.

Он говорил так, словно пытался не столько переубедить, сколько по-отечески предостеречь — будто видел в её стремлении заполучить эти деньги какую-то скрытую опасность, о которой она сама пока не догадывалась. В его голосе не было ни упрёка, ни насмешки, лишь тихая уверенность в том, что есть куда более простые и надёжные пути, чем связываться с человеком вроде Спиридона.

Светлана молчала. В его словах была жестокая правда. Она знала, что время работает против неё. Спиридон не тот человек, который долго остаётся под впечатлением. Рано или поздно пелена спадёт, и тогда... лучше не думать.

Деньги нужны были срочно и в большом количестве, и Спиридон, хоть и был далеко не лучшим вариантом, оставался единственным выходом — Светлана отчётливо видела все риски, а потому знала: при иных обстоятельствах она ни за что не обратилась бы к нему.

— Поэтому я и предлагаю вам работу, — продолжил мужчина. — Вы человек, который мне пригодится. А я взамен решу вопрос со Спиридоном.

Он вышел из машины, обернулся в проёме открытой двери и протянул ей визитку. Ждал, пока она заберёт её, не убирая руку, пока пальцы Светланы не сомкнулись на плотном картоне.

— Если надумаете, жду вас завтра к девяти по этому адресу. Светлана, всего вам доброго!

Дверь закрылась, и в салоне повисла тишина. Светлана осталась наедине со своими мыслями и с этой проклятой визиткой. А через секунду мужчину уже подхватил откуда-то взявшийся микроавтобус.

— Вот же попала, — выдохнула Светлана, сжимая в руке визитку так, что уголки впились в ладонь. — Где этот debil Гриша?

А в это время огромный Гриша, забыв обо всём на свете, весело хохотал, катаясь на карусели. В одной руке он сжимал поручень карусели, в другой — мороженое. Его громкий смех распугивал родителей, гуляющих с детьми, но ему было всё равно. Он чувствовал себя ребёнком, свободным и счастливым, и даже не подозревал, что в эти минуты его подопечная стояла на перепутье, от которого зависело всё.

Светлана посмотрела в окно, на город, на людей, спешащих по своим делам. Всё казалось таким обычным, таким нормальным. Но она знала: с этой минуты ничего уже не будет как прежде.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Ранее утро следующего дня. Офис компании «КОНСАЛТИНГ ЭЙЧАР ЭНД ИНЖИНИРИНГ»

Умник неподвижно сидел за массивным столом в своём кабинете, погружённый в тягостные раздумья. Перед ним лежали папки с материалами очередного запутанного дела, но ни один из отчётов не давал чёткого, логичного объяснения того, что произошло. Мысли его то и дело возвращались к череде жутких событий, развернувшихся месяц назад во Владивостоке.

Там, в приморском городе, словно из мрачных легенд, объявился неведомый монстр. За считанные недели он унёс жизни тридцати двух человек — цифра, от которой становилось не по себе. Каждая новая жертва лишь усиливала ощущение надвигающейся беды, а город, казалось, замер в тревожном ожидании следующего удара.

Официальная версия расследования, поначалу казавшаяся хоть какой-то опорой, постепенно заходила в тупик. Следователи всё чаще склонялись к гипотезе о нападении диких животных, будто пытаясь найти хоть какое-то рациональное объяснение необъяснимому. Однако эта версия с самого начала выглядела шаткой и натянутой.

Если первые два эпизода ещё можно было с огромным трудом подвести под теорию о звере — при условии, что закрыть глаза на множество противоречий и несостыковок, — то третий случай и вовсе не вписывался в эту картину. Детали происшествия выглядели настолько противоречиво, что попытка связать их с нападением дикого животного казалась почти абсурдной. Впрочем, Умник прекрасно понимал: когда следствие отчаянно ищет хоть какое-то объяснение, фантазия его участников способна творить настоящие чудеса, превращая нелепое в «почти правдоподобное».

Ход расследования лишь подтверждал эти опасения. Дела, несмотря на явные общие черты, намеренно рассматривались изолированно друг от друга — словно кто-то заранее стремился не допустить осознания того, что перед ними единая, пугающая серия преступлений. Первым шагом к этому стало раздельное ведение дел: так проще было не замечать тревожных параллелей, стирающих границы между отдельными трагедиями. Вторым — оперативное обнаружение «следов диких животных» в ходе розыскных мероприятий. Эти улики, появившиеся будто по заказу, выглядели слишком уж удобными, чтобы быть чистой случайностью.

Третий эпизод заметно выделялся на фоне остальных — это было событие, разыгравшееся в роскошном особняке криминального авторитета. Здесь картину поспешно окрасили в привычные для таких мест тона: заговорили о криминальных разборках, о переделе сфер влияния, о мести и старых обидах. Версия звучала убедительно для тех, кто хотел услышать именно её. И потому дело стремительно передали в местный УБОП, словно тем самым поставив точку в обсуждении иных, куда более зловещих вариантов. Но Умник знал: иногда самая

удобная версия — это просто способ спрятать правду, которая пугает куда сильнее любой криминальной войны.

— Ваша гостя через минуту зайдёт в здание! — голос секретаря НИНЫ прозвучал из динамика, а на экране монитора мелькнуло её лаконичное уведомление.

— Благодарю! — коротко ответил Умник. Он аккуратно разложил документы, сформировав три отдельные стопки — каждая, казалось, хранила свою часть головоломки.

Затем, выпрямившись, он поднялся из-за стола, на мгновение задержался, будто проверяя, не упустил ли чего-то важного, и вышел из кабинета.

Коридор тянулся вперёд ровной светлой полосой, и каждый шаг отдавался тихим эхом в почти пустой утренней тишине. Пройдя несколько метров, Умник свернул в конференц-зал компании, на табличке двери красовалась цифра четыре. Помещение было светлым, с большим столом и ряды стульев пока оставались свободными, подчёркивая ожидание предстоящего разговора.

В зале уже находился молодой человек — Иннокентий, которого все звали Кешей. Он стоял, слегка наклонив голову, будто прислушивался к чему-то едва уловимому. Невысокий, худощавый, с вечно взъерошенными светлыми волосами, он двигался легко, чуть суетливо — словно мысли обгоняли его, заставляя то и дело менять позу.

На нём была простая выцветшая футболка: ткань давно утратила первоначальный оттенок, а край, которым он по привычке протирал очки, совсем истрепался. Крупные очки в тонкой оправе придавали ему вид задумчивого учёного — человека, который вот-вот найдёт разгадку, спрятанную между строчек.

— Иннокентий, приветствую! — Умник подошёл к Кеше и протянул руку для рукопожатия. Его голос прозвучал спокойно, но в нём чувствовалась собранность, готовность к серьёзному разговору.

— Доброе утро, Сергей Анатольевич, — Кеша ответил на рукопожатие, на секунду задержав взгляд на лице Умника, словно пытаясь угадать, что принесёт этот день. Его собственная улыбка была лёгкой, почти незаметной, но в ней сквозило искреннее расположение.

— Наша гостя на подходе, — произнёс Умник, чуть понизив голос, будто не хотел, чтобы слова разнеслись по просторному залу. Он бросил короткий взгляд на дверь, словно ожидая, что вот-вот она откроется, впуслав в комнату новую часть истории.

Минутой ранее, офис компании «КОНСАЛТИНГ ЭЙЧАР ЭНД ИНЖИНИРИНГ»

Это был старый городской архив — здание с толстыми стенами и высокими потолками, где время будто застыло. Тяжёлые дубовые двери, потёртые ступени, запах пыли и старой бумаги — всё здесь словно сопротивлялось бегу времени. Даже солнечные лучи, пробивавшиеся сквозь мутные стёкла, казались не современными, а какими-то выцветшими, будто впитавшими в себя десятилетия.

Особенно это резко контрастировало с названием офиса «КОНСАЛТИНГ ЭЙЧАР ЭНД ИНЖИНИРИНГ», что красовалось на блестящей табличке прямо над входом. В самом названии, казалось, говорило всё о прогрессивном, технологичном мире: стремительные аббревиатуры, английский язык, намёк на скорость, эффективность, цифры и графики. Будто кто-то нарочно поставил символ будущего на пороге прошлого, чтобы подчеркнуть нелепость такого соседства.

Светлана толкнула тяжёлую дверь старого здания — петли скрипнули, будто ворчали на непрошеную гостью.

Внутри пахло пылью, старым деревом и чем-то неуловимо канцелярским, как в заброшенных архивах.

Тёмный холл был недостаточно освещён, несмотря на большие окна: тусклый свет не проникал в помещение в полном объёме. Казалось, будто само пространство сопротивлялось

свету — он просачивался внутрь скупыми, робкими полосами, словно боялся рассеять царящую здесь полутьму.

Свет, ложился на пол неровными пятнами, не в силах дотянуться до дальних углов, где тень сгущалась, становясь почти осязаемой. В этих тёмных зонах терялись очертания мебели — массивных кресел с высокими спинками, старинного шкафа, притаившегося у стены, и длинной вешалки, чьи изогнутые крючки напоминали когти.

Пол, выложенный крупной каменной плиткой, отражал скудный свет лишь местами: там, где поверхность была особенно гладкой, мелькали тусклые блики, похожие на рябь на тёмной воде. В остальных местах камень поглощал свет, становясь частью этой густой, вязкой полутьмы.

Холл не казался ни заброшенным, ни нежилым — скорее, он будто существовал в промежуточном состоянии: между светом и тьмой, между ожиданием и покоем. Он не приглашал войти, но и не отталкивал — просто принимал каждого, кто переступал порог, в свои приглушённые, сдержанные объятия, где каждый звук становился чуть тише, а каждый шаг — чуть осторожнее.

Девушка сидела в полутени холла — лишь холодный свет монитора очерчивал её силуэт, придавая ему почти нереальную чёткость. На ней была строгая белая блузка с аккуратным воротником и едва заметной вертикальной строчкой вдоль планки; ткань выглядела плотной, но не жёсткой — словно специально подобранной для долгих рабочих часов. Пуговицы были застёгнуты до самого верха, но не выглядели сковывающими: в этой сдержанности чувствовалась не стеснённость, а осознанный выбор.

Волосы тёплого коричневого оттенка, густые и с лёгким естественным блеском, были собраны в тугую, но не безжизненный пучок: несколько тонких прядей мягко выбивались у висков, словно сопротивляясь строгой геометрии причёски. Это придавало образу не столько небрежность, сколько живую человечность — будто даже дисциплина не могла полностью укротить её природную энергию.

На переносице сидели очки в тонкой металлической оправе; стёкла чуть поблескивали в отсветах экрана. Время от времени она чуть сдвигала их кончиком пальца — привычное, почти незаметное движение, выдававшее усталость или, наоборот, момент особой концентрации.

Её лицо было сосредоточенным: брови чуть сведены, взгляд то стремительно скользил по строкам на мониторе, то возвращался к клавиатуре, где пальцы бежали по клавишам с уверенной, отточенной скоростью. В этом ритме не было суеты — только собранность человека, который точно знает, что делает, и не намерен терять ни секунды.

В её осанке чувствовалась привычка к долгим часам за столом: прямая спина, чуть наклонённый вперёд корпус, локти свободно лежат на подлокотниках, но кисти будто всегда готовы к действию. Даже в неподвижности в ней ощущалось внутреннее напряжение — как у музыканта перед сложной партией или у аналитика перед решающим расчётом.

Время от времени она делала короткий, почти незаметный вдох, будто собираясь с мыслями, и снова возвращалась к работе — быстрая, точная, целиком поглощённая задачей. В этой сосредоточенности не было отрешённости: она оставалась здесь, в комнате, в моменте, просто её внимание было направлено туда, где оно было нужнее всего.

В этот момент сейчас её ничто не могло отвлечь: ни приглушённые шаги редких посетителей, ни тихий гул кондиционера, ни даже резкий звонок телефона, который она каждый раз сбрасывала, чтобы не сбиваться с мысли. — Здравствуйте, вас ждут в четвёртом кабинете, — произнесла она, не поднимая глаз от экрана.

— Отлично! — бодро ответила Света, хотя внутри всё сжималось от странного предчувствия.

Четвёртый кабинет нашёлся быстро: массивная дверь с потускневшей латунной табличкой. Света глубоко вдохнула, словно перед прыжком в холодную воду, и вошла.

Комната оказалась неожиданно просторной для такого скромного здания. В центре — овальный стол, вокруг него — восемь стульев, будто для тайного совета. У стен — уютные кресла, журнальные столики, диван, на стене — экран для проектора. Обстановка была странной смесью офисного уюта и конспиративной строгости.

В кабинете находились двое. Первым был тот самый мужчина, с которым она накануне встретилась в машине. Теперь, при хорошем освещении, его черты казались удивительно будничными: спокойные карие глаза, едва заметная улыбка — ничего бросающегося в глаза, ничего, что цепляло бы взгляд. Рядом с ним — невысокий светловолосый парень, теребил в руках очки, то снимал, то надевал обратно.

— Здравствуйте, господа! — громко, чуть нарочито бодро поприветствовала их Света.

Она подошла ближе к мужчине.

— Вчера вы не представились! — в голосе прозвучал упрёк, но без злости — скорее, как способ вернуть себе контроль над ситуацией.

— Простите, — он улыбнулся, протягивая руку. — Меня зовут Сергей Анатольевич, можно просто Сергей, позывной — «Умник».

Он развернулся к парню:

— А этого юношу зовут Иннокентий, позывной — «Зеро».

Кеша был из тех людей, рядом с которыми даже самый хмурый день будто становился чуточку светлее. Он двигался легко, чуть суетливо — словно постоянно спешил успеть за собственными мыслями.

Светловолосый, с волосами, которые вечно чуть топорщились, будто он только что провёл по ним рукой, пытаясь собрать мысли в кучу, он выглядел так, словно жизнь постоянно подкидывала ему новые идеи быстрее, чем он успевал их записывать. Невысокий и худощавый, он не производил впечатления человека, при взгляде с первого раза, можно было принять за «ботана»: легко можно было бы представить его образе маленького человечка, в слегка великоватой толстовке, с рюкзаком, набитым до отказа, и стопкой блокнотов, торчащих из бокового кармана.

Но в этот раз, на Кеше, была простая футболка, уже не раз стиранная: ткань слегка выцвела, а край, которым он привычно протирал очки, совсем истрепался. В этой детали крылась вся его суть — не гнаться за идеальным, а пользоваться тем, что под рукой, и не переживать из-за мелочи.

Очки у Кеши были крупные, в тонкой оправе — они придавали ему вид задумчивого учёного, который вот-вот сделает великое открытие... или хотя бы наконец разберётся, как работает кофемашина. Он то и дело снимал их, протирал линзы краем футболки — и в эти мгновения его лицо становилось удивительно открытым, почти детским, будто без очков он видел мир чуть иначе: проще, добрее, с большим любопытством. Потом снова надевал — и снова становился собой: внимательным, собранным, готовым ко всему.

Так и в этот раз, снял очки, протер и снова надел. Посмотрел на Светлану, улыбнулся и сделал знакомый жест — сжатый кулак и два растопыренных пальца: «Виктория».

— «Зеро»? Ты же мой хакер! — чуть громче, с удивлением воскликнула Света. — Я же тебя нанимала пару раз для мелких дел...

— Скорее, его хакер, — кивнул Кеша в сторону Сергея, слегка пожимая плечами.

Света обвела взглядом комнату, потом снова посмотрела на мужчин.

— С вами, мальчики, мне всё ясно. А как мне представиться?

— Как тебя в миру зовут, мы знаем, а позывной предлагаю — «Крестная», — спокойно ответил Умник. — Нравится?

— Стоп, мальчики, какой позывной? Зачем мне позывной? Я с вами ещё ни о чём не договорила!

— Уверяю тебя, Светлана, позывной тебе пригодится, — произнёс Умник с той самой уверенностью, которая одновременно раздражала и внушала доверие.

Света перевела взгляд на Кешу. Тот молча кивнул, будто подтверждая: да, тут так принято.

— А почему «Крестная»? — уже тише спросила она.

— Потому что несёшь людям добро, — ответил Умник, чуть склонив голову. — Будто сказочная фея, только с характером.

Света фыркнула, но в груди что-то ёкнуло — не от обиды, а от неожиданной точности. Она прошла по комнате, села напротив Кешы, оперлась локтями о стол.

— И чем вы, мальчики, тут занимаетесь? — её взгляд метался от одного к другому, пытаясь ухватить хоть намёк на правду за этой игрой в позывные.

Умник подошёл, отодвинул стул и сел рядом с Кешей, будто так им было спокойнее держаться вместе.

— Вкратце расскажу, — начал он, и эта фраза прозвучала не как вступление к байке, а как начало серьёзного доклада. — В семидесятых годах была сформирована группа из сотрудников КГБ. Они занимались паранормальными явлениями, поисками разного рода артефактов, и разного рода преждевременных технологий, а также лиц, обладающих экстрасенсорными способностями, на территории Советского Союза, а позже — России.

Он сделал паузу, будто давая ей время уложить в голове этот неожиданный пазл. И правда, нужно было осознать масштаб: целая группа профессионалов, серьёзная структура, государственная машина, которая годами методично изучала то, что большинство считало выдумкой.

— С развалом СССР было принято решение об официальном расформировании группы, — продолжил Умник, и в его голосе проскользнула едва уловимая усмешка, но не весёлая, а горькая, словно от нелепости самой идеи, что такие вещи можно просто закрыть приказом. — Но фактически она не была распущена, а перешла на нелегальное положение — с прямым подчинением избранному кругу лиц в правительстве России. Сейчас к группе прикреплены несколько агентов-кураторов из силовых ведомств, но в целом вся деятельность ведётся самостоятельно.

Умник развёл руками, будто показывая: вот она, вся правда, простая и невероятная одновременно.

Он на мгновение замер, будто собираясь с мыслями, и тихо произнёс:

— Мир куда сложнее, чем способно охватить наше восприятие. Мы привыкли опираться на зрение и слух, но это лишь крошечный фрагмент реальности. Её истинная суть — в сплетении видимого и скрытого, осязаемого и непостижимого. И есть пласты бытия, до которых наука пока не дотянулась — не потому, что их нет, а потому, что наши инструменты ещё не готовы их уловить.

Умник слегка наклонил голову, словно прислушиваясь к собственным словам, и продолжил:

— Границы привычного физического мира куда условнее, чем кажется. В них уживаются феномены, которые не укладываются в рамки сухой рациональности. Представьте: иные формы бытия могут существовать прямо рядом с нами, в том же пространстве и времени. И я говорю не о далёких мирах, а о чём-то близком — буквально под боком.

Сделав паузу, Умник опёрся локтем о стол и чуть понизил голос:

— Например, земные цивилизации, опережающие нас на столетия. Кто-то прячется в глубинах коры, где жизнь подчиняется иной логике, кто-то — в вечной тьме океанских бездн. Их образ мысли, технологии, само существование могут быть настолько чуждыми, что мы либо не способны их распознать, либо сознательно не хотим замечать.

Он откинулся на спинку стула, на мгновение прикрыл глаза, будто выстраивая в уме невидимую карту, и заговорил снова:

— Не менее загадочен и сам человек. В глубинах нашего сознания дремлют способности, о которых мы почти ничего не знаем. Чаще всего они пробуждаются не в покое, а в моменты крайней угрозы — как древний механизм выживания, почти забытый цивилизацией. Телепатия, обострённая интуиция, чувство того, что лежит за пределами органов чувств... Возможно, это рудименты более целостного восприятия мира, которое, когда-то было для нас естественным.

С лёгкой усмешкой Умник провёл ладонью по столу:

— Можно бесконечно дискутировать о порталах, технологиях, опередивших время, о формах разума, не поддающихся классификации. Но именно на стыке науки, мистики и запретного знания работает наша группа. Мы не ищем публичности — она здесь только мешает. Действуем тихо, стараясь не оставлять следов. Наша цель — не доказать, что-то миру, а собрать крупицы истины там, где другие видят пустоту. Пусть это звучит как фантастика, но для нас это обычная работа: полная загадок, рисков и редких, но бесценных открытий.

Закончив, Умник чуть склонил голову, будто стряхивая с себя налёт отвлечённых теорий, и посмотрел на Светлану — спокойно, без вызова, но с твёрдой уверенностью в своих словах.

— Это короткая справка о том, где тебе предстоит работать, — добавил он. — Кстати, ты можешь по-прежнему руководить своим благотворительным фондом — это у нас не запрещается. Но лучше, чтобы этим занимался твой заместитель. А меценатов привлекать придётся обычным способом — уговорами и убеждением. Никаких... особых методов.

Света слушала, и в голове роились мысли. Паранормальные явления, секретные группы, нелегальная работа под прикрытием правительства... Это звучало как сценарий плохого сериала. И всё же что-то в его словах цепляло — не наигранная таинственность, а спокойная уверенность человека, который знает, о чём говорит.

— Сергей, ты всё это мне рассказываешь с такой стопроцентной уверенностью, будто я уже согласилась и буду у вас работать, — наконец произнесла она, глядя ему прямо в глаза.

— Мы умеем подбирать кадры, — снова улыбнулся Умник. — Сомневающихся мы не зовём.

Света откинулась на спинку стула и посмотрела в потолок, где старая лепнина причудливо переплеталась с современными светильниками — как будто два мира, прошлое и настоящее, столкнулись в этой комнате.

«Крёстная», — снова пронеслось у неё в голове. Это слово будто пришло из далёкого детства — в нём слышался и лёгкий пафос, и что-то по-детски наивное. Но в нём было и своё, особенное: оно трогало что-то глубоко внутри, отзывалось тихим эхом, где-то в самой глубине души.

Она опустила взгляд, посмотрела на Кешу — тот снова протирает очки, будто пытался разглядеть в них ответ. Потом на Умника — спокойный, уверенный, будто знал о ней больше, чем она сама.

И вдруг поняла: она уже почти согласилась. Не из-за угроз, не из-за обещаний, а из-за этого странного чувства — будто её место именно здесь, среди этих людей, в этой тайной комнате, где прошлое сплетается с настоящим, а обычные слова обретают новый смысл.

— Ладно, — выдохнула Света, выпрямляясь. — Допустим, я в деле. Рассказывай дальше. Что мне нужно делать?

Умник кивнул, и в его глазах мелькнуло что-то похожее на уважение.

— Начнём с простого, — сказал он. — С твоего первого задания.

Ранее утро. Москва. Небольшой дворик

Тихий московский дворик будто застыл в утренней полудреме. Лишь три бабульки на лавочке у подъезда дома номер семь нарушали эту тишину — оживлённо что-то обсуждали,

размахивая руками. Но стоило во двор бесшумно въехать микроавтобусу, как все трое разом замолчали и усталились на машину, будто на явление из другого мира.

Из микроавтобуса вышла брюнетка — походка уверенная, взгляд спокойный, будто она каждый день появлялась в таких дворах, чтобы менять чужие судьбы. Прошла мимо бабулек, те проводили её взглядами и, едва она скрылась в подъезде, так же синхронно, будто по невидимой команде, возобновили свой разговор.

На третьем этаже дверь квартиры оказалась не заперта. Светлана — теперь уже Крестная — прислушалась: из кухни доносился громкий, раскатистый храп. Она медленно двинулась на звук.

Светлана, которую теперь звали Крестной, замерла на пороге кухни, будто примеряясь к этой странной, застывшей в запустении квартире. Воздух здесь был тяжёлый, пропитанный запахом несвежей еды, пыли и чего-то ещё — горького, безнадёжного. А над всем этим витал громкий, раскатистый храп.

Мужик, уткнувшийся лицом в стол, казался частью этого беспорядка — словно ещё один предмет обстановки, который давно пора вынести на помойку. На его голове, слегка накренившись, покоилась опрокинутая чашка с недоеденной капустой. Рядом стояла бутылка с прозрачной жидкостью. Светлана подошла ближе, взяла бутылку за горлышко, поднесла к носу, чуть принюхалась. Водка. Она поставила бутылку на место, будто даже это прикосновение могло её замарать.

Когда Крестная, листала страницы досье в офисе, и перед глазами складывался не сухой перечень фактов, а живая, горькая история. Хозяин квартиры — бывший капитан ГРУ, человек, который прошёл через столько, что хватило бы на десяток жизней. Неоднократный участник боевых действий, он знал цену каждому приказу, каждой секунде на грани. Но последнее задание стало для него переломным: из-за халатности руководства он потерял большую часть своей группы. Тех, с кем делил риск и хлеб, кто прикрывал спину.

Эта потеря сломала в нём что-то важное. Гнев, копившийся месяцами, прорвался наружу — и его руководство оказалось в больнице. Формально это было рукоприкладство, нарушение устава, но для него — единственный способ сказать: «Вы не имеете права так распоряжаться чужими жизнями». Военная комиссия поставила диагноз — посттравматическое стрессовое расстройство — и комиссовала капитана. Но диагноз не стал лекарством: боль не ушла, а только затаилась, дожидаясь своего часа.

Справиться с ней он пытался по-своему — через алкоголь. Сначала это была попытка заглушить ночные кошмары, потом — привычка, которая постепенно взяла верх. А следом рухнуло и то, что ещё держало его на плаву: жена, не выдержав напряжения и постоянных ссор, ушла, забрав с собой дочь-подростка.

Квартира была трёхкомнатной, и каждая комната рассказывала свою историю. В хозяйской спальне стояла большая двуспальная кровать и массивный платяной шкаф. Светлана открыла дверцы — внутри было пусто. Ни платья, ни блузки, ни даже забытого шарфа. Только запах старого дерева и тишины.

Следующая комната сразу выдавала себя: детская. Стены пестрели наклейками — аниме-персонажи, цветочки, в углу притулились мультяшные единороги. У стены стояла односпальная кровать, рядом — письменный стол и небольшой шкафчик. Светлана подошла к шкафчику, распахнула дверцы. Пусто. Как и в спальне.

Она медленно огляделась. Бардак здесь был не свежим, а давним — такой, что уже успел стать частью интерьера. Пыль лежала ровным слоем, на полу валялись скомканные бумажки, старые игрушки, обрывки чего-то ненужного. Но при этом квартира не выглядела одинокой. Казалось, ещё совсем недавно здесь звучал женский голос, раздавались детские крики, кто-то торопливо вытирал стол, поправлял шторы, клеил на стену новые наклейки. А теперь — ни

одной фотографии. Только светлые прямоугольники на обоях там, где раньше висели снимки. Следы людей, которые когда-то жили здесь и вдруг исчезли.

Светлана вернулась на кухню. Мужик всё так же храпел, уткнувшись в стол, будто мир за пределами этой комнаты его больше не касался. Она присмотрелась к нему: заношенные армейские штаны, тяжёлые ботинки, тельняшка, из-под которой выглядывал шрам — след пулевого ранения. На плечах темнели старые татуировки — знаки спецназа, память о другой жизни. Теперь от того бойца осталась только тень: расплывшееся тело, заросшее лицо, глаза, в которых давно погас огонь.

— Мужик, — громко произнесла Светлана. — Слышишь меня?

В ответ раздался ещё более мощный всхрап.

— Мужчина, вставайте, приехали, конечная! — она нарочно заговорила голосом кондуктора, резко и властно.

— Щас, щас, — пробормотал мужик и снова засопел.

Светлана едва заметно улыбнулась. Хоть какой-то прогресс.

— Мужчина? Братан? — она повысила голос.

— А чё? — наконец поднял голову бородач. Его лицо было лицом человека, который слишком долго жил на дне: широкий лоб, густая купеческая борода, в которой застряли крошки капусты, хлебные крошки, пятна масла — видимо, от рыбных консервов. Глаза смотрели мутно, будто сквозь густую пелену.

— Ты кто? — прохрипел он, пытаясь сфокусировать взгляд на госте.

— Друг. Твой друг, — спокойно ответила Светлана.

— Ты хозяин квартиры? — добавила она чуть позже.

— Я, — буркнул он, всё ещё не понимая, что происходит.

— Тебя Николаем зовут? — спросила она, будто проверяя, что тот кто перед ней, является тем, кого она ищет.

— Что надо? — рявкнул он, теряя терпение.

Светлана не спешила. Она смотрела на него, оценивая, прикидывая, есть ли в этом человеке хоть искра того, кем он когда-то был.

— Значит, Николай. Думать можешь? В порядок себя привести можешь?

— Зачем? — нахмурился он.

Она не собиралась обещать ему избавление от всех бед и не пыталась сотворить чудо — лишь протягивала тонкую ниточку, за которую, быть может, стоило ухватиться. Крохотный, едва уловимый шанс, хрупкий, как стекло, но всё-таки шанс.

— У меня есть для тебя предложение, — проговорила она ровно, без лишней суеты, будто взвешивала каждое слово на невидимых весах.

Николай оторвался от стола, выпрямился, оглядел гостью с ног до головы и ухмыльнулся, качая головой:

— Какое у тебя может быть ко мне предложение? Оглянись, девочка. У меня ничего нет!

Светлана выдержала его взгляд.

— Я дам тебе пять тысяч, — сказала она чётко. — При условии, что ты сейчас приведёшь себя в адекватное состояние, чтобы меня выслушать. Согласен?

— Пять тысяч? Чтобы просто послушать? — в его голосе проскользнуло недоверие, смешанное с жадностью.

Он протянул руку — грязную, в масляных пятнах, будто только что копался в моторе.

— По рукам!

Светлана хотела было пожать её, но, увидев грязь и подозрительные жирные разводы, резко одёрнула свою руку.

— Сначала умойся!

Николай хмыкнул, обтёр ладони о штаны.

— Ну хорошо. Сейчас. Пять минут.

Он поднялся во весь рост — и этот простой жест вдруг стёр с него часть той тяжести, что давила все последнее время. Под слоем запущенности, под рыхлой полнотой, которую время и обстоятельства будто нарочно на него наложили, всё ещё прятался тот самый боец — не позабывший, не сломленный до конца.

Коренастый, крепко сбитый, с плечами, будто созданными для того, чтобы держать на себе груз — не только физический, но и моральный. В нём чувствовалась порода человека, привыкшего стоять твёрдо, даже когда земля уходит из-под ног. Короткая стрижка, когда-то, наверное, по уставу аккуратная, теперь выглядела чуть небрежно, но не теряла формы: дисциплина не исчезла, просто стала тише, ушла вглубь. А на висках уже серебрилась седина — не признак старости, а скорее карта прожитых лет, каждая прядь — отметка о пройденном испытании.

Даже сейчас, посреди этого хаоса, в нём угадывалась сила — не бьющая в глаза, не кричащая, а затаённая, собранная. Она не рвалась наружу, не искала повода проявиться, но была, как туго сжатая пружина: её слишком долго давили, гнули, испытывали на прочность, но она всё ещё хранила в себе энергию, готовую в любой момент распрямиться. Достаточно было лишь искры, верного слова, правильного вызова — и эта скрытая мощь могла вспыхнуть с прежней силой.

Глаза смотрели мутно, будто сквозь густую пелену — то ли от усталости, то ли от чего-то более глубокого, что разъедало изнутри. В этом взгляде не было ни злобы, ни отчаяния, ни даже особой боли — скорее, тяжёлое, вязкое равнодушие, выработанное временем, когда слишком многое теряешь и перестаёшь цепляться за остатки. И всё же, если постараться, за этой пеленой можно было разглядеть отблеск прежнего огня — того самого, что когда-то заставлял его идти вперёд, несмотря ни на что.

В его осанке, пусть и чуть ссутуленной от усталости, всё ещё читалась привычка держать спину прямо, не опускать головы перед трудностями. Он не пытался казаться тем, кем не был, не рисовался, не тянулся вверх, чтобы казаться внушительнее, — ему не нужно было ничего доказывать. Он просто был. И в этом спокойном, тяжёлом присутствии чувствовалось: жизнь его потрепала, но не победила. Где-то внутри, под всеми слоями усталости, запущенности и равнодушия, всё ещё жил боец — готовый, если понадобится, снова выйти на ринг.

— Борец, наверное, — тихо пробормотала Светлана, скорее себе, чем ему. — Или рукопашник.

Через пятнадцать минут Николай вышел из ванной. Лицо было умыто, борода причёсана, одежда чуть приглажена. Запах алкоголя никуда не делся, но выглядел он уже как приличный человек.

Он остановился в дверях, посмотрел на Светлану — уже не мутным, а чуть более ясным взглядом.

— Я готов, — сказал он коротко.

Светлана сделала паузу, будто взвешивала каждое слово, прежде чем продолжить. В воздухе повисла неловкая тишина — та самая, когда один человек готов открыть карты, а другой ещё не решил, хочет ли он их видеть.

— Я пришла к тебе, чтобы озвучить предложение, — произнесла она медленно, с расстановкой, глядя прямо в глаза Николаю.

Но не успела она договорить фразу до конца, как бородач резко вскинул руку, будто отмахиваясь от её слов.

— Стоп! — рявкнул он, и голос его прозвучал неожиданно твёрдо, без прежней хмельной вялости. — Сначала пять тысяч, — процедил он, снова поднимая глаза на девушку.

Светлана не стала спорить, не стала читать мораль. Она просто достала из кармана купюру и протянула её Николаю — спокойно, без пафоса, будто это была не взятка и не подачка, а просто часть сделки.

— На.

Николай взял банкноту, на мгновение задержал взгляд на цифрах, словно проверяя, не мираж ли это. Потом резко свернул её и сунул в карман штанов — так, будто боялся, что, если промедлит, деньги исчезнут. Звук шуршащей бумаги прозвучал в тишине кухни почти оглушительно.

Он выпрямился, расправил плечи, и на миг в нём снова проглянул тот самый бывший боец — человек, привыкший держать удар и не отступать.

— Слушаю, мадам, — изобразил он лёгкий полупоклон, пытаясь сохранить остатки достоинства.

— Сегодня ты точно бухать не будешь, — твёрдо сказала она.

— Без бухла мне ещё хуже, — процедил он, глядя на неё с ненавистью и одновременно с какой-то отчаянной надеждой.

Он хотел схватить бутылку, но Крестная оказалась быстрее — схватила её первой.

— Но мне это необходимо! — почти выкрикнул Николай, и в его голосе прозвучала не просто настойчивость, а отчаянная, почти болезненная потребность быть услышанным.

Каждую ночь сон настигал Николая не как отдых, а как неотвратимое возвращение в прошлое — в тот самый день, который он изо всех сил пытался оставить позади. Ему снились его погибшие сослуживцы, и среди них особенно отчётливо, с пугающей, почти осязаемой ясностью, возникал образ молодого солдата — совсем мальчишки, которому в день гибели исполнилось девятнадцать лет.

Этот парень всегда держался чуть в стороне, не лез вперёд, но и не прятался за спинами других. В нём была какая-то тихая, упрямая твёрдость — будто он понимал, что оказался там, где должен быть, и собирался пройти этот путь до конца, не жалуясь. Николай помнил, как тот в редкие минуты затишья доставал из нагрудного кармана потёртое письмо, бережно разворачивал его и перечитывал, будто черпая в этих строчках силы. В письме была простая, до боли знакомая история: дома у него осталась единственная старенькая мама. Она писала о будничных вещах — о том, как тяжело стало управляться с хозяйством, как скрипят половицы в старом доме, как крыша понемногу сдаёт позиции под напором дождей, и уже не держит воду, как раньше. В этих строках не было жалоб — только тихая констатация фактов, от которых у парня сжималось сердце.

И вот теперь, во снах, этот солдатик смотрел на Николая так, будто ждал от него чего-то — не оправданий, не слов утешения, а какого-то действия, какого-то знака, что его жизнь, его короткая, оборвавшаяся на взлёте судьба, не была напрасной. «Ты нам должен», — повторяли все они, его сослуживцы, хором и по отдельности, и эти слова звучали не как упрёк, а как напоминание о чём-то важном, что осталось незавершённым.

Сны были до жути реалистичными: Николай чувствовал запах сырой земли, слышал отдалённый гул, видел лица товарищей такими, какими они были в тот день — усталыми, сосредоточенными, живыми. И каждый раз, когда он просыпался, липкий холод пробежал по спине, а в груди оставалось тяжёлое, давящее чувство вины — будто он выжил случайно, по ошибке, и теперь должен сделать что-то, чтобы оправдать это случайное спасение.

— Завтра к девяти будь по этому адресу, — она попыталась вложить в его ладонь небольшую карточку, будто передавала не кусок картона, а ключ к чему-то важному.

— К тебе есть интерес, — добавила Крестная спокойно, без нажима, но так, что фраза прозвучала весомо. — Не просто любопытство, а реальный интерес со стороны нужных людей.

Николай хмыкнул, взгляд остался тяжёлым, будто каждое слово приходилось выдёргивать из вязкой тишины.

— Больше не воюю, — проговорил он глухо, словно отрезал. — Хватит с меня. Да и охотники за кадрами давно перестали соваться — после того случая, когда я одного с лестницы спустил, как-то резко все энтузиазм потеряли.

Крестная не отступила, не стала спорить или уговаривать. Просто чуть наклонила голову, удерживая его взгляд, и снова протянула карточку — теперь уже не как приказ, а как приглашение, от которого можно отказаться, но лучше бы не надо.

— Эти люди — другие, — сказала она ровно. — Тут тебе не придётся ни за кого умирать. Скорее наоборот — ты сам будешь заинтересован в жизни. Поверь.

— В чудеса не верю, — отрезал он.

— И я не верю, — кивнула она. — Но верю в то, что ты ещё можешь всё вернуть. Семью. Себя.

Он взял карточку, повертел в руках, будто не понимая, что с ней делать.

— Чтобы ты сегодня выспался, посмотри мне в глаза, — тихо, но властно произнесла Крестная.

Их взгляды встретились.

— Спать, — жёстко сказала она.

И Николай рухнул на пол — не от удара, не от слабости, а потому что приказ прозвучал не снаружи, а внутри, пробившись сквозь толщу его боли и отчаяния. Тело обмякло, дыхание стало ровным.

Крестная постояла над ним минуту, потом наклонилась, поправила край тельняшки, будто укладывала спать ребёнка.

— Молодец, хоть поспишь немного, — прошептала она и вышла из квартиры.

Спустилась по лестнице, прошла мимо бабулек — те снова что-то оживлённо обсуждали, не замечая ничего вокруг. А может, делали вид, что не замечают. Светлана скользнула в тёмный проём двери микроавтобуса, и машина бесшумно тронулась с места.

В квартире на третьем этаже Николай спал — впервые за долгие месяцы без кошмаров.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Раннее утро Москва, офис компании «КОНСАЛТИНГ ЭЙЧАР ЭНД ИНЖИНИРИНГ»

Сонный утренний дворик, ещё не успевший проснуться от городской суеты, вдруг взорвался рёвом мотоцикла. Звук прокатился между домами, спугнул голубей с карнизов и заставил дворника у соседнего подъезда недовольно покоситься в сторону шума.

Возле небольшого старенького здания мотоцикл резко остановился. Мотоциклист заглушил мотор, слез на землю, снял шлем, аккуратно повесил его на рукоять руля. И только потом направился к входу.

Казалось бы, это совсем неприметное здание — скромное, чуть обветшалое, с фасадом, хранящим отпечатки времени: местами облупившаяся краска, едва заметные трещины, будто шрамы от долгих лет службы. Оно словно старалось не привлекать к себе лишнего внимания, прячась в тени более высоких и броских соседей, и прохожий мог бы скользнуть по нему равнодушным взглядом, решив, что внутри — обычный, ничем не примечательный офис.

Но стоило лишь переступить порог, как реальность будто переворачивалась с ног на голову. За старой дверью открывалось неожиданно просторное пространство холла, наполненное светом до самых дальних уголков. Свет лился отовсюду: из высоких окон, сквозь которые пробивались солнечные лучи, из изящных встроенных светильников, мягко очерчивающих контуры помещения, из сияющих глянцевых поверхностей, умножающих каждый отблеск. Он не просто освещал холл — он словно наполнял его жизнью, делал воздух прозрачным и лёгким.

На стенах, словно огромные окна в мир, висели большие экраны телевизоров. Они показывали разные новостные каналы со всего света — кадры сменяли друг друга, создавая бесконечный калейдоскоп событий: репортажи с площадей далёких городов, прямые включения с мест происшествий, спокойные студийные эфиры. Это было похоже на пульсирующее сердце

планеты, биение которого ощущалось прямо здесь, в этом холле. Экраны будто напоминали каждому входящему: здесь следят за всем, что происходит в мире, здесь понимают цену информации, здесь знают, что время не стоит на месте.

Стены холла были украшены дорогими современными панелями — строгими, лаконичными, но в то же время изысканными. Их поверхность переливалась едва уловимыми оттенками, играя со светом, то становясь почти зеркальной, то приглушая блеск до мягкого сияния. Всё вокруг блестело и сияло: полированный камень пола отражал свет, металлические детали фурнитуры ловили солнечные зайчики, стеклянные перегородки искрились, словно покрытые утренней росой.

И в этом сиянии, в этом безупречном порядке и продуманной роскоши чувствовалась не показная пышность, а уверенность, сила, статус. Это действительно была серьёзная, богатая контора — место, где принимают важные решения, где каждая деталь говорит о внимании к делу и уважении к тем, кто сюда приходит. Контраст между скромным, почти застенчивым фасадом и роскошным, наполненным светом интерьером создавал особое впечатление: будто за неприметной оболочкой скрывалась настоящая ценность, которую открывают только тем, кто готов заглянуть глубже.

В стороне от входа, словно на своём стратегическом посту, располагался внушительный офисный стол, а за ним сидела молодая девушка — миловидная, собранная, излучающая спокойную уверенность. Её волосы были уложены с особой тщательностью: каждая прядь лежала на своём месте, но при этом в причёске угадывалась лёгкая, едва уловимая небрежность — будто она сознательно оставила этот маленький штрих, чтобы показать: да, здесь ценят порядок и безупречность, но не собираются тратить драгоценные минуты на погоню за совершенством в мелочах.

Девушке на вид было лет двадцать — двадцать пять. В её облике сочетались юность и собранность, лёгкая непринуждённость и деловая хватка. Стройная, подтянутая фигура выдавала любовь к спорту: в каждом движении чувствовалась энергия, но без суеты — будто она привыкла держать себя в тонусе не ради чужого взгляда, а ради собственной эффективности.

На ней была белая блузка — простая на первый взгляд, но безупречно сидящая. Она мягко облегала фигуру, подчёркивая естественные линии, а чуть расстёгнутые верхние пуговицы добавляли образу непринуждённости: не вызывающей, а скорее расслабленной, будто девушка сознательно выбрала баланс между строгостью дресс-кода и личным комфортом. Декольте не кричало о себе, но ненавязчиво притягивало взгляд, становясь частью её уверенного, спокойного обаяния.

Тонкая шея казалась особенно изящной из-за лаконичной золотой цепочки с небольшой подвеской — скромное, но выразительное украшение, которое не спорило с образом, а лишь деликатно его дополняло.

За столом, где плоский экран монитора был чуть отодвинут в сторону — чтобы не загораживать обзор и не мешать видеть входящих, — девушка быстро и уверенно набирала текст. Её тонкие пальцы порхали над клавиатурой, а длинные белые ногти, аккуратные и ухоженные, лишь подчёркивали эту лёгкость движений. В них не было нарочитой броскости — скорее, это была часть её стиля: следить за деталями, но не позволять им становиться центром внимания.

Лёгкая улыбка едва трогала её губы — будто она вела переписку с кем-то приятным или только что прочла что-то, вызвавшее у неё внутренний отклик. Эта улыбка не была дежурной: в ней чувствовалась искренность, теплота, но без излишней открытости — словно девушка умела оставаться дружелюбной, не теряя профессиональной дистанции.

В ней ощущался особый тип уверенности — не напористой, а спокойной, выстроенной на понимании своих задач и умении с ними справляться. Она выглядела как человек, который знает, что делает, и делает это с удовольствием, не превращая работу в тяжёлую повинность и не теряя при этом ни капли собранности.

— Доброе утро, — спокойно произнёс Николай, стараясь стряхнуть с себя остатки уличного ветра и грохота мотора.

— Доброе утро! Проходите в четвёртый кабинет, вас ждут, — улыбнулась девушка, будто каждый день тут появлялись такие вот суровые типы на мотоциклах.

Николай прошёл по длинному, ярко освещённому коридору. В воздухе витал запах новизны — так пах недавно открытый офис и свежий сваренный кофе. Дверь с табличкой «4» он нашёл без труда. Толкнул, вошёл.

Внутри кипела жизнь.

Юноша в очках что-то горячо доказывал брюнетке, размахивая руками так, будто от этого зависела судьба мира.

В кресле сидел мужчина средних лет, лениво листая газету из разряда жёлтой прессы.

У кофемашины хлопотал седой мужчина лет пятидесяти — будто не просто готовил напиток, а проводил какой-то тонкий, едва уловимый ритуал. Его волосы были взъерошены, словно он то и дело запускал в них пальцы, размышляя над очередной головоломкой, а слегка помятый пиджак и накинутый поверх него старый лабораторный халат создавали образ человека, для которого удобство и работа важнее внешнего лоска. Халат, потрёпанный и выцветший, хранил на себе следы долгих лет службы: тут и там виднелись едва заметные пятна, будто от пролитых реактивов или чернил, — словно летопись бессонных ночей и напряжённых поисков.

Приготовив себе чашечку кофе, мужчина на пару секунд замер, будто прислушиваясь к себе и к миру вокруг. Его лицо на мгновение застыло в особой сосредоточенности: он вздул щёки, слегка выпучил глаза — словно вёл напряжённый внутренний диалог, спорил сам с собой, взвешивая аргументы и отыскивая единственно верное решение. В этот момент он напоминал учёного, который балансирует на грани озарения: ещё чуть-чуть — и пазл сложится, и всё встанет на свои места.

Одной рукой он крепко держал чашку, будто она была не просто сосудом с горячим напитком, а своего рода якорем, помогающим удержаться в бурном потоке мыслей. Другой рукой он то и дело делал короткие, порывистые жесты — будто расставлял невидимые фигуры на шахматной доске или очерчивал контуры ещё не сформулированной идеи. Эти движения были не хаотичными, а подчинёнными внутренней логике, словно он визуализировал свои рассуждения прямо в воздухе.

Выглядел он так, будто не спал уже не одну ночь: в чертах лица читалась усталость, в глазах — лёгкая краснота, а в осанке — напряжение долгих часов напряжённой работы. Но в этом образе не было ни отчаяния, ни изнеможения. Напротив, в нём чувствовалась упрямая решимость: он не собирался сдаваться, не собирался опускать руки, даже если усталость тянула вниз. В нём жила та самая внутренняя искра, которая заставляет идти вперёд вопреки всему, — искра человека, одержимого своим делом и верящего, что следующая чашка кофе, следующий жест, следующая мысль могут стать ключом к разгадке.

— Добрый день! — громко, чтобы перекрыть общий гул, произнёс Николай.

— Ну, все в сборе, — мужчина в кресле отложил газету, поднялся и подошёл к столу. — Предлагаю, коллеги, начать.

— Мне кто-нибудь расскажет, что я здесь делаю? — Николай данную фразу произнес так громко, что в комнате повисла тишина. Все разом обернулись на него, будто только сейчас заметили, что он вообще здесь.

— Я могу рассказать, — спокойно ответил мужчина, который до этого читал газету. — Вы, Николай, здесь по моей просьбе. И я предлагаю вам поучаствовать в интересном мероприятии. Есть желание?

— Пока не знаю, — честно ответил Николай.

— Ясно. Но надеюсь, понимание придёт, — кивнул мужчина. — Давайте познакомимся.

Он обвёл рукой присутствующих.

— Вчерашняя ваша гостья — Светлана. Этот юноша в очках — Иннокентий, можно просто Кеша. Мужчина с кофе — Эдуард Николаевич. Ну а меня зовут Сергей. Как к вам, Николай, можно обращаться?

— Николай.

— Хорошо. Тогда предлагаю приступить к обсуждению вопроса.

Все стали рассаживаться за столом, поворачиваясь к экрану на стене. Свет в комнате погас, и из проектора ударил луч. На экране вспыхнула жуткая картина: захолустный дворик, залитый тусклым светом фонаря, и на фоне покосившихся гаражей — окровавленные, изуродованные тела.

— Ой, простите! — Кеша дёрнулся, быстро щёлкнул пультом, и вместо кошмара на экране появилась спутниковая карта России. — Не с того начал...

— Месяц назад, — голос Сергея стал сухим, деловым, без лишних эмоций, — во Владивостоке появилась серия нападений со смертельным исходом. Происходили они в разных районах города и пригорода — и каждый раз жертвами становились члены криминальных групп.

Кеша снова щёлкнул пультом. На экране вновь возник тот самый дворик. Потом кадры стали сменять друг друга: фото с разных ракурсов, крупные планы оружия, гильз, следов на асфальте.

— Это съёмка с последнего места происшествия, — продолжил Сергей. — Все жертвы принадлежали к одной группировке. На месте нашли оружие и гильзы. На некоторых телах обнаружены следы человеческих зубов. Свидетели ничего не видели, но слышали выстрелы и крики.

— Криминальные разборки? — предположила Светлана, наклоняясь вперёд, будто пыталась разглядеть в этих фото что-то, что ускользало от остальных.

— По пулям и гильзам, картина следующая — покачал головой Сергей. — Все пули и гильзы соответствуют оружию, найденных на месте. Чужого оружия или гильз не обнаружено. Отпечатков пальцев, следов обуви, принадлежащих кому-то еще кроме жертв, также не обнаружено. То есть, по сути, люди стреляли из своего оружия, но друг в друга, или в стороны. Или это какая-то дикая постановка?

Светлана нахмурилась, будто пыталась сложить пазл, где не хватало половины деталей.

— Сколько всего жертв? — спросил Николай, впервые за всё время по-настоящему вовлекаясь в разговор.

Сергей посмотрел на него, чуть задержав взгляд, будто оценивая, готов ли этот человек к тому, что услышит дальше.

— На этом месте — пятнадцать человек. Всего было три эпизода: в первом, заброшенном складе — пять жертв, на закрытой стоянке, во втором эпизоде — двенадцать, в третьем эпизоде, в охраняемом особняке — пятнадцать. Итого — тридцать два разорванных тела. Уголовные дела по факту между собой не связаны, и приостановлен. Местные власти пытаются скрыть от прессы, но она всё равно просачивается.

Он положил на стол жёлтую газету. На первой полосе — кричащий заголовок: «Мафии конец! Власти натравливают обученных зверей на ОПГ».

— Думаю, это начало, — Сергей ткнул пальцем в заголовок. — И нам предстоит выяснить, что там происходит. Потому что если это не разборки, не случайность и не работа какой-то спецгруппы, то... тогда остаётся нечто куда более интересное.

— Начало чего? — недоумённо спросил Николай.

— Начало кровавого следа, — спокойно отозвался Умник.

Светлана медленно обвела взглядом комнату, будто пытаясь отыскать в её обыденности хоть намёк на объяснение происходящего.

— Ну не мог же один человек всё это сотворить... — в её голосе не столько звучало сомнение, сколько пробивалась надежда. Ей хотелось верить, что за этим ужасом стоит не одиночка, а банда — пусть безжалостная, отмороженная, но всё же укладывающаяся в привычные схемы расследования, поддающаяся логике, которую она знала.

— Такая вероятность не исключена, — произнёс, Умник сдержанно и чуть наклонил голову, словно примеряя слова, прежде чем выпустить их наружу. — Слышали легенды о ярых воинах древности — тех самых, кого позже прозвали берсерками. Впав в особый транс, они становились почти неукротимыми: сражались с силой и яростью, будто под одной шкурой скрывалось сразу несколько десятков бойцов. Скорость, мощь, безудержная ярость — всё множилось, превращая одного человека в настоящую бурю.

Он сделал короткую паузу, будто давая собеседникам прочувствовать эту картину, а потом тихо добавил:

— Кто знает... Может, где-то до сих пор живёт отголосок той древней неистовости. Или кто-то нашёл способ пробуждать её искусственно — намеренно разжигать в человеке этот первобытный огонь.

Светлана поёжилась, словно от внезапного холода. Николай нахмурился, осмысливая услышанное, и тихо пробормотал:

— То есть ты хочешь сказать, что один человек действительно мог сотворить всё это... если в нём проснулся такой звериный дух?

Умник не спешил с ответом. Он медленно провёл взглядом по следам разрушений в комнате, словно сопоставляя древнюю легенду с жуткой реальностью, и наконец произнёс:

— Я не утверждаю, что так и было. Но исключать этого нельзя. Иногда самые невероятные объяснения оказываются ближе к истине, чем привычные схемы.

— А что нам вообще известно? — спросил Николай, обращаясь к Умнику и невольно потирая виски, словно пытался прогнать навалившуюся усталость.

— Нам известно, — начал перечислять Умник, ровным, бесстрастным голосом, — место происхождения, имена жертв, примерное понимание их рода занятий. Все они, кстати, не пересекались ни по работе, ни по кругу общения — на первый взгляд, между ними не было ничего общего.

— А имелись ли конфликты между какими-либо группами, к которым могли принадлежать жертвы? — произнесла Светлана, будто цепляясь за малейшую возможность найти хоть какую-то логику в происходящем.

— По предварительным данным, нет, — подытожил Умник. — Ни открытых противостояний, ни скрытых разногласий, ни даже бытовых стычек, которые могли бы перерасти во что-то большее. Всё чисто. Слишком чисто.

— А как тогда искать виновника всех этих случаев? — нерешительно озвучила Светлана то, что тяготило всех находящихся за столом людей. Её вопрос повис в воздухе, тяжёлый и горький, словно признание собственного бессилия перед лицом загадки.

— Именно это нам и предстоит выяснить, — спокойно подытожил Сергей. — Поэтому всем нам запланирован вылет во Владивосток — послезавтра.

Он посмотрел на Кешу и Эдуарда Николаевича.

— Вы вылетаете отдельным «комфортабельным» самолётом завтра вечером.

Кеша уже знал, что комфортабельный самолет у Умника, это военный транспортник, и от этого Кеша немного взгрустнул.

Потом его взгляд снова остановился на Николае, который всё ещё не мог оторвать глаз от застывшего кадра на экране — от этого дворика, от тел, от ощущения чего-то неправильного, неестественного.

— Николай, есть желание побывать с нами во Владивостоке?

Николай наконец оторвал взгляд от экрана, посмотрел на Сергея, потом на остальных — на Светлану, на Кешу, на Эдуарда Николаевича, который молча протягивал ему чашку кофе.

— Ну, я пока ничем не занят, — пожал плечами Николай, принимая чашку.

— Командировочные будут? — добавил он после паузы, и в этом вопросе прозвучала не жадность, а привычная осторожность человека, который давно не верит в бесплатные подарки судьбы.

— Конечно! — улыбнулся Сергей. — Всё будет, как положено.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Полдень следующего дня. «Рублевка». Дом Спиридона

За высоким каменным забором, будто выросшим из самой земли, высился дом, который легко было спутать со средневековым замком — массивные стены, узкие окна, башенки по углам. Казалось, время здесь застыло, а правила диктовали не законы, а сила.

У главных ворот — их и воротами-то назвать было сложно, скорее крепостными вратами — стояли охранники с короткоствольным оружием. Ещё несколько человек дежурили у въездных ворот позади дома, другие обходили периметр. С высокой долей вероятности охрана была и внутри. В саду неторопливо работали двое садовников, в окнах мелькали силуэты горничных — обычная, на первый взгляд, картина обеспеченной, тщательно охраняемой жизни.

Но спокойствие было обманчивым.

В один миг, словно по беззвучной команде, вся внешняя охрана рухнула на землю — не от выстрелов, не от криков, а от чего-то, что действовало быстрее и тише самой смерти. Никто не успел среагировать: ни схватиться за оружие, ни подать сигнал тревоги. Тела оседали неловко, будто из них разом вынули все кости, и замирали в неестественно застывших позах.

И тут же, словно из ниоткуда, с разных сторон через забор бесшумно перелетели лёгкие чёрные фигуры. Они двигались с пугающей синхронностью, будто были частями единого механизма: одинаковая черная униформа, черные балаклавы, скрывающие лица до неузнаваемости, в руках у некоторых — тепловизоры, чьи экраны мерцали тусклым зеленоватым светом, выхватывая из темноты малейшие признаки жизни.

Обменявшись короткими, отточенными жестами — парой взмахов рук, едва заметным наклоном головы, — они мгновенно распределились по секторам и двинулись к дому.

Их шаги были почти неслышны, движения — отточены до автоматизма. Проникнув внутрь, фигуры разделились на группы и разошлись по разным концам здания, растворяясь в полумраке коридоров.

А в это время за закрытыми дверями, у большого крытого бассейна, сидел Спиридон. В белоснежном толстом халате, с тарелкой перед собой, он выглядел почти домашним — если не считать тяжёлого, цепкого взгляда и привычки держать мир на коротком поводке.

Перед ним стоял секретарь Игорь — высокий, худощавый, с такой прямой спиной, будто в неё вставили стальной стержень. Его слегка вытянутый нос, казалось, сам по себе стремился вперёд, подчёркивая эту вечную попытку выглядеть собраннее и строже. Игорь и правда изо всех сил старался вытянуться по стойке смирно — не просто расправить плечи, а буквально стать выше, будто от этого зависела его значимость в глазах начальника.

Секретарь, докладывая о делах, и в том числе о той самой неприятной ситуации: о пятидесяти миллионах, которые Спиридон, сам не помня, как, перевёл в какой-то международный благотворительный фонд.

— Надо найти эту девку! — рявкнул Спиридон, тыча пальцем в фотографии: где он сам стоит рядом с молодой брюнеткой и улыбается, как мальчишка. — Развела как лоха! Убью!

Он помолчал, будто взвешивая что-то в уме, и вдруг качнул головой — скорее нет. А потом уголки губ дрогнули в усмешке, и в глазах Спиридона вспыхнул совсем другой огонь — не деловой, а жадный, почти хищнический.

— Таких надо к себе брать, — протянул он неторопливо, разглядывая её, словно уже примерял к своему миру. Молодая, красивая... в ней было то самое сочетание, от которого у него внутри что-то загоралось. Умная, дерзкая — не из тех, кто опускает глаза и кивает по любому поводу.

Он чуть наклонил голову, будто пробуя эту мысль на вкус, и снова повторил, уже твёрже, с оттенком собственничества:

— Люблю таких. В них жизнь кипит. С ними не соскучишься.

— Георгий Николаевич, — спокойно произнёс Игорь, держа в руке телефон, — наш человек уже занимается этим вопросом. Думаю, вопрос двух, максимум трёх дней: кто она, чем занимается, где живёт...

Спиридон хмыкнул, но в глазах мелькнуло не столько раздражение, сколько тревога.

— Меня другое терзает, — произнёс он, делая паузу. — Как она меня заворожила? Колдунья, что ли?

— Может, расширить зону поисков? — подхватил Игорь. — Поискать среди тех, кто связан с эзотерикой, магией...

— Вряд ли она среди них, — фыркнул Спиридон. — Там чаще шарлатаны и мелкие мошенники. А она... — он снова посмотрел на фото, — она настоящая. Профессионал.

— Тогда можно добавить в список психологов, гипнотизёров, — предложил Игорь.

— Хорошая идея, — кивнул Спиридон. — Добавь.

И в этот момент дверь тихо щёлкнула. Секретарь Игорь рухнул на пол, и Спиридон увидел торчащий из его шеи дротик.

Он поднял глаза. В дверях стояли трое.

Двое огромных близнецов в форме медбрatьев застыли у двери — будто не живые люди, а отлитые из металла статуи, поставленные здесь для устрашения и порядка. Их габариты внушали невольное уважение: широкие плечи, массивные торсы, руки, в которых даже самый крепкий человек почувствовал бы себя хрупким. Форма на них сидела туго, подчёркивая эту грубую, почти пугающую силу, и в то же время выглядела до нелепого буднично — словно маскировка, которая лишь подчёркивала, что перед тобой не обычные санитары.

Они не переглядывались, не шевелили пальцами, не поправляли рукава — стояли неподвижно, будто выключенные, и от этой полной, почти неестественной неподвижности становилось не по себе. В их молчании не было напряжения, но не было и покоя: это была тишина ожидания, тяжёлая, как перед грозой. Казалось, они способны простоять так часами, не моргнув, не шевельнувшись, пока не поступит приказ.

Между ними стояла молодая женщина в форме медсестры — и рядом с громоздкими, близнецами она казалась почти хрупкой, но не слабой, а по-своему стойкой, как тонкая ветка, которая гнётся, но не ломается под ветром.

Её лицо было миловидным, без резкой выразительности, но оттого особенно приятным — в нём не было ни напряжённой собранности, ни показной строгости, только мягкая, естественная открытость. Большие спокойные глаза смотрели так, будто в мире не существовало ничего, чего нельзя было бы унять добрым словом или терпеливым ожиданием. В их глубине не было суеты — лишь тихая готовность понять, услышать, помочь. Казалось, она умела видеть не только симптомы, но и человека за ними: усталость, спрятанную за бравадой, страх, замаскированный под раздражение, боль, которую стараются не показывать.

Лёгкая полуулыбка едва трогала её губы — не дежурная, не натянутая, а словно отражение внутреннего равновесия. Она не старалась никого очаровать, не искала одобрения; эта улыбка была скорее привычкой — способом мягко обозначить: «Я здесь, я не причину вреда, можно выдохнуть». И удивительным образом даже самые напряжённые люди рядом с ней будто невольно сбрасывали часть брони, чуть опускали плечи, позволяли себе стать чуть уязвимее.

Форма сидела на ней ладно, но без излишней аккуратности, будто она не стремилась к идеальной выправке, а ценила в первую очередь удобство — чтобы в любой момент можно было наклониться к пациенту, поправить одеяло, взять чью-то руку в свою. В этом неброском облике было что-то успокаивающее: она выглядела как человек, который знает своё дело, не кичится этим и не теряет человечности даже в самых тяжёлых обстоятельствах.

И в контрасте с неподвижными, похожими на стражей близнецами она становилась центром тишины в этом шумном, тревожном пространстве — той самой точкой, где можно было на секунду остановиться, перевести дух и поверить, что всё будет в порядке.

Никто из них не произнёс ни слова.

Медсестра спокойно подошла к Спиридону, отодвинула в сторону его тарелку с фотографиями — поставила на стол небольшой портативный телевизор с открытым видео, поставленным на паузу. Рядом положила кнопочный телефон — Nokia 3310.

Телефон зазвонил.

Медсестра молча кивнула Спиридону — бери, мол.

Он взял трубку, нажал кнопку.

— Георгий Николаевич, добрый день! — из трубки донёсся голос мужчины: негромкий, спокойный, с приятной, чуть бархатистой окраской — он словно сразу задавал мирный тон разговору.

— Ты кто?! — рявкнул Спиридон, но голос в трубке даже не дрогнул.

— Думаю, в той ситуации, в которой вы сейчас оказались, это не имеет значения, — так же мягко продолжил собеседник. — Посмотрите видео.

Спиридон коснулся экрана. Видео пошло.

На экране — новостной выпуск. Ведущий с серьёзным лицом рассказывал:

«Сегодня утром поступила информация о том, что известный предприниматель Спиридонов Георгий Николаевич из-за нервного срыва попытался совершить самоубийство, и только благодаря случайности этого не произошло. Сейчас, со слов близких к Георгию Николаевичу людей, стало известно, что в последнее время господин Спиридонов испытывал тяжелейшие психологические нагрузки, связанные с падением бизнеса, что и повлекло за собой нервные срывы. В настоящее время господин Спиридонов находится в одной из частных психиатрических клиник Москвы. По словам источников, позже он отправится на реабилитацию в одну из частных клиник в Швейцарии».

На экране возник незнакомый Спиридону молодой человек, который был из тех, чья внешность запоминается не броской красотой, а особой, почти театральной выразительностью. Аккуратное, чуть удлинённое лицо, тонкие, чётко очерченные брови, которые то взмывали вверх, то сходились у переносицы, подчёркивая каждую эмоцию. Его глаза беспокойно бегали, словно он пытался одновременно удержать в фокусе и собеседника, и собственные мысли, и весь мир вокруг — и от этого в нём чувствовалась редкая, почти неукротимая живость.

Герой ролика, будто сидел на краешке стула, подавшись вперёд, словно хотел через камеру дотянуться до собеседника и схватить его за руку, чтобы тот наконец-то всё понял.

— Здравствуйте! — выпалил он, чуть запнувшись на первом слове, будто только сейчас осознал, что его видят и слышат. — Я Антуан Голубовский, близкий друг Гоши... Ой, простите, Георгия Николаевича.

Он на секунду зажмурился, будто ругая себя за фамильярность, а потом снова распахнул глаза, и в них плескалась такая искренняя тревога, что ей, казалось, можно было заполнить целую комнату.

— Последнее время он так страшно переживал за свой бизнес... Там всякие кризисы, санкции, поставщики подводят, аренда растёт — я даже не представляю, как он всё это тянет. Иногда сидим с ним вечером, уютненько так, свечи зажигаем, чай пьём, я стараюсь его отвлечь,

анекдоты какие-то рассказываю, глупые, но хоть бы улыбнулся... А он сидит, смотрит в одну точку, и у него глаза такие печальные, знаете? Прямо до дрожи.

Антуан нервно поправил воротник рубашки, потом провёл ладонью по волосам, будто пытался уложить не причёску, а собственные мысли.

— Я ему говорю: «Гошенька, ну не волнуйся, всё пройдёт! Ну правда, сколько уже было этих кризисов — и ничего, выплывали!» А он только плечами пожмёт и скажет: «Не в этот раз, Тотоша». И вот это «не в этот раз» меня больше всего пугает. Он ведь обычно борец, он никогда не сдаётся, а тут... будто свет внутри погас.

Он замолчал на мгновение, прикусив губу, и его пальцы, лежавшие на краю стола, слегка подрагивали.

— Я понимаю, что, наверное, несу сейчас какую-то эмоциональную чушь, и вам это совсем не нужно, но я просто... я не знаю, к кому ещё обратиться. С родными он не разговаривает — говорит, не хочет их пугать. Партнёры все заняты своими проблемами. А я... я просто вижу, как он тает на глазах. И мне кажется, если сейчас не сделать хоть что-то, он просто сломается.

На экране мелькнул фрагмент: Спиридон в больничной пижаме, слегка потрёпанный, с пустым, отрешённым взглядом, из уголка рта тонкой ниткой свисает слюна. Потом появился врач:

«Георгия Николаевича доставили к нам несколько часов назад в нестабильном состоянии. Сейчас состояние больного стабилизировалось...»

Ведущий снова в кадре:

«Желаем Георгию Николаевичу скорейшего выздоровления».

Видео остановилось.

— Георгий Николаевич, это завтрашние новости, — голос из трубки снова стал слышен, такой же спокойный, будто речь шла о погоде. — По этому вопросу есть желание вести беседы?

Спиридон посмотрел на близнецов. Было ясно: если он сделает хоть одно неверное движение, эти двое превратят его жизнь в короткий, болезненный эпизод. Он понял: эти люди не шутят. Они не пришли за деньгами. Они пришли за контролем.

— Чего вам от меня надо? — его голос стал тише, ровнее.

— Выбор, — ответил голос. — Стать добропорядочным гражданином и меценатом — или стать сошедшим с ума бывшим олигархом, от которого все отвернутся. Мы это умеем делать. Я знаю, вы ищете брюнетку. Оставьте её в покое — и я оставлю в покое вас.

— Какая брюнетка? — попытался сыграть в непонимание Спиридон.

— Вы знаете, о ком речь. Денег вам от неё всё равно не вернуть, да и не в деньгах дело. Вы хотите вернуть самолюбие. А деньги благодаря вам пошли на благое дело — не это ли главное? Сами ли вы их принесли или божьим промыслом — уже не важно. Сейчас вам указали благой путь. Рекомендую им воспользоваться.

— Если я откажусь?

— Забвение, — просто ответил голос.

Спиридон молчал. Он понимал: эти люди могли бы просто его убрать. Но они предложили выбор. И в этом выборе не было иллюзий.

— Я вас понял, — наконец произнёс он.

Да, он всё понял. Те, кто к нему пришли, явно не нуждались в его деньгах. Для них он был не олигархом, а бывшим отморозком, который подобрал с пола пластмассовую корону и напялил её на своё раздутое эго. И самое обидное — Спиридон знал, что это правда. Пятьдесят миллионов для него — вечер в казино. Но репутация, имя, влияние — вот что было по-настоящему дорого. И вот что у него могли отнять в одну секунду.

— Хорошего дня, Георгий Николаевич, — сказал голос и отключился.

Спиридон положил телефон на столик. Медсестра забрала оба устройства — телевизор и телефон, наклонилась, вытащила дротик из шеи секретаря, спокойно, буднично, будто убирала со стола пустую чашку. После протянула руку за фотографиями, в руках Спиридона, медленно вытянула их без сопротивления рук. Затем развернулась и вышла из зала. Близнецы последовали за ней, тихо закрыв за собой двери.

Оставшись один, Спиридон наклонился к Игорю, подобрал его телефон и нажал на кнопку вызова.

— Это Спиридон говорит, — произнёс он глухо. — По девке отбой. Я так сказал.

Он откинулся на спинку кресла, посмотрел на воду в бассейне, на блики света на поверхности. Впервые за долгое время он почувствовал не власть, а хрупкость своего положения. И впервые за долгие годы понял: иногда самый сильный ход — это не удар, а шаг назад.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Следующий день, вечер. Москва. Аэропорт

Зал ожидания гудел, как растревоженный улей: объявления сливались в монотонный гул, чемоданы катились по полу, люди спешили, оглядывались, искали выходы и табло. В эту суету по очереди, с интервалом в несколько минут, вошли трое — и тут же растворились в толпе, будто и не были знакомы вовсе.

Умник первым прошёл паспортный контроль, небрежно бросил взгляд на вошедшего следом бородатого верзилу в спортивном костюме — и тут же вернулся к своей книжице, будто ничего интереснее в мире не существовало.

В противоположном конце зала, у окна с видом на взлётную полосу, Крестная листала туристический журнал. На обложке — пальмы, лазурный берег, беззаботные улыбки. Она мельком пробежала глазами по строчкам, но мыслями была далеко отсюда.

Бородач, вошёл в зал, осмотрелся, приметил свободное место в зоне кресел — и сразу направился туда. Усевшись, достал из-под мышки свёрнутый журнал про рыбалку и уткнулся в него, будто собирался провести в зале ожидания не час, а все выходные.

Вокруг сновали люди, не замечая друг друга, каждый был занят своим маленьким миром. Но через пятнадцать минут всё изменилось: объявили посадку на рейс Москва — Владивосток. Пассажиры ручейками потянулись к выходу, и трое из них — Умник, Крестная и Бородач — двинулись вместе, но по-прежнему не подавая виду, что знают друг друга.

У входа в самолёт их встретили две стюардессы — две противоположности, которые, сливаясь в едином ритме работы, создавали ощущение надёжности и уюта.

Виктория была словно воплощением северной прохлады и света: белокожая, с волосами цвета спелой пшеницы, уложенными в аккуратную, но не жёсткую причёску — будто ветер едва коснулся прядей и оставил их лежать так, как им самим хотелось. Её лёгкая улыбка не была широкой или навязчивой — она появлялась едва заметно, тонкой линией, и в ней чувствовалась искренность, а не заученная вежливость.

Анна, напротив, казалась согретой солнцем: её кожа хранила тёплый, ровный загар, а тёмно-каштановые волосы, чуть волнистые, были собраны в строгий, но не тугий пучок — так, чтобы ни одна прядь не мешала работе, но при этом сохранялся намёк на живую, естественную красоту. Её глаза — внимательные, цепкие, но вовсе не холодные — словно сканировали пространство, мгновенно замечая всё, что требовало внимания: пассажира, который замешкался, сумку, неудачно поставленную в проход, едва заметное напряжение в чьём-то лице. Она не просто смотрела — она видела, и от этого возникало чувство, что здесь ничего не ускользнёт от контроля. Её улыбка была чуть шире, чем у Виктории, и в ней было больше тепла — такого, которое помогает снять лёгкое волнение перед полётом, заставить человека выдохнуть и поверить, что всё будет хорошо.

Рассадив пассажиров, стюардессы провели инструктаж. Пилот по громкой связи поприветствовал всех, пожелал приятного полёта. Самолёт плавно оторвался от земли и встал на маршрут.

Спустя какое-то время после того, как лайнер вышел на крейсерскую высоту, по салону прозвучало разрешение отстегнуть ремни и свободно передвигаться. В воздухе сразу будто стало чуть легче: пассажиры начали потихоньку оживать после первых минут сосредоточенного ожидания — кто-то потянулся, кто-то достал из кармана телефон, чтобы мельком взглянуть на время, кто-то просто откинулся на спинку кресла, позволяя себе наконец выдохнуть.

Стюардесса Анна, плавно скользила между рядами кресел. Её движения были настолько выверенными, что она умудрялась проходить по узкому проходу, не задевая ни подлокотников, ни чьих-либо коленей, и при этом успевала замечать всё вокруг: пассажира, который нерешительно оглядывался, будто искал, к кому обратиться; ребёнка, беспокойно ёрзавшего рядом с мамой; пожилого мужчину, которому, казалось, было непросто устроиться поудобнее.

— Добрый день! — Анна снова улыбнулась, на этот раз чуть теплее, будто заранее хотела смягчить ту небольшую просьбу, с которой ей предстояло обратиться. — Простите за беспокойство, но у нас возникла одна ситуация... Не могли бы вы рассмотреть возможность поменяться местами с пассажиром из бизнес-класса?

Она чуть наклонила голову, стараясь поймать взгляд пассажира, чтобы он почувствовал: это не формальное требование, а искренняя просьба, в которой есть своя человеческая логика.

— Дело в том, что он и ваш сосед — родственники. Они очень хотели бы провести весь полёт рядом, быть вместе, особенно учитывая, что дорога предстоит неблизкая. Понимаю, что менять привычное место всегда немного неудобно, и, если это совсем невозможно — мы, конечно, всё поймём. Но если у вас получится пойти нам навстречу, это будет по-настоящему ценно.

Умник отложил книжку, посмотрел на соседа справа: тот смотрел в окно, потом повернул голову, улыбнулся и снова отвернулся.

— Конечно, — спокойно ответил Умник.

Поднялся с кресла, Умник, стараясь двигаться как можно аккуратнее, чтобы никого не задеть в тесном проходе. Он пошёл следом за стюардессой, слегка наклонив голову вперёд — будто так было проще сосредоточиться на том, чтобы не оступиться.

Проходя мимо бородача, Умник, случайно задевает его ногой

— Извините! — вежливо откланялся Умник.

— Смотри, куда прёшь! — буркнул Бородач.

— Ещё раз простите! — обернулся Умник.

Анна плавно отодвинула плотную штору, отделявшую эконом-класс от бизнес-класса. Ткань скользнула в сторону с едва слышным шуршанием, приоткрыв пространство, где всё выглядело чуть более размеренным и спокойным: кресла стояли свободнее, свет был мягче, а сам воздух словно дышал чуть иначе — без той лёгкой напряжённости, что витала в хвосте самолёта.

Умник, всё ещё немного смущённый недавней неловкостью, осторожно переступил порог, будто боялся, что его присутствие здесь — какая-то ошибка. Анна тут же закрыла штору за ним — лёгким, отработанным движением, без лишней суеты.

А в эконом-классе тем временем жизнь текла своим чередом. Бородач, не проронив больше ни слова, неторопливо поднялся из кресла. Его движения были нарочито расслабленными, будто он специально подчёркивал: «Я здесь хозяин положения, и мне всё нипочём». Он неспешно потянулся, с хрустом разгибая спину, будто сбрасывая с себя груз полёта — или, может, груз собственных дурных манер. Затем, похрустев пальцами, он двинулся по проходу в сторону туалета, покачивая плечами, словно демонстрируя всем вокруг свою непринуждённость.

Проходя мимо молодой брюнетки, сидевшей у окна, он вдруг приосанился, будто вспомнив о своей привлекательности. Слегка подмигнул ей — коротко, но выразительно, — а потом чмокнул воздух, посылая воздушный поцелуй. В этом жесте было столько нарочитой бравады, что он выглядел почти комично: будто Бородач пытался одним движением вернуть себе ощущение значимости, доказать себе и окружающим, что его настроение никак не испортила суета вокруг.

Брюнетка едва заметно поморщилась и тут же отвернулась к иллюминатору, делая вид, что ничего не заметила. Её плечи чуть напряглись, будто она хотела стать незаметнее, слиться с креслом и забыть о существовании этого шумного соседа. Кто-то из пассажиров тихо хмыкнул, кто-то закатил глаза, но вслух никто ничего не сказал — в самолёте, где все вынуждены делить тесное пространство, люди часто предпочитают просто переждать неприятный момент, не вступая в конфликт.

Бородач дошёл до туалета, развернулся и двинулся назад — прошёл мимо пассажиров и мимо Крестной, по-прежнему сидевшей тихо, будто стараясь не привлекать к себе внимания. У шторы, отделявшей бизнес-класс, он ненадолго застыл, а затем шагнул за неё.

В тот же миг перед ним развернулась напряженная картина — время словно застыло, превратившись в бесконечно долгую, мучительную секунду. Слева от прохода стояла Анна, стюардесса, которая ещё недавно с тёплой улыбкой разносила воду и пледы. Теперь в её руке поблескивал шприц: прозрачный цилиндр, прозрачная жидкость, а игла холодно мерцала в тусклом свете салонных ламп. Лицо Анны, прежде такое доброжелательное, теперь казалось чужим — черты стали резкими, взгляд — жёстким и отрешённым, словно она больше не принадлежала себе и следовала чьему-то безжалостному плану.

Умника держали с двух сторон: сзади — мужчина в деловом костюме, его хватка не давала пошевелиться, а спереди мужчина в куртке-бомбере пытался обмотать ему рот скотчем.

— Опа! — хмыкнул Бородач, ухмыляясь. — Чё, чувак, не везёт в бизнесе?

— Гражданин, сядьте на своё место! — резко бросила Анна, шагнув к нему.

Бородач даже не подумал садиться. Резко вскинул руки — будто сдаётся... и в ту же секунду хлестко ударил левой ладонью стюардессе в горло.

Не давая никому опомниться, тут же выбросил руку в боковом ударе — прямо в лицо мужчине в кожанке.

Анна выронила шприц; пальцы судорожно вцепились в горло, рот беззвучно распахнулся в немом крике. Мужчина в кожанке рухнул на кресла — из носа хлынула кровь, алые капли брызнули на обивку.

Умник резко рванулся назад — и затылком впечатал в нос державшего его бизнесмена. Тот охнул и разжал руки, будто обжёгшись. Мгновение — и Умник уже летел вперёд, набрасываясь на мужчину в кожанке, который только-только пытался подняться.

Бородач молниеносно выбросил ногу вперёд — прямой удар пришёлся бизнесмену точно в корпус. Сила удара швырнула того вглубь прохода, словно куклу: он пролетел несколько шагов и врезлся спиной в перегородку.

В тот же миг Анна рванула портфель бизнесмена, выхватила короткоствольный пистолет-пулемёт — и вскинула ствол, целясь в Бородача.

Не успела она перевести дыхание — штора резко откинулась, и в проходе возник сосед Умника, родственник пассажира из бизнес-класса.

Анна не колебалась: короткая очередь хлестнула по воздуху.

Бородач крутанулся на месте, уходя с линии огня, — и три пули, не найдя его, вонзились в грудь вошедшего.

Сосед пошатнулся, глаза расширились от шока — и рухнул на пол коридора эконом-класса, будто из-под него выдернули опору.

В ту же секунду Бородач молниеносно выбросил руку и выбил оружие из пальцев Анны.

Она, задыхаясь от ярости и страха, рванулась к нему — и тут же получила жёсткий удар ладонью в шею.

Её тело мгновенно обмякло, руки безвольно повисли, и она осела на пол.

Перепрыгнув через неё, Бородач приземлился в опасной близости от бизнесмена — тот уже стоял, и в его руке хищно поблескивал нож.

Не давая противнику даже моргнуть, бизнесмен рванул руку вперёд — выпад был таким резким, будто клинок сам жаждал крови.

Лезвие просвистело в считанных сантиметрах от Бородача, с сухим треском распоров ткань его спортивной куртки. В этом движении чувствовалась не просто сила — это была отточенная, ледяная точность профессионала.

Едва не потеряв равновесие от собственной инерции, бизнесмен тут же рванул руку назад, гася размах, и в ту же долю секунды перебросил нож в другую руку — ловко, почти небрежно. Но за этой небрежностью скрывался расчёт: смена хвата рушила привычный ритм боя, делая его непредсказуемым, заставляя противника гадать, откуда последует следующий удар.

Снова выпад — левой рукой, ниже, скользящим движением, будто он проверял, не дрогнет ли воздух перед остриём.

Мышцы плеч и предплечий вздулись под кожей, жилы на шее натянулись, как стальные струны, готовые лопнуть от напряжения.

Каждое движение было отточено до автоматизма, но в нём не было механической заученности: это была живая, хищная работа тела, привыкшего балансировать на грани. Одно неверное движение — и инерция утащит его вперёд, подставит под удар, превратив атаку в роковую ошибку.

Он не просто бил — он прошупывал пространство, искал слабину, заставлял противника гадать, где вспыхнет клинок в следующую секунду.

Он не останавливался ни на миг — выпад, мгновенный откат, смена стойки, короткий шаг в сторону, чтобы уйти с линии атаки. Движения сливались в единый, безжалостный ритм, и пространство вокруг будто сжималось, подстраиваясь под него. Воздух становился густым, почти вязким: каждый вдох обжигал грудь колючим жаром, а в ушах нарастал глухой гул — то ли от напряжения, то ли от бешеного стука сердца, отбивавшего секунды, где каждая могла стать последней.

Лезвие снова рванулось вперёд — и в этот раз едва уловимый поворот запястья добавил движению смертоносную хитрость: если клинок встретит защиту, он скользнёт вдоль, не теряя скорости, превращая блок противника в ловушку. В этом жесте читался опыт множества схваток, где цена ошибки измерялась не баллами, а жизнью.

Но в его движениях не было ярости — только ледяная, отточенная сосредоточенность. Ни страха, ни сомнений: только клинок, пространство и следующий шаг, который обязан быть безупречным.

Бородач отступал, лихорадочно петляя и уходя от ударов — каждое уклонение было выверено до доли секунды, будто он годами оттачивал этот танец на грани жизни и смерти. То резко бросало его в сторону, то корпус едва заметно кренился, сбивая прицел противника, — он скользил по проходу, словно пространство само старалось его удержать, цепляясь за каждый шаг.

Каждое движение было выверенным, но в нём чувствовалась отчаянная спешка: он не просто отступал — он искал хоть малейшую возможность перехватить инициативу и дошёл до места, где Умник уже сидел сверху на мужчине в кожанке, крепко держа его за голову.

На мгновение бизнесмен замер — лишь на долю секунды, но в тесном пространстве салона, где каждый миллиметр решал исход схватки, эта пауза стала роковой. Он пытался оценить противника, прочувствовать дистанцию, уловить малейшее изменение в воздухе — дрог-

нет ли у Бородача плечо, мелькнёт ли тень намерения в глазах, выдаст ли он хоть намёк на следующий шаг. Но в этой короткой остановке уже таилась уязвимость: пока мозг просчитывал варианты, тело теряло преимущество скорости.

И этого хватило. Бородач, не дожидаясь, пока соперник снова наберёт темп, рванулся вперёд — резко, по-звериному, будто все его грубоватые манеры и развязность были лишь маской, скрывавшей отточенную реакцию. Он молниеносно перехватил руку бизнесмена, его пальцы впились в запястье стальным захватом, не оставляя шанса на сопротивление. Рывок — и нож, выскользнув из ослабевшей хватки, со звоном покатился по полу, ударился о ножку кресла и замер, словно подчёркивая, что правила игры только что изменились.

Но бизнесмен не собирался сдаваться. Даже теряя контроль над оружием, он не растерялся: свободной рукой он молниеносно выбросил кулак вперёд, целясь точно в лицо Бородачу. Удар вышел жёстким, хлестким — в нём была вся ярость человека, который не привык проигрывать. Костяшки врезались в скулу, послышался глухой звук столкновения, и на миг показалось, что преимущество снова качнулось в сторону бизнесмена.

Бородач от удара отклонился чуть назад, его голова дёрнулась, но он устоял — не рухнул, не пошатнулся, а именно устоял, будто его тело было выстроено так, чтобы выдерживать удары и тут же возвращаться в бой. На его лице мелькнула гримаса боли, но она исчезла быстрее, чем успела оформиться в эмоцию. Ещё мгновение — и он снова принял прежнее боевое положение: ноги твёрдо стоят на полу, корпус слегка развёрнут, руки готовы к новому рывку. В его взгляде теперь читалась не просто решимость, а холодный азарт — будто боль только подстегнула его, заставила почувствовать себя по-настоящему живым.

— Знакомая техника! — с довольной улыбкой протянул Бородач, будто встретил старого приятеля. — SAS?

— Ты кто?! — ухмыльнулся бизнесмен, глядя на Бородача.

— Я? — с лёгкой, почти издевательской улыбкой протянул тот, небрежно пожал плечами — и в тот же миг молниеносно выбросил руку, вбивая хук слева с такой силой, будто хотел пробить не челюсть, а саму стену.

Бизнесмен даже не успел среагировать: его резко швырнуло вправо, голова с глухим стуком врезалась в стену, а тело, потеряв опору, тяжело рухнуло на кресла, смяв обивку.

Бородач окинул его коротким, холодным взглядом, чуть склонив голову, и хмыкнул, будто увидел не поверженного противника, а досадную помеху:

— Погулять вышел! Ну-ну...

Потом оглянулся на Умника:

— Замри! — бросил Умник мужчине в кожанке. Тот замер, глаза открыты, лицо искажено гримасой.

— Все смотрим на меня! — голос Крёстной ударил по салону, как резкий, чистый звук гонга, и паника за шторой осела, будто её придавили тяжёлой плитой. — Тихо!

Бородач отодвинул край шторы, выглянул в салон. Пассажиры сидели тихо, не шевелясь, уставив взгляд на Крёстную, как на единственный неподвижный ориентир в шторме.

— Слушайте мой голос — он ваша опора. Вокруг шум, суета, они сбивают с толку. Но у вас есть свой тихий якорь: вдох и выдох. Это только ваше, и никто не может это забрать.

Короткая пауза. Тишина мягко ложится между рядами.

— Дышим вместе. Спокойный вдох... длинный, плавный выдох. Ещё один. С каждым выдохом напряжение тает. Не нужно всё контролировать — достаточно просто дышать.

Голос чуть тише, но твёрдый:

— Страх — это сигнал, он уже сработал. Дальше действуем мы. Вы не одни: рядом люди, я с вами. Двигаемся без спешки, чтобы каждому было безопасно.

Лёгкий наклон головы — приглашение довериться ритму.

— Смотрите на меня. Мой голос — как маятник: он помогает нервной системе замедлиться. Если лезут тревожные мысли — не гоните их. Просто переведите внимание на мой голос. Пусть он держит вас, как якорь в шторм.

Ещё одна короткая пауза.

— Вдох... неторопливо. Выдох... плавно.

Теперь голос звучит предельно ясно, без тени сомнения:

— Дебоширы нейтрализованы. На борту — сотрудники транспортной милиции. Угрозы нет. Это факт. Запомните его.

Она выдержала ещё несколько секунд тишины, давая этой фразе осесть.

— Мы скоро приземлимся. Пока мы в полёте, главное — держать спокойствие и быть опорой друг для друга. Если видите, что человеку рядом тяжело — просто положите руку ему на плечо. Этого хватит, чтобы он почувствовал: он не один.

Умник отпустил голову нападавшего — но тот не пошевелился. Глаза открыты, выражение лица застывшее.

— Ты как? — спросил Умник у Бородача.

— В норме, — кивнул тот.

— А эти? — Умник кивнул на тела.

— Эти двое живы, но без сознания, — Борода кивнул в сторону стюардессы и бизнесмена. — У стюардессы голос восстановится не раньше, чем через пару дней. А бизнесмена можно попытаться привести в чувство.

Бородач коротко кивнул в сторону мужчины с застывшим взглядом:

— Бомбер в трансе? Тут без тебя не разобраться.

Из-за шторы появилась Крестная:

— Надо тело убрать!

— Минуту, — бросил Бородач. Он шагнул к телу, без лишнего рывка подхватил его за ноги и, не сбиваясь с ритма, втащил за штору. В два движения усадил в кресло и укрыл одеялом до самой шеи — будто прятал не труп, а спящего, которому нельзя мешать.

Умник огляделся, — А где ещё одна стюардесса?

Из туалета донеслись приглушённые звуки — то ли слабый стук, то ли сдавленный всхлип. Бородач нахмурился, шагнул к двери, на мгновение замер, будто прислушиваясь, а потом решительно рванул её на себя.

На унитазах, скрючившись и едва удерживая равновесие, сидела связанная Виктория. Её руки были стянуты за спиной грубой верёвкой, а вокруг рта — плотная лента, из-под которой пробивались обрывки невнятных слов. Глаза, огромные от страха и напряжения, метнулись к Бородачу, и в них мелькнула отчаянная надежда.

— Виктория, одну минуту, я вам сейчас помогу, — спокойно, но твёрдо произнёс Бородач, не теряя ни секунды. Он быстро оценил узлы, одним резким движением сорвал ленту с её рта, а затем принялся распутывать верёвки, действуя уверенно и без лишней суеты. — Вы не ранены?

— Я... я в порядке, — выдохнула Виктория, едва сдерживая дрожь в голосе, как только смогла говорить. — Только руки затекли... и страшно было... Они сказали, что, если буду шуметь — всё будет плохо.

Он попытался развязать её, но узлы были слишком тугие. В итоге он вынес её к Умнику и Крестной — всё ещё связанную.

Крестная сняла скотч с её рта. Испуганная Виктория затараторила, рассказывая, как её схватили и затащили в туалет.

— Виктория, успокойтесь, уже всё в порядке, debitoширы устранены, — ровным голосом сказала Крестная.

— Да-да, — выдохнула стюардесса. — Спасибо вам!

— Да ну что вы, мы из транспортной милиции, это наша работа— спокойно ответила Крестная. — Это майор Петров, — она кивнула на Умника. — А это капитан Иванов, — махнула головой в сторону Бородача.

— Огромное спасибо вам, — уже тише произнесла Виктория.

— К сожалению, немного пострадала ваша напарница, кажется, Аня? — Крестная кивнула на лежавшую в проходе стюардессу. — Но ничего страшного, просто без сознания, скоро придёт в себя.

— Я её не знаю, она новенькая, говорила, пришла на замену заболевшей моей напарнице.

За несколько часов до отправления рейса в квартире «заболевшей» стюардессы царила напряжённая тишина. У зеркала замерла молодая женщина — в её осанке не было бравады, лишь спокойная уверенность, рождённая внутренней стойкостью. Она не пыталась казаться жёстче, чем была: сила её заключалась в собранности, в умении держать себя в руках без показного напора.

Эта девушка не жила здесь — её визит был строго функционален, продиктован холодным расчётом. Настоящая хозяйка квартиры — стюардесса, задействованная на рейсе Москва — Владивосток, — сейчас лежала в спальне, лишённая сознания. Мощный коктейль препаратов погрузил её в глубокий, неестественный сон. По плану действие лекарств должно было сохраняться около двенадцати часов — этого срока хватало, чтобы реализовать задуманное, не вызвав подозрений и не спровоцировав панику.

Гостя, облачённая в форму стюардессы, ещё раз внимательно изучила своё отражение. Плавным, размеренным движением она поправила блузку, аккуратно расправила лацканы пиджака — ни одна деталь не должна была выглядеть небрежно. В её движениях не было волнения — лишь холодная, отточенная точность: она знала — одна ошибка всё разрушит. Теперь её облик безупречно соответствовал роли — достаточно убедительный, чтобы без лишних вопросов пройти на борт.

Золотистый загар мягко оттенял черты лица, придавая образу тёплую естественность без нарушения строгости. Тёмно-каштановые волосы с лёгкой волной были собраны в лаконичный, но женственный пучок.

В её насторожённом взгляде читалась привычка ничего не упускать: он мгновенно выхватывал и явные детали, и едва уловимые нюансы. В нём сливались острый ум и готовность к действию — она считывала суть по малейшим признакам...

— Вика, вы подняться сможете? - Умник, обратился к стюардессе, - Мне нужна ваша помощь.

— Да, конечно, — стюардесса встала, поправила форму. — Я готова.

— Отлично. Прошу, присмотрите за пассажирами, может, кому-то надо чем-нибудь помочь, успокоить. Нам паника на борту не нужна?

— Конечно, не нужна, — Виктория направилась в эконом-класс.

Когда она ушла, Умник посмотрел на обездвиженные тела.

— Какие мысли? Предложения? — он обвёл напарников взглядом.

— Тебя хотели, — коротко бросил Бородач, не сводя глаз с Умника.

— Согласна, — кивнула Крестная. — Мы для них — сюрприз.

Бородач рывком выдернул бизнесмена из укрытия за креслами, вцепившись в воротник. Тот обмяк, будто из него вынули стержень, и едва держался на ногах.

— Допрашиваем, — отрезал Бородач.

Бородач окинул стойку быстрым, цепким взглядом — ничего лишнего, только то, что могло пригодиться. Его глаза зацепились за небольшой металлический ящик с красным крестом. Он резко дёрнул дверцу — та поддалась с лёгким скрипом. Внутри, среди бинтов, пластырей и пузырьков, он сразу выцепил нужный флакон.

Вытащив его, Бородач сорвал крышку, накапал едкой жидкости на кусок бинта и, схватив бизнесмена за подбородок, жёстко приподнял ему голову.

— Ну-ка, очнись, — процедил он, поднеся пропитанный нашатырём бинт к самому носу мужчины.

Бизнесмен дёрнулся, словно его ударило током, глаза распахнулись, в них мелькнули испуг и растерянность. Он судорожно втянул воздух, тут же закашлялся от резкого запаха, а лицо исказилось гримасой отвращения.

Бизнесмен замотал головой, приходя в сознание.

— Очнулся, — хмыкнул Бородач. — Готов поговорить?

— Я плохо говорить по-русски, — замотал головой мужчина. — Я гражданин Great Britain.

— Ты смотри, уже не понимает, — ухмыльнулся Бородач.

— Давай я попробую, — Крестная наклонилась к бизнесмену. — Ты меня понимаешь? — медленно, чётко произнесла она, погружая его в транс.

— Yes (Да), — медленно ответил он.

— What's your name (Как тебя зовут)? — перешла на английский Крестная.

— Jacob Barnes (Джейкоб Барнс).

Умник и Бородач молча наблюдали.

— Jacob, you're a good boy (Джейкоб, ты хороший мальчик)? — сменила тон Крестная на твёрдый.

— Yes, Mommy! I am very obedient (Да, мамочка! Я очень послушный), — заискивающе ответил бизнесмен.

— Jacob, tell me who these people are, and what are you supposed to do on this plane (Джейкоб, скажи мне, кто эти люди и что ты должен делать в этом самолете)?

— Me and my partners, Mom (Я и мои партнеры, мама), — он кивнул в сторону накрытого одеялом мужчины, — hired by this woman. Our task is to immobilize and interrogate him (нанят этой женщиной. Наша задача - обездвижить и допросить его), — показал на Умника. — The interrogation was supposed to be carried out by this woman (Допрос должна была проводить эта женщина), — кивнул на лежавшую стюардессу. — The purpose of the interrogation was not told to us (О цели допроса нам ничего не сказали).

Он замолчал, вертел головой, оглядывая стоявших над ним.

— Нам от него ещё что-нибудь надо? — Крестная посмотрела на Умника.

— Нет, — ответил тот. — Пусть поспит.

Крестная наклонилась:

— Jacob, sleep (Джейкоб, спи)!

Бизнесмен тут же обмяк и отключился.

— Что в итоге? — Умник посмотрел на Крестную.

— Она, — Крестная показала на стюардессу, — наняла этих троих. Цель — обезвредить и допросить тебя.

Бородач поднял с пола шприц.

— Допрашивать хотели с сывороткой!

— Ясно. Думаю, их надо связать.

— Уже иду, — отозвался Бородач. Подошёл, поднял стюардессу, посадил в кресло и связал ей руки ремнём, снятым с брюк бизнесмена.

Умник смотрел на второго нападавшего, тот не просто лежал — он как будто выпал из времени. Взгляд был прямой, застывший, почти стеклянный. Кровь перестала течь, и эта неподвижность выглядела неестественно, как у манекена. Он находился в трансе: не сопротивлялся, не умолял, не пытался сбежать — просто ждал следующего приказа.

— Как твоё имя? — Умник не спрашивал, он возвращал нападавшего в реальность через слово.

— Ханс Вагенкнехт, — ответил тот, будто читал по невидимой карточке.

Умник опустил на край кресла.

— Твоя задача?

— Оказать силовую поддержку, старшему группы.

- Кто старший группы?

- Старший группы — женщина. Все инструкции получали от неё.

— Что должно произойти после захвата?

— Допрос, — Ханс произнёс это без эмоций.

— Что хотели узнать? — Умник наклонил голову. — Имена. Места. Планы.

— Мне неизвестно, — повторил Ханс, не отводя взгляда. — По инструкции во время допроса мы должны были выйти и ждать распоряжения.

— Кто тебя нанял?

— Женщина.

— Её имя?

— Не знаю.

Умник вздохнул, будто устал от этой механической точности ответов.

— Спасть! — скомандовал он.

И Ханс мгновенно отключился, как выключенный прибор.

Умник встал, прошёл мимо Бородача.

— Борода, позаботься о спящем.

Борода кивнул, наклонился к Хансу

— Вика, можно вас на минуту? — позвал он стюардессу, которая тихо разговаривала с одним из пассажиров.

— Да-да! — тут же подошла она. — Я вас слушаю.

— Как зовут нашего пилота?

— Виктор Павлович.

— Благодарю вас! — кивнул Умник и развернулся.

Проходя мимо Бороды и Крестной, бросил:

— Я пойду предупрежу наших.

Подойдя к двери кабины пилотов, он постучал.

— Виктор Павлович, я сотрудник транспортной полиции, капитан Петров, — громко и чётко произнёс Умник. — Передайте в эфир: «Внимание! Грей! Владивосток! Четыре непрошенных гостя! Один отошёл!»

Он замер, прислушиваясь.

Через минуту из-за толстой двери донёсся глухой ответ:

— Сделано!

— Спасибо! — громко ответил Умник и отошёл.

Умник подошёл к своим. Никто не заговорил первым — все ждали, что скажет он.

— Как ты собрал этих наёмников? — спросила Крёстная, не троя слов впустую. — международная группа, не шутка.

Умник не стал отвечать прямо. Только коротко кивнул в сторону неподвижной фигуры в кресле.

— Пусть Анна расскажет. Если, конечно, это вообще её имя.

Через секунду Крёстная медленно перевела взгляд с Бороды на Умника, задержала его на миг, будто взвешивая каждое слово, и произнесла протяжно, с едва уловимой смесью восхищения и тревоги:

— Да, Умник... ты личность загадочная. То ли гений, то ли ходячая бомба — не поймёшь сразу. И знаниями какими-то владеешь, это видно по тому, как ты читаешь ситуацию, будто видишь её насквозь. А ещё, похоже, ты для кого-то настолько опасен, что ради тебя одного выслали целую группу матёрых наёмников. Не просто так они сюда ворвались — тебя хотели взять любой ценой. Или... — она чуть нахмурилась, будто додумывая мысль на ходу, — может, вообще не брать, а убрать, чтобы эти знания с тобой и умерли.

Борода коротко хмыкнул, скрестив руки:

— Значит, кто-то очень не хочет, чтобы ты свои фокусы дальше показывал.

Умник лишь чуть приподнял бровь, но ничего не ответил — в его молчании читалось и понимание, и холодная готовность к тому, что дальше будет только жарче.

На следующий день. Ранее утро. Владивосток. Аэропорт

Самолёт Ту-204, проделав долгий путь из Москвы, мягко коснулся взлётно-посадочной полосы аэропорта Владивостока. Его двигатели, чуть снизив обороты, теперь работали в режиме реверса, помогая машине плавно замедляться. Шасси надёжно держали вес многотонной машины, а в кабине пилоты спокойно выполняли положенные процедуры — фиксировали параметры, давали команды, завершая этап посадки.

Рулёжка проходила в размеренном ритме: самолет неторопливо двигался по мокрому бетону, оставляя за собой лёгкие брызги.

Аэропорт Владивосток (Кневичи) встречал прибывших не парадным сиянием, а серой пеленой моросящего дождя. Такая погода здесь не редкость: влажный муссонный климат Приморья часто дарит городу именно такие дни — с низкой облачностью, сырым ветром и монотонным, почти неслышным дождём, который словно растворяет чёткие линии окружающего мира.

Капли лениво стекали по иллюминаторам, размывая очертания перрона. В салоне пассажиры, кто-то ещё сонный после долгого полёта, кто-то нетерпеливо прильнувший к стеклу, наблюдали эту приглушённую картину. Силуэты топливозаправщиков и багажных тягачей казались слегка призрачными, будто нарисованными акварелью по влажной бумаге. Световые огни техники и разметки на лётном поле мягко рассеивались в плотной влажной дымке, создавая эффект свечения без резких контуров.

В воздухе витал характерный запах приморской сырости, смешанный с едва уловимыми нотками авиационного керосина и озона. По громкой связи прозвучали стандартные фразы бортпроводников: просили оставаться на местах до полной остановки, благодарили за выбор авиакомпании. Где-то впереди уже готовили трап, чтобы открыть двери и впустить в салон прохладный, насыщенный влагой воздух Владивостока — города, где Тихий океан дышит совсем рядом.

У трапа уже ждала необычная делегация: карета скорой помощи с включёнными спецсигналами и два милицеевских «уазика», будто аэропорт готовился не к рядовому прибытию рейса, а к операции государственной важности. Мигалки ритмично вспыхивали, отбрасывая тревожные красно-синие отсветы на мокрый асфальт и борта самолёта; эти резкие всполохи странно контрастировали с монотонной серостью моросящего дождя. Капли, стекавшие по стёклам спецмашин, дробили и искажали свет, превращая его в россыпь дрожащих бликов.

Как только подали трап и открыли люк, события понеслись в бешеном темпе. Металлические ступени задрожали под тяжёлыми шагами: вверх по ним взбежал милицкий наряд — чёткие, выверенные движения, руки на кобурах, взгляды, сканирующие каждый сантиметр пространства. Следом, не торопясь, но уверенно, поднялись медики с носилками; их походка была размеренной, профессиональной — они знали, что спешка здесь может навредить. Носилки, сложенные и закреплённые ремнями, покачивались в такт шагам, а на боковой панели поблескивали металлические застёжки и крепления — холодные, равнодушные детали, подчёркивавшие серьёзность происходящего.

Через несколько минут из чрева самолёта на носилках медики, вынесли тело мужчины — неподвижное, укрытое простынёй. Ткань, слегка пропитанная влагой от оседающих капель, плотно облегла контуры, делая силуэт ещё более безжизненным.

За ними показались сотрудники милиции, выводя двоих мужчин с руками, скрученными за спиной. Их позы были напряжёнными, неестественно выпрямленными, будто они пытались сохранить остатки достоинства в унижительной ситуации. Головы им накрыли их же собственной одеждой, превратив в безликие силуэты; ткань, натянутая поверх лиц, топорщилась и морщижилась, скрывая эмоции, но не способная заглушить тяжёлое дыхание и скрип шагов по мокрым ступеням. Каждый их шаг отдавался глухим эхом, словно отсчитывал последние мгновения прежней жизни.

Рядом шла стюардесса — руки скованы наручниками спереди, пальцы слегка подрагивали, выдавая внутреннее напряжение, хотя внешне она старалась держаться прямо. Лицо её было бледным, почти восковым, лишённым красок, а взгляд — отрешённым, устремлённым куда-то сквозь пелену дождя, будто она пыталась найти в этой серой мгле хоть какую-то опору. В её облике читалась смесь усталости и потрясения: ещё недавно она приветливо улыбалась пассажирам, предлагала напитки и рассказывала о правилах безопасности, а теперь сама стала частью этой мрачной сцены.

Пассажиры выходили позже — уже спокойно, будто стараясь не замечать разыгравшейся драмы. После напряжённой суеты с милицией, медиками и задержанными, тишина, воцарившаяся у трапа, казалась почти неестественной, словно мир специально приглушил звуки, чтобы дать людям возможность выдохнуть. Люди спускались по ступеням осторожно, придерживаясь за поручни, и стали ручейком перетекать к автобусу, стоявшему у трапа.

Автобус, тёмно-синий, с запотевшими окнами, стоял, терпеливо дожидаясь, когда люди соберутся. Его двигатель тихо урчал, выпуская в сырой воздух лёгкие клубы выхлопных газов, которые тут же растворялись в мороси. Водитель, видневшийся в кабине, время от времени поглядывал на группу пассажиров, проверяя, все ли готовы, и его спокойный, чуть отстранённый вид словно задавал тон всей сцене: ничего страшного, всё идёт по плану, сейчас мы просто поедem дальше.

С последним вошедшим пассажиром двери автобуса закрылись с мягким, но отчётливым шипением — этот звук прозвучал почти как точка в только что разыгравшейся истории. На мгновение всё замерло: и люди внутри, и те, кто оставался на перроне, и даже дождь, казалось, стал чуть тише. А затем автобус плавно тронулся в сторону здания аэропорта, слегка покачиваясь на неровностях рулёжной дорожки. Его габаритные огни оставляли на мокром асфальте тонкие красные полосы, похожие на следы, которые быстро смывало дождём.

А в стороне, у зоны выдачи багажа, трое пассажиров действовали иначе — будто существовали в собственном ритме, не подстраиваясь под суету аэропорта.

Они спокойно забрали чемоданы и сумки — будто просто взяли вещи из шкафа. Не метались, не искали ленту, не вглядывались в табло: знали, где и когда выйдет багаж, и ждали в нужном месте. Чемоданы были простые и надёжные — без лишних украшений.

Местные таксисты наперебой предлагали довезти «быстро и недорого», но пассажиры не обращали на них внимания. Они держались спокойно — было видно, что у них всё продумано. Крики, визитки, жесты — всё это будто отскакивало от них. Один таксист особенно настойчиво шагнул вперёд, хотел, что-то сказать, но посмотрел в глаза мужчине — и сразу отступил. После этого к ним больше никто не подходил.

Возле главного выхода стоял тёмно-синий микроавтобус с надписью «ПОЧТА РОССИИ». Ничего лишнего: строгий цвет, чистые стёкла, обычный кузов. Именно поэтому машина не бросалась в глаза — легко терялась среди других фургонов и грузовиков на дорогах.

Бородач первым подошёл к машине, распахнул заднюю дверь, и вся троица вместе со своим скарбом исчезла в недрах салона.

— Приветствую вас на дальневосточной земле! — радостно воскликнул Кеша, будто они прилетели не на задание, а в долгожданный отпуск. — Как долетели?

Рядом с ним сидел Эдуард Николаевич, казалось, знал всё на свете, но предпочитал не хвастаться этим.

Умник посмотрел на встречающих, выдохнул, и в этом выдохе смешались усталость от перелёта, напряжение от полета и странное облегчение от того, что они наконец-то здесь.

— Весело! — коротко бросил он, и в этом слове уместилось всё: и тревога, и ирония, и готовность к тому, что ждёт впереди.

Крестная молча кивнула, оглядывая мокрый перрон, серые здания аэропорта и тяжёлые тучи, нависшие над городом. Владивосток казался ей местом, где всё происходит иначе — резче, быстрее, беспощаднее.

Эйнштейн, будто прочитав её мысли, спокойно произнёс:

— Здесь другая скорость жизни.

Кеша, не теряя своей неутомимой энергии, уже доставал из бардачка папку с документами.

— У нас сорок минут до первой встречи. Адрес — заброшенный склад на окраине. По сводкам, именно там нашли первые следы...

— Значит, не будем терять время, поехали, — произнес Умник

Микроавтобус плавно тронулся с места, вливаясь в поток машин, спешащих по своим делам. А над Владивостоком по-прежнему висели тяжёлые тучи.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Место осмотра первого эпизода. Зброшенный склад на окраине.

Фурион «ПОЧТА РОССИИ» подьехал к назначенному месту ровно через сорок минут — ни минутой раньше, ни позже. Точность, с которой он вписался в этот глухой уголок, казалась почти нарочитой, будто машина двигалась не по дорогам, а по невидимым рельсам чьего-то продуманного плана. Он замер у покосившегося шлагбаума, и этот тихий, едва слышный звук остановки — лёгкий выдох тормозов, скрип подвески — нарушил тягучую тишину пустынной территории, словно кто-то провёл пальцем по натянутой струне.

Из фургона вышли Борода и Умник. Осмотревшись по сторонам, оба неспешно пошли в сторону небольшой сторожки, пристроенной к зданию старого склада. Их шаги по влажному гравию звучали глухо, почти без эха — будто сама земля здесь была слишком усталой, чтобы откликаться.

Территория выглядела заброшенной, но в этой заброшенности чувствовалась не просто запущенность, а какая-то затаённая жизнь. Трава пробивалась сквозь трещины в асфальте, словно настойчиво напоминала о том, что природа всегда берёт своё. Покосившиеся столбы ограды клонились друг к другу, будто уставшие путники, ищущие опоры. Но внимательный взгляд подмечал детали, выбивавшиеся из картины полного запустения: свежие следы шин на влажной земле, смятую банку из-под энергетика возле мусорного бака, едва заметные отпечатки ботинок, ведущие к складу. Всё это говорило о том, что совсем недавно здесь кипела жизнь — шумная, беспокойная, может быть, даже слишком бурная.

Возле стен склада застыли два обугленных остова машин — чёрные, будто выточенные из угля силуэты, в которых едва угадывались прежние очертания автомобилей. Металл местами просел, покорёженный жаром, а кое-где ещё виднелись остатки оплавленной краски, давно потерявшей цвет и теперь лишь подчёркивавшей безжизненность этих каркасов.

Рядом громоздилась бесформенная куча строительного хлама: покосившиеся доски с торчащими ржавыми гвоздями, обломки бетонных плит, скрученные куски арматуры — всё это свалили как попало, будто, когда-то торопились освободить место и так и не вернулись, чтобы навести порядок.

Подойдя к сторожке, напарники переглянулись. Борода тихо хмыкнул — в этом звуке смешались и лёгкая ирония, и привычная настороженность. Умник приложил палец к губам, призывая к осторожности: тишина здесь могла быть обманчивой. Борода заглянул в небольшое оконце. Внутри, в полумраке, за обшарпанным столом сидел невысокий старик. Он мирно спал, уткнувшись в стол и подложив под голову сложенные руки. Его дыхание было ровным, а лицо — спокойным, будто все тревоги мира остались, где-то далеко за пределами этой маленькой сторожки.

— Наш свидетель? — негромко произнёс Борода, покосившись на Умника. — Будем будить?

В воздухе висела тягучая тишина, нарушаемая лишь редким карканьем вороны, где-то вдалеке. Этот одинокий крик звучал почти как предупреждение.

— Надо, — ответил Умник, чуть нахмурившись. — Без него мы ни до чего не докопаемся.

Борода кивнул и, помедлив пару секунд, тихо постучал в стекло оконца сторожки — не грубо, но достаточно отчётливо, чтобы звук прорвался сквозь дремоту.

Старик внутри вздрогнул, будто его кольнули иголкой. Он приподнял голову медленно, словно она вдруг стала тяжёлой, расправил плечи, будто сбрасывая с них невидимую ношу. Затем прищурился, всматриваясь в мутное стекло, за которым темнели силуэты двух мужчин. На его лице мелькнуло сначала недоумение, потом — лёгкая тень настороженности, быстро сменившаяся усталым смирением: мол, чего уж там, видно, судьба такая — всё время кого-то сторожить, кого-то ждать, с кем-то разговаривать.

— Кто там? — раздался изнутри хриловатый голос, ещё не до конца сбросивший оковы сна.

Борода переглянулся с Умником. Тот едва заметно кивнул — мол, давай, ты у нас покрепче голосом.

— Доброе утро, отец! — громко, но не резко сказал Борода. — Не серчай, что потревожили. Дело есть, поговорить надо.

Старик ещё пару секунд всматривался, потом, похоже, разглядел их лица. Напряжённость в его позе чуть ослабла. Он потянулся, зевнул, прикрыв рот ладонью, и медленно поднялся из-за стола.

— Ну, заходите, раз пришли, — пробурчал он, направляясь к двери. — Только не шумите особо — голова нынче не железная.

Умник тихо хмыкнул, а Борода чуть улыбнулся: начало разговора было положено.

Внутри сторожка пахла старым деревом, крепким чаем и чем-то неуловимо домашним — запахом, который остаётся там, где человек живёт долго и привыкает к каждому уголку. Старик опустил на свой стул, потёр ладонями лицо, прогоняя остатки сна, и посмотрел на гостей не с подозрением, а скорее с усталой печалью — так смотрят люди, которым слишком многое пришлось повидать.

— Тут такое дело, отец, — начал Умник, чуть подавшись вперёд и стараясь говорить как можно уважительнее. — Мы с товарищем хотим арендовать у вас склад, под товары разные заморские. Подскажешь, где старшего вашего, кто складами заведует, найти?

Старик помолчал, будто взвешивая каждое слово. Он оперся ладонями о край стола, посмотрел на гостей так, словно пытался разглядеть за их простыми вопросами что-то большее, скрытое.

— Подскажу, ребята, конечно, — наконец отозвался он, медленно кивнув. — Только я бы сначала подумал бы, оно вам надо здесь арендоваться. Место это не очень хорошее. Я и сам ночь отработаю, и хватит...

Он снова замолчал, а потом встал и подошёл к окну, отодвинув потёртую занавеску. Тревожным, полным печали взглядом старик окинул территорию: покосившиеся ворота, ржавые

контейнеры, тёмные провалы окон склада. Казалось, он не просто смотрел на эти знакомые до боли места, а заглядывал в собственное прошлое, где каждое пятно ржавчины и каждый скол на бетоне хранил свою историю.

— А что с местом не так? — Борода снова посмотрел в окно, будто надеялся разглядеть в унылом пейзаже какую-то подсказку.

Старик помолчал, потёр морщинистую ладонь о колено, словно собираясь с мыслями. Потом тяжело вздохнул и, чуть наклонив голову, произнёс:

— А вы не слышали? Тут недавно пятерых... То есть последних арендаторов, которые тут раньше были... И это ещё мягко сказано.

Он задумался, пытаясь вспомнить подробности, и его взгляд ушёл куда-то вдаль, будто он снова видел ту суматоху: мечущиеся фигуры, вспышки фонарей, крики, которые потом сменились пугающей тишиной.

— Полицейских нагнали со всего города, — продолжил старик, и в его голосе послышалась горькая усмешка. — Все чего-то искали, бегали, фотографировали, схемы чертили... А толку-то. В итоге сказали: нападение крупного дикого зверя.

Старик махнул рукой, словно отбрасывая эту версию как нелепую. Потом повернулся к гостям, внимательно осмотрел их, будто хотел убедиться, что они готовы услышать остальное, и продолжил:

— Только я здесь уж почитай лет сорок живу. Отродясь здесь зверья не водилось. Ну, бывало, забежит зверёк какой-нибудь — белка там или бурундук какой. А зверья крупнее собаки дворовой отродясь здесь не было.

— Отец, — вступил Борода, шагнув чуть вперёд и глядя на старика прямо, без суеты, — а расскажи про бывших арендаторов. Чем занимались, а то, может, бизнес один и тот же был. Я суеверный, не хотелось бы нарваться на те же неприятности.

Старик посмотрел на гостей, будто заново прикидывая, стоит ли вообще продолжать этот разговор. Потом поправил старый вязаный свитер, глубоко втянул воздух, словно собирался нырнуть в холодную воду, и наконец заговорил:

— Да бизнес-то не хитрый. Машинами занимались. Пригонят, загонят на склад, да через пару дней угонят. Продавали, в общем. Перекупы, проще говоря.

Борода хмыкнул, переглянулся с Умником. Тот чуть наклонил голову, не перебивая, — знал: если старик разговорился, лучше не спугнуть.

— У них тут целый конвейер был, — продолжил старик, уже чуть свободнее, будто слова сами полились, раз уж начали. — Сегодня одна машина, завтра другая. Всё быстро, без лишней возни. А потом вдруг соберутся гурьбой на складе, начнут бухать, девок лапать, да и разъедутся. Шум, гам, музыка орёт... Я в такие дни сразу ухожу. Беру термос, бутерброды — и на дальний конец территории, где тихо.

Он помолчал, будто снова слышал тот грохот музыки и пьяный смех, и поморщился.

— Молодые, дерзкие... Все пытаются всем доказать, что они крутые. Один всё время ключи от какой-то иномарки подбрасывал и ловил, будто это главный аргумент в любом споре. Другой всё про «связи» рассказывал, да так громко, что даже голуби с крыши разлетались.

— Так, может, это их конкуренты... — Умник запнулся, подбирая слово, чтобы не звучать слишком жёстко перед стариком. — Ну, знаете... разобрались с ними?

Старик хмыкнул — не зло, а как человек, который навиделся всякого и давно перестал удивляться людской глупости. Он откинулся на спинку скрипучего стула, скрестил руки на груди и посмотрел на Умника так, будто тот спросил, что-то до смешного наивное.

— Да какие конкуренты? — протянул он и снова ухмыльнулся, будто знал все ответы на свете. — Конкуренты, приехали, избили, или если грех хотят на душу взять перестреляли и все.

Борода чуть приподнял бровь, но не стал спорить или смеяться. Он уже понял: у старика своя правда, и она не про протоколы и улики, а про то, как жизнь устроена по-простому.

— Ну а, кто тогда? — переспросил Умник, не скрывая скепсиса, но стараясь не обидеть.

— Да кто ж его разберёт... — тихо протянул старик, будто слова давались ему с усилием, словно каждое из них тянуло за собой тяжёлую цепь воспоминаний. — Нечисть какая-то, не иначе.

Он ненадолго замолчал, будто прислушивался к тишине, которая вдруг стала гуще, плотнее, будто в неё впитались все те крики и выстрелы, что когда-то разорвали покой этой территории. Потом медленно протянул руку к стене и бережно коснулся иконки Архангела Михаила — маленькой, потемневшей от времени, висевшей на простой верёвочке, накинутаой на потёртый гвоздик над столом. Пальцы его на мгновение задержались на рельефных очертаниях лица, словно ища в этом прикосновении хоть каплю прежнего спокойствия.

— После того случая я её и повесил, — добавил он чуть тише, почти шёпотом, будто боялся, что, произнеси он эти слова громче, прошлое снова нахлынет волной, с которой ему уже не справиться. — Защитную. Думал, поможет... Хоть немного.

Умник присел напротив старика на корточки — так, чтобы их взгляды оказались на одном уровне, чтобы в этом простом движении читалось уважение и готовность выслушать, не перебивая.

— Так, а что всё-таки случилось? — тихо, без нажима спросил он, будто боялся спугнуть хрупкую нить воспоминаний, едва начавшую разматываться.

Старик помолчал: казалось, он не просто вспоминал тот вечер, а заново проходил по тем же шагам, вдыхал тот же сырой воздух, слышал те же звуки. Его взгляд на мгновение ушёл куда-то вдаль, за стены сторожки, туда, где время будто застыло в одном страшном мгновении. Потом он медленно, будто каждое движение давалось с усилием, кивнул.

— На трёх машинах приехали, — произнёс он наконец, и голос его прозвучал чуть глуше, чем прежде, словно слова цеплялись за что-то внутри, прежде чем вырваться наружу. — Я тогда, как обычно, термос с бутербродами взял и ушёл — на дальний конец территории. Там всегда тише, ветра меньше, да и от всей этой суеты подальше... Думал, посижу, чаю попью, отдохну от их криков да музыки. Привычное дело, я так почти каждый раз делал, когда они собирались.

— Вылезли они из машин, будто хозяева всей земли, — продолжил старик, и в его голосе проскользнула привычная горечь, смешанная с усталостью. — Сначала стали доставать бутылки, расставлять прямо на земле, будто стол им не нужен. Потом вытащили мангал — видно, задумали шашлыки жарить. Ещё не пили, это я хорошо запомнил: суетились, спорили, кто розжиг поднесёт, кто мясо разложит... Вся эта возня, крики, смех — словно нарочно старались перекрыть самую тишину этого места.

Он на секунду прикрыл глаза, и по его лицу пробежала тень — будто он снова стоял там, в темноте, с фонарём в руке, и слушал, как чужая суета вгрызается в привычный покой.

— Ну, думаю, сейчас начнётся обычное их веселье, — тихо проговорил он, будто обращаясь больше к себе, чем к собеседникам. — А мне этого не надо. Я и пошёл потихоньку обратно, дорогу себе фонарём подсвечивая. Шаги свои старался не торопить — будто если идти медленно, то и шум этот останется, где-то позади, не прилипнет.

Старик остановился, слегка задумался, будто прислушивался к тому старому звуку — к тяжёлому грохоту басов, который, когда-то раскатился по всей территории, заглушая даже шелест ветра в листве. Казалось, он физически ощущал, как тот гул снова накатывает волной, выталкивая из памяти детали, которые он столько лет пытался спрятать.

— Слышу — музыку включили, — произнёс он чуть глуше, будто слова теперь давались тяжелее. — Басы так загудели, что даже земля, казалось, под ногами подрагивала. И сразу понял: сейчас начнут пить, потом кричать, потом кто-нибудь полезет выяснять отношения... Обычное дело у них было. Вот и решил держаться подальше.

Старик на мгновение замер, будто прислушивался не к словам, а к отголоскам той ночи, прятавшимся, где-то в углах сторожки. Через секунду он снова заговорил, и голос его стал тише, будто он боялся спугнуть собственные воспоминания:

— Потом, музыка резко оборвалась. Не постепенно затихла, а будто кто-то взял и выдернул шнур из розетки. И сразу тишина сделалась какой-то колючей, неудобной, будто в ней что-то пряталось. Потом пошли разговоры — громкие, развязные, их обычные голоса. А среди них — один, чужой. Мужской, незнакомый. И в нём... вот что запомнилось — не злость, не крик, а какая-то усталость. Будто человек уже всё сказал, что мог, и теперь просто пытался донести самое главное, пока его ещё хоть кто-то слышит.

Он провёл ладонью по столу, словно стирая с него невидимую пыль, и снова заговорил, подбирая слова осторожно, будто они могли поранить:

— Что именно он говорил — не разобрал. Фразы долетали обрывками, тонули в их хохоте. Только интонацию и уловил — расстроенную, будто ему горько было от всего этого. А они... они в ответ ржали как кони — так громко, нагло, будто хотели этим смехом заполнить всю округу, заглушить и его голос, и собственную неловкость. И не просто смеялись, а начали его поддевать, задеть побольнее.

Старик ненадолго замолчал, будто каждое слово тянуло из него силы. Потом тяжело вздохнул — так, что плечи его опустились, словно под грузом тех самых воспоминаний, которые никак не хотели оставаться в прошлом.

— Потом... потом уже не разговоры пошли, а сплошной ор, — произнёс он наконец, и голос его дрогнул, будто сам звук тех криков снова царапнул слух. — Арендаторы вдруг сорвались на мат, да такой густой, злой — будто не слова, а камни швыряли друг в друга и в того незнакомца. Крики, возгласы, какой-то непонятный шум — будто всё разом перемешалось: то ли толкались, то ли вещи роняли, то ли сами друг на друга набрасывались. А потом... потом пошли глухие удары. Такие, знаешь, тяжёлые, противные — будто что-то плотное бьётся о плоть. От них даже внутри всё сжималось.

Старик поднял глаза на Умника, и в этом взгляде читалась не просто усталость — в нём была горечь человека, который вынужден снова и снова возвращаться туда, где ему было по-настоящему страшно.

— Голос старшего, того самого наглого, — продолжил он, и в словах сквозила давняя, вевшаяся до костей неприязнь.

— Я его сразу узнал... И никогда не мог терпеть. Он всегда орал — будто если кричать громче, слова станут весомее. Вот и сейчас: вдруг начал рывкать на остальных, раздавать приказы — резко, зло, с какой-то отчаянной надрывистостью, будто пытался железной хваткой удержать то, что уже рассыпалось у него в руках.

«Какого хрена ты к нам припёрся?!» — грохотал он, а следом снова — глухие удары, хрипы, чьи-то сдавленные вскрики...

Сквозь весь этот шум в память впечаталась ещё фраза: «Тебе было сказано, она сама виновата». И тут же — мерзкий, громкий хохот.

О ком речь — не знаю. Но сказано это было так холодно, так бездушно, что по спине пробежал ледяной озноб.

Старик задумался и снова вернулся к рассказу.

— Честно, ребята, тогда я до дрожи испугался, — сказал старик, и голос у него чуть задрожал — видно, страх и сейчас не забылся.

Стою за кустами, фонарь так крепко сжимаю, что пальцы немеют, и думаю: «Если выйду да вступлюсь — и меня в эту заварушку затянет. А я не герой: хочу просто спокойно жить, внукам пироги печь, а не по кустам по ночам прятаться».

Он замолчал, уставившись на свои узловатые, привыкшие к тяжёлой работе пальцы, будто там, в переплетении вен и морщин, надеялся отыскать слова, которые никак не хотели складываться в ровные фразы.

— Ну, отец, не томи! — не выдержал Борода, подавшись вперёд; в его голосе звучало не нетерпение, а искренняя заинтересованность человека, который понимает: каждое слово старика — как осколок зеркала, в котором отражается та страшная ночь.

Старик медленно кивнул, будто давая себе разрешение идти дальше по этой тёмной дороге воспоминаний.

— Потом... потом вдруг всё стихло. Резко, неестественно, будто кто-то разом выключил звук. Только шёпот остался — арендаторы о чём-то переговаривались, торопливо, сбивчиво, словно сами не верили в то, что только что случилось. И вот в этой тишине, когда даже ветер стих, я услышал рык.

Он на секунду прикрыл глаза.

— Не звериный, нет... Не как волк воет или медведь ревёт. А как будто человек — только доведённый до края, до самой последней черты, где уже не остаётся ничего человеческого. Он выл, а потом этот вой переходил в яростный рёв, такой, что земля под ногами будто вибрировала. От него кровь стыла в жилах.

Старик сглотнул, будто во рту вдруг стало сухо, как в пустыне.

— А следом — суета. Настоящая паника. Крики, вопли, кто-то звал на помощь, кто-то орал от боли. Я сквозь листву вижу: пламя разгорелось, сначала небольшое, а потом вдруг рвануло вверх, да потом еще раз, жадно пожирая всё подряд — коробки, ящики, даже доски на стене склада. Огонь будто жил своей жизнью, плясал, извивался, тянулся к небу. А потом... потом кто-то начал стрелять. Выстрел за выстрелом — резкие, сухие щелчки, которые в этой огненной круговерти звучали особенно жутко.

— И что потом?

Старик, посмотрел на Умника

Старик помолчал ещё немного, собираясь с силами. Потом потянулся к жестяной кружке, сделал глоток остывшего чая — словно хотел смыть с языка привкус той ночи. Но, судя по тому, как он поморщился, не помогло: прошлое не смывалось ни чаем, ни временем.

— Дальше... — голос его звучал глухо, будто пробивался сквозь толщу воды. — Минут десять я просто стоял. Не мог заставить себя двинуться — и стал медленно, прислушиваясь к каждому шороху, пошёл обратно, туда, где были арендаторы.

Старик поставил кружку на стол, будто боялся, что, если будет держать её в руках, она просто рассыплется от дрожи. Он снова замолчал, собираясь с силами, Борода замер, не решаясь поторопить старика.

— Ребята, там было месиво, — наконец выдохнул старик. — Тела разорваны в клочья, раскиданы в разные стороны... Огонь от мангала разгорелся, горел везде — на ящиках, на траве, даже на стене склада плясали языки пламени. Машины пылали. Кровь была на всём: на стенах, на асфальте... Оторванная рука одного из них, с зажатым пистолетом, лежала в луже крови. Пальцы ещё сжимали рукоять, будто даже после смерти он пытался защититься.

— Меня стошнило прямо на месте, — тихо признался он. — Я упал на колени, и всё, что было внутри, вышло наружу.

— Только через минут тридцать я очнулся, — старик говорил теперь ровно, будто выговаривал давно затверженный, но от этого не менее тяжёлый текст. — Стоял, как вкопанный, смотрел на этот кошмар и не мог пошевелиться. А потом будто кто-то щёлкнул внутри: надо звонить. Стал вызывать милицию. Руки тряслись, телефон из пальцев выскальзывал... Но дозвонился.

— Ну а потом всё как-то обыденно пошло, — продолжил старик, и в этом слове — «обыденно» — было столько горечи, что оно прозвучало почти как ругательство. — Приехало куча

машин, одна за другой, как будто город весь сюда вытряхнули. Мигалки крутятся, свет мелькает, люди бегают, кричат друг на друга. Начали тут всё смотреть, фотографировать, мелом обводить... Будто это не жизнь человеческая оборвалась, а просто пятно на полу.

Он помолчал, подбирая слова, которые могли бы передать то, что не укладывалось в сухие фразы протоколов.

— Потом приехал какой-то большой чин из полицейских. В форме, погоны блестят, вид строгий. Вышел из машины, посмотрел... и вдруг лицо у него перекошилось. Пошёл, спотыкаясь, к одному из тел, упал на колени прямо в эту грязь, в кровь... и зарыдал. Громко так, навзрыд, будто сердце рвалось. Видать, родственник какой-то. Может, сын, может, племянник... Кто ж теперь скажет.

Наступила тишина

— Да, дела... — протянул Умник, медленно покачав головой. — Надо подумать насчёт аренды. Надо нам это или нет...

Он посмотрел на старика — не с сомнением, а скорее с тихой просьбой: помоги разобраться, подскажи, как тут быть.

— Отец, — добавил он чуть мягче, — а телефончик хозяина на всякий случай оставь нам. Если решим, что не по пути нам с этим местом, пусть так и будет. А если... если всё же решимся, да будет так.

Старик кивнул, будто и не ждал другого. Он не стал ни уговаривать, ни отговаривать — просто потянулся к полке, где среди старых квитанций и пожелтевших газет лежал потрёпанный блокнот. Листок вырвал не из середины, а из самого конца — чистый, с чуть загнутым уголком. Нацарапал несколько цифр выцветшей ручкой, потом ещё раз проверил, не смазались ли.

— Вот, — сказал он, протягивая листок. — Это личный. Не контора, не секретарь какой-нибудь. Сам Апанас Аристархович трубку берёт. Если что, сразу к нему.

Умник взял листок, аккуратно свернул его вчетверо — так, чтобы не помялся, не истрепался по краям, — и положил во внутренний карман пиджака, поближе к сердцу, будто это был не просто клочок бумаги с цифрами, а какой-то оберег.

— Благодарю, отец! — сказал он, глядя старику прямо в глаза. В этом «благодарю» было больше, чем простая вежливость: в нём слышалась благодарность за честность, за то, что старик не стал приукрашивать, не стал прятать самое страшное за дежурными фразами.

Пройдя тем же маршрутом, откуда пришли, Умник и Борода вернулись в фургон

— Ну как, нашли что-нибудь интересное? — спросил Умник, переступая порог фургона и обводя взглядом сидящих внутри: Крестную, которая, устроившись на откидном сиденье, что-то быстро чертила в блокноте, Кешу, склонившегося над приборной панелью и тихо ругавшегося себе под нос из-за какой-то упрямой неполадки, и Эйнштейна, который, развалившись в углу, листал потрёпанный журнал, но при звуке голоса Умника тут же поднял голову, настроженно поводя ушами, будто готов был в любую секунду сорваться с места. Пока мы там беседы вели, — добавил он, стряхивая с пиджака налипшие сухие травинки и невольно вдыхая привычный запах фургона — смесь машинного масла, кофе и старой кожи, — тут, наверное, без нас тоже дел хватало.

Борода, протиснувшись следом, молча опустился на своё место и потянулся к термосу: после долгого разговора со стариком, ему хотелось просто на пару минут ни о чём не думать и глотнуть чего-нибудь горячего.

— Конечно, — отозвался Кеша, поправляя очки и чуть наклоняя голову, будто прислушиваясь к собственным словам. — Кое-что отыскали, ничего не скажешь. Но пока это только обрывки, кусочки мозаики — сами по себе они ни о чём толком не говорят.

Он на секунду отвёл взгляд и посмотрел на Эйнштейна — тот сидел, откинувшись на спинку сиденья, и крутил в пальцах пробирку с тёмным осадком, будто пытался разгадать её тайну одним прикосновением.

— Всё станет ясно, когда наука своё слово скажет, — добавил Кеша, кивая в сторону напарника. — Как только Эйнштейн проведёт полный анализ, тогда и поймём, что перед нами: случайность или часть чего-то большего.

Эйнштейн едва заметно приподнял бровь, но ничего не ответил — лишь чуть крепче сжал пробирку, словно давая понять: он уже взялся за дело, и скоро у них будут не догадки, а факты. В фургоне на миг повисла тишина, в которой чувствовалось привычное для этой команды напряжение — не нервное, а собранное, как перед стартом: каждый знал свою роль, и теперь оставалось только дожидаться результатов.

— Ну что ж, тогда двигаем на второй адрес, — подвёл итог Умник

Фургон мягко тронулся с места, колёса тихо шуршали по мокрому асфальту, увозя команду прочь от заброшенной территории.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Место осмотра второго эпизода. Авторынок на окраине

Фургон «ПОЧТА РОССИИ» неспешно вырулил на автомобильный рынок неподалёку от порта. Место выглядело непривычно тихим и каким-то притихшим — будто рынок затаил дыхание. Народу почти не было: редкие фигуры мелькали между рядами, да и те торопились, не задерживаясь. То ли день выдался неудачным для торговли, то ли тень того громкого криминального случая с перестрелками всё ещё висела над рынком — люди теперь не спешили приходить сюда просто так, без дела. Даже те, кто всё-таки пришёл, держались настороженно, озирались по сторонам, будто ждали, что тишина вот-вот взорвётся новым шумом.

По обочинам, словно забытые кем-то, стояли несколько свежеперегранных японских автомобилей — блестящие, с ещё не обтёртыми наклейками на стёклах, будто только сошли с парома. Рядом притулились пара мелких грузовичков разного возраста: один — потрёпанный, с помятым крылом и тусклой краской, другой — поновее, но с таким видом, будто и он не слишком верит в свою удачу на этом рынке. Всё вокруг казалось застывшим в ожидании: ни привычной суеты, ни громких торгов, ни весёлых переключек продавцов.

Фургон «ПОЧТА РОССИИ» спокойно подъехал к обочине и спрятался за грузовичком. Он ничем не выделялся — такой же обычный, как и все вокруг. Тёмно-синий бок прижался к ржавому борту, и фургон будто растворился в пейзаже. Стоял тихо, будто просто ждёт, когда кто-нибудь заберёт посылку.

— Эдуард Николаевич, — с почтительным нажимом произнёс Умник, обращаясь к Эйнштейну, — есть какие-нибудь результаты?

Эйнштейн лишь на мгновение оторвался от работы, поднял указательный палец — мол, «одну минутку, любезный» — и тут же снова склонился над приборами. Его движения были отточенными, будто он и не слышал вопроса: привычный ритм лаборатории не терпел суеты.

Оперативная машина для таких выездов была укомплектована по высшему разряду — тут было всё, о чём только мог мечтать полевой исследователь. Оборудование стояло не просто «по последнему слову техники», а местами и вовсе опережало своё время: компактные спектрометры, переносные хроматографы, наборы экспресс-тестов, которые ещё не поступили в массовое использование. Всё это умещалось в аккуратных кейсах и на специальных креплениях, превращая фургон в мобильную лабораторию.

Сейчас Эйнштейн колдовал над реактивами, пытаясь выжать хоть крупицу информации из едва заметных следов, найденных на заброшенном складе. Времени с момента происшествия прошло немало: пыль и грязь успели плотно осесть, скрыть детали, смазать картину. Это неизбежно снижало точность анализа, делало результаты менее надёжными. Но даже крупица данных могла стать зацепкой — а для Эйнштейна любая зацепка была дороже золота.

Он работал сосредоточенно, почти не моргая, словно боялся упустить тот самый миг, когда химия раскроет свой секрет.

В салоне фургона на пару минут повисла напряжённая тишина — лишь тихонько гудел портативный генератор да поскрипывали крепления оборудования при едва заметной качке. Эйнштейн ещё несколько мгновений сидел, склонившись над приборами, а потом вдруг резко выпрямился, и лицо его озарилось такой искренней радостью, будто он только что разгадал самую упрямую загадку Вселенной.

— Ну вот! — воскликнул он, высоко подняв пробирку, словно это был драгоценный трофей, и свободной рукой энергично указал на неё. — Теперь всё стало ясно!

Умник подался вперёд, едва сдерживая нетерпение, и чуть не задел локтем ящик с реактивами.

— Да не томи, Эдуард Николаевич! — выпалил он. — Рассказывай скорее, что там у тебя?

Эйнштейн выдержал короткую, почти торжественную паузу, смакуя момент триумфа, а затем заговорил размеренно, с той особой интонацией, какой обычно сообщают важные открытия:

— У меня, господа, отличные новости. Теперь мы можем с уверенностью утверждать: биологические образцы, которые Иннокентий и наша замечательная Волшебница обнаружили на том смазанном следе на стене... — тут он слегка поклонился в сторону Крестной, выражая признательность, — принадлежат человеку. Мужчине. Возраст — от девятнадцати до двадцати пяти лет. Точнее, увы, не скажу, — он сокрушённо пожал плечами и развёл руками, словно извиняясь за несовершенство науки и ограниченность данных в полевых условиях.

— Это действительно хорошие новости, — произнёс Умник, и в его голосе прозвучало не просто удовлетворение, а предвкушение работы: наконец-то у них появилась осязаемая зацепка. — Теперь будет над чем поработать, — добавил он и обвёл взглядом всех сидевших в тесном салоне фургона, будто хотел убедиться, что каждый проникся важностью момента. — Есть идеи? Какие варианты видим?

Крестная чуть наклонила голову, обдумывая сказанное, и её взгляд стал острым, собранным — она уже мысленно выстраивала логические цепочки.

— Это потенциально сужает круг подозреваемых, — спокойно, но твёрдо сказала она, а затем повернулась к Эйнштейну и чуть улыбнулась: — Спасибо, Эдуард Николаевич.

Эйнштейн в ответ лишь легко приподнял ладони — жест, означавший «к вашим услугам, дорогая моя», — и чуть склонил голову, давая понять, что сделал всё, что мог, а теперь дело за остальными.

— Значит, мы ищем молодого человека, — продолжила Крестная, снова переводя взгляд на Умника, и в её глазах читался немой вопрос, требующий подтверждения. — Молодого человека, который так или иначе тесно связан с жертвами первого эпизода... Верно? — она чуть подалась вперёд, словно хотела уловить малейшую интонацию в его ответе, не упустив ни одной детали.

— Всё верно, — Умник перевёл взгляд на Крестную, и в его глазах мелькнуло то самое выражение, с которым он обычно раздавал поручения в самые напряжённые моменты. — Значит, новая вводная: вам нужно срочно попасть в городской морг. Эдуард Николаевич проведёт экспресс-анализы и сравнит результаты с образцами, взятыми с тел жертв.

Умник обвёл взглядом притихших Зеро и Эйнштейна, будто хотел убедиться, что каждый уловил вес сказанного, затем кивнул Светлане:

— Вы, Светлана, остаётесь за старшего. Иннокентий, выдайте документы нашим коллегам — время не ждёт.

Зеро молча наклонился, распахнул просторный лючок бардачка и выудил оттуда несколько красных корочек, аккуратно разложенных по отделениям. Одну он протянул Крест-

ной, вторую — Эйнштейну, третью убрал в карман своей поношенной, но надёжной куртки, а две оставшиеся передал Умнику.

Крестная щёлкнула застёжкой, раскрыла удостоверение и невольно присвистнула, разглядывая впечатанные строки:

— Следователь по особо важным делам Генеральной прокуратуры? Серьёзно?

— Совершенно верно, — спокойно подтвердил Умник. — Ваша задача — сопроводить и проконтролировать взятие образцов у жертв, пока тела ещё там. И, слава богу, дело не закрыто — у нас есть окно возможностей.

— Поняла! — коротко бросила Крестная, тут же пряча удостоверение во внутренний карман и уже мысленно выстраивая маршрут до морга.

— А я, господа, на сей раз, — прозвучал бодрый, чуть торжественный голос Эйнштейна, — выступаю в роли прокурора-криминалиста. Так что можете смело рассчитывать на мою экспертную поддержку.

— Вот и отлично, — кивнул Умник, явно удовлетворённый распределением ролей. — Иннокентий, смените вывеску на машине — пусть не бросается в глаза. И выдвигайтесь. «А мы с коллегой-журналистом Бородиным... — он протянул Бороде удостоверение журналиста, выдержанное в стиле крупного федерального издания, — здесь осмотримся, прощупаем почву, может, кто-то из местных что-то да видел».

Бородин ловко поймал документ, мельком глянул на вклейку с фото и едва заметно усмехнулся:

— Всегда мечтал поработать «под прикрытием». Надеюсь, легенда выдержит проверку.

— Должна, — твёрдо сказал Умник. — Главное, не светите её без нужды.

Темно-синий фургон, без всяких надписей уехал, оставив за собой, небольшой шлейф на гравии.

Умник и Борода посмотрели в след, развернувшись пошли в сторону стоявших на стоянке, машин

Чем ближе подходили Умник и Борода, тем явственнее ощущалось напряжение, будто воздух вокруг стал гуще и тяжелее. Их внимание всё сильнее притягивала кучка молодых парней в спортивных костюмах — они сбились в плотную группу возле небольшого гаража, приютившегося на краю стоянки. В их позах сквозила нарочитая расслабленность, но в быстрых взглядах и перешёптываниях чувствовалась готовность в любой момент сорваться с места.

Напарники невольно сбавили шаг, словно пытаясь отсрочить неизбежное столкновение. В ответ группа парней, наоборот, прибавила ходу — их движение стало целеустремлённым, почти хищным, и вскоре они вышли прямо наперерез Умнику и Бороде. Те остановились, оценивая ситуацию: перед ними выстроилась живая преграда, и обойти её, не привлекая лишнего внимания, было невозможно.

Парни подошли ещё ближе, сократив дистанцию до нескольких шагов. Атмосфера накалилась до предела, тишина стала почти осязаемой — лишь где-то вдалеке глухо урчал мотор да ветер шелестел сухими листьями.

— Мужики, а сейчас рынок не работает, — протянул один из парней, и в его голосе прозвучали одновременно насмешка и угроза. Ехидная улыбка обнажила золотую фикса, сверкнувшую в тусклом свете. Несмотря на то что по возрасту он ничем не выделялся среди остальных, в нём безошибочно угадывался вожак: в уверенной осанке, в том, как остальные невольно поглядывали на него, словно ожидая одобрения или приказа.

Он сплюнул на землю — буквально в паре сантиметров от ботинок непрошенных гостей, — и этот жест окончательно расставил все точки над «i»: перед Умником и Бородой стоял не просто парень с района, а человек, привыкший диктовать условия.

Его облик словно сошёл со страниц хроник рабочего района девяностых. Коротко стриженные волосы слегка топорщились из-под надвинутой на затылок кепки-восьмиклинки, тём-

но-синий спортивный костюм «Адидас» сидел свободно, но не мешал двигаться, а короткая кожаная куртка, небрежно наброшенная сверху, добавляла образу брутальности. Из-под расстёгнутой молнии костюма выглядывала толстая золотая цепь — яркий, почти кричащий символ статуса в своей среде. Чёрная кожаная барсетка, зажатая под мышкой правой руки, довершала картину.

Содранные костяшки на кулаках говорили о том, что этот парень не чурался кулачных разборок и всегда был готов постоять за себя — или за своих. Казалось, для полного соответствия образу не хватало лишь одного штриха: бейсбольной биты. И словно в ответ на эту мысль, кто-то из стоявших позади парней молча протянул её, ловко вложив в левую руку вожака. Тот принял биту без лишних слов, небрежно, но уверенно перехватив рукоять, — и в этот момент образ окончательно сложился, став пугающе цельным.

— Да вы чего, ребята, — произнёс Умник, нарочито медленно разводя руки в стороны и демонстрируя открытые ладони, будто хотел показать, что в них нет ни оружия, ни угрозы. — Мы с другом просто заблудились. Таксист какой-то непонятливый попался — высадил не там, где надо. Вот и ходим теперь, выход ищем, сами не рады.

В его голосе появилась лёгкая нервозность, но он как будто старался держаться спокойно, будто обычная бытовая неурядица вдруг превратилась в серьёзное испытание. Боковым зрением он ловил каждое движение парней, отмечая, как те переглядываются, как сжимаются кулаки, как в воздухе снова повисает тяжёлое, колючее напряжение.

— Да ты нас, дядя, за лохов не держи, — резко оборвал его вожак, шагнув вперёд и слегка наклонив голову, словно примериваясь к собеседнику. — Мы вас ещё у ворот засекли. Шли вы сюда не просто так, это любому дураку понятно, — он ухмыльнулся, бросив короткий взгляд через плечо на своих парней, стоявших плотной стеной позади, и те в ответ хмыкнули, будто одобряя слова главаря. — Мусора, что ли?

Фраза прозвучала как вызов, в ней смешались подозрение и вызов, и в этот момент Борода внутренне собрался, мгновенно просчитывая варианты. Он стоял чуть позади Умника, внешне сохраняя спокойствие, но мышцы были напряжены, как у зверя перед прыжком. Краем глаза он отметил несколько фигур — тех, кто выглядел наиболее агрессивно, кто мог броситься первым. «В первую очередь вырубить этих двоих, — пронеслось у него в голове, — но не переусердствовать: перед нами обычные гопники, не бойцы, главное — не превратить стычку в кровавую разборку».

Умник, видя, что первая версия не сработала, решил сменить тактику. Он чуть опустил руки, но не слишком, чтобы не выглядеть уязвимым, и, сделав голос твёрже, произнёс:

— Ну, если честно... Мы с коллегой — журналисты из Москвы. Готовим материал, вот и заехали посмотреть, как тут всё устроено.

На мгновение в группе парней повисла тишина, будто слова Умника прозвучали на незнакомом языке, и все пытались их осмыслить. А затем вожак вдруг неожиданно расплылся в широкой, почти радостной ухмылке и, не сдержавшись, хлопнул себя ладонью по бедру, будто услышал самую приятную новость за день.

— Да ты что?! — воскликнул он, и в его глазах вспыхнул огонёк азарта. — Пацаны, гляньте-ка! Москвичи в гости приехали! Одни, без охраны, представляешь?!

Он снова оглянулся на своих, и те заулыбались, переминаясь с ноги на ногу, словно предвкушая какое-то развлечение. Но улыбка вожака быстро сменилась чем-то хищным — его взгляд потяжелел, стал цепким, оценивающим, будто он вдруг увидел в журналистах не людей, а добычу.

— Вы что, эти... — он запнулся, подбирая слово, которое звучало бы одновременно унижительно и метко, — журношлю...

Договорить он не успел. Молниеносный, тяжёлый удар Бороды врезался ему в челюсть, сбивая с ног и опрокидывая навзничь. Всё произошло так быстро, что никто из парней не

успел среагировать. В тот же миг барсетка, до этого крепко зажатая под мышкой, сорвалась и отлетела в сторону, словно отстреленный модуль, а бита, которую вожак держал в руке, описала короткую дугу и упала, где-то в пыли, отдельно от своего владельца.

Кто-то из рослых парней, взыв что-то нечленораздельное, кинулся на Умника, будто хотел смять его одним рывком. Но не тут-то было: резкий удар ногой в корпус прервал этот героический порыв на полуслове. Нападавший даже слегка подпрыгнул от неожиданности — будто пружина внутри сработала, — а потом, потеряв равновесие, рухнул на землю, словно мешок с картошкой.

Борода тем временем действовал с хладнокровной точностью фокусника, только вместо голубей из шляпы он «доставал» проблемы для противников. Поймав двоих юнцов, которые выглядели так, будто только вчера впервые надели спортивный костюм, он ловко стукнул их лбами друг о друга — и те, не успев даже возмутиться, дружно осели у его ног, будто два подкошенных стебелька.

Раскидав в разные стороны молодых гопников, словно кегли в боулинге, Борода на секунду замер, будто ожидая, что на этом представление закончится. Кто-то из оставшихся рванул в сторону гаража — и в этом отчаянном броске мелькнула робкая надежда, что потасовка вот-вот сойдёт на нет. «Ну всё, разбежались, — пронеслось в голове у Умника, — сейчас выдохнем...» Но думать так было не просто ошибочно — это было почти наивно.

Забежав в открытые ворота гаража, беглецы на мгновение исчезли из виду, но уже через несколько секунд из темноты проёма появилась новая группа. И на сей раз это были не просто парни в спортивных костюмах: среди них было порядка семи взрослых мужиков — солидных, основательных, с такими животами, что гаечные ключи и монтировки в их руках смотрелись почти комично, будто игрушечные. Но смеяться почему-то совсем не хотелось.

— Вот это поворот! — воскликнул Умник, невольно делая шаг ближе к Бороде и принимая боевую стойку, в которой читались лишь решимость и готовность к действию. — Я думал, мы на районную дискотеку зашли, а тут, похоже, полноценный турнир по выживанию.

Всё завертелось, как в эпической сцене из исторического фильма. Два богатыря стояли в центре, будто главные герои в замедленной съёмке, а со всех сторон на них накатывали волны противников — словно полчища рыцарей, готовых взять крепость штурмом. Только вместо мечей и копий здесь были гаечные ключи, монтировки и кулаки, а вместо поля битвы — пыльный асфальт стоянки, усеянный пустыми пластиковыми бутылками, смятыми упаковками из-под снеков и обрывками газет, будто кто-то устроил здесь стихийную свалку прямо посреди разборок.

Удары сыпались со всех сторон, блоки следовали один за другим, а из клубов пыли то и дело вылетали то чьё-то тело, то чья-то кепка, то чья-нибудь бита, то барсетка, то гаечный ключ — будто сама потасовка устроила стихийный аукцион, где в ход шло всё, что плохо лежало. Казалось, сама стоянка превратилась в арену гладиаторских боёв, где ставки были не на жизнь, а на целостность рёбер.

Когда пыль наконец осела, картина напоминала финал масштабной баталии: в центре, слегка помятые, но непобеждённые, стояли Умник и Борода. Вокруг них, веером, лежали и потихоньку охали, ахали и потирали ушибленные места местные «работники» торговой стоянки — теперь уже не такие грозные, как пару минут назад.

— Всё, встаём! — скомандовал Умник, стараясь придать голосу максимальную твёрдость. — Подбираем раненых и двигаемся к той машине, — он махнул рукой в сторону стоявшего неподалёку автомобиля, будто это был командный пункт.

Проигравшие в этом неожиданном сражении — и гопники, и их более взрослое «подкрепление» — медленно, с видом людей, которые внезапно осознали, что выбрали не ту профессию, стали подтягиваться в указанном направлении. Через несколько минут они уже сидели или стояли, кое-кто особо пострадавший даже прислонился к кузову машины, словно искал у

неё моральной поддержки. Теперь они были готовы слушать дальнейшие указания победителей — и, кажется, даже хотели их услышать.

— Кто мне расскажет про недавнее нападение зверя? — Умник обвёл взглядом притихшую, осунувшуюся толпу, и в его голосе не было ни просьбы, ни мягкости — только жёсткая, рубленая интонация, будто он рубил воздух словами. — Ну, друзья, не надо мне тут про «ничего не знаем». Я никогда не поверю, что все разом ослепли и оглохли. Тут такое творилось — а вы все в облаках витали?

В воздухе повисла неловкая тишина, плотная, как сырой туман, — будто люди боялись даже дышать, чтобы не привлечь к себе лишнего внимания. И вдруг из задних рядов донёсся хрипловатый голос:

— Да мы мусорам уже всё рассказали...

Умник резко повернул голову на звук — так, что даже лацкан пиджака чуть дёрнулся. Перед ним стоял вожак «стаи» — всё тот же парень с золотой фиксой, теперь уже без бравады, с потухшим взглядом и заметной усталостью в плечах. Умник шагнул к нему, сокращая дистанцию до пары шагов, так, чтобы видеть каждую морщинку, каждую тень в глазах, и бросил коротко, чеканя каждое слово:

— Ещё раз расскажи. Сейчас. В деталях. Может, сейчас вспомнится что-то, что тогда из головы вылетело. Мелочь, деталь какая-нибудь... А мелочь порой всё и решает.

Вожак тяжело вздохнул, будто с этим вздохом из него выходила вся его напускная крутость. Помялся немного, потёр ладонью шею, словно воротник душил, и наконец буркнул:

— Да чё там рассказывать... Стрелка здесь была. Две бригады сошлись, как два поезда лоб в лоб. Искры летели ещё до того, как моторы заглушили.

Он замолчал, подбирая слова, а вокруг постепенно стихли даже шёпоты — все, кто был поблизости, невольно подались вперёд, ловя каждое слово, будто от этого зависела их собственная жизнь. Рассказчик будто и сам на секунду выпал из реальности, провалившись обратно в тот день, и теперь вытаскивал из памяти куски той жуткой картины — рваные, острые, как осколки стекла.

— Подъехало несколько машин, — продолжил он, глядя куда-то мимо Умника, в пустоту, будто снова видел ту сцену. — Из одних вышли одни, из других — другие. И сразу началось: друг на друга наезжать, требования выставять, пальцы гнуть. Слова летели, как камни, — жёсткие, злые, без шанса на примирение. А я... я тогда в гараже сидел, ворота наглухо закрыл, только щёлку оставил, чтобы хоть что-то видеть. Сидел тише мыши, думал — пронесёт.

Его голос стал тише, будто он боялся, что, если скажет громче, тот кошмар вернётся и накроет всех прямо здесь и сейчас.

— А потом страсти начали накаляться. Сначала криками сыпали, потом в ход пошло оружие. У них у всех, видать, заранее припасено было. Ствол на ствол, орут друг на друга, воздух свинцом пропитался. Я тогда чуть сквозь бетон не провалился от страха...

Он на секунду прикрыл глаза, сглотнул, а когда снова заговорил, в голосе уже сквозил не просто страх — в нём был настоящий животный ужас, липкий, холодный, пробирающий до костей.

— И тут... со стороны обрыва, — он резко выбросил руку вперёд, указывая в темноту, будто чудовище могло снова появиться оттуда в любую секунду, — вылезло оно. Какое-то... нечеловеческое. Все как по команде повернулись, будто магнитом их туда притянуло. Секунда — и тишина. Абсолютная. Как будто весь мир затаил дыхание.

Рассказчик замолчал, и эта пауза повисла в воздухе, тяжёлая, густая, как предгрозовая тишина, когда молния вот-вот ударит.

— Оно поднималось... и росло прямо на глазах. Не просто вставало — оно будто перекаивало саму реальность вокруг, вытягивалось, наливалось этой жуткой, звериной мощью. Каждый сантиметр его роста был как удар по нервам — столько в нём было угрозы.

Он снова запнулся, словно язык отказывался произносить дальше, но всё же выдавил:

— Как рыкнет... Не как зверь, не как человек — как сама смерть. Звук такой, что зубы сводит. Кто-то даже стволом в ту сторону дёрнул, но палец на спусковом крючке задеревенел. Никто не выстрелил первым. Да и какой там выстрел... Перед ними стояло уже не существо — а чистое воплощение ужаса.

Он зажмурился, будто пытаясь стереть эту картину, но тут же распахнул глаза, словно боялся потерять связь с реальностью.

— Жилистое, напряжённое, будто скрученное в тугую пружину. Колени чуть согнуты, плечи развёрнуты, руки висят почти до колен, а пальцы скрючены, как когти. Грудь ходит ходуном — он будто не дышал, а втягивал в себя сам воздух, как топливо, чтобы стать ещё страшнее. Каждая линия тела кричала: «Я сейчас прыгну». И он прыгнул.

Вожак сглотнул, голос его дрогнул, но он упрямо продолжил:

— Обе группы развернулись к нему и давай палить. Пули свистят, крики, мат, паника... Ад крошечный. А оно движется — резко, рывками, каждый раз издавая этот нечеловеческий рык. Прыгает вокруг них, петляет, будто играет. Как кошка с мышами, только эти «мыши» были с автоматами. И от этого ещё страшнее — потому что они сильные, вооружённые, а перед этим... беспомощные.

Он сделал паузу, и на его лице проступила гримаса, в которой смешались ужас и что-то похожее на восхищение перед этой чудовищной силой.

— А потом... мгновение — и оно кинулось в самую гущу. Прямо в центр. Дальше... — он резко махнул рукой, будто отгоняя эти воспоминания, — дальше был ад. Куски тел, кровь, крики, стрельба слилась в один сплошной вой. Всё смешалось: металл, плоть, порох, вонь палёного. Несколько минут — и всё стихло. Чудовище остановилось, замерло, обнюхало воздух, будто решало, кого ещё добить...

Рассказчик на секунду замолчал, а потом, словно стараясь вернуть себе хоть каплю прежней бравады, выпрямил спину и добавил чуть твёрже, но в голосе всё равно слышалась дрожь:

— Ну, я-то не из пугливых, — хотя в его глазах читалось обратное. — Я замер, не дышал даже. Когда снова в щёлку глянул — кругом были разбросаны кровавые части тел. Только кровь на асфальте, тёмная, густая. Я тогда через кусты, дворами, только пятки сверкали... Домой добрался, неделю отсюда носа не показывал. А потом кто-то ментов вызвал. Вот и вся история.

— Благодарю! — произнёс Умник, нарушив тишину.

Борода обвёл взглядом притихших парней, будто сканируя каждого на предмет скрытой лжи, и бросил негромко, но так, что услышали все:

— Может, ещё кому есть что добавить? Любая мелочь сейчас на вес золота.

В ответ повисла короткая пауза — парни переглядывались, будто передавая друг другу немую эстафету: «Ты скажи... нет, ты...». И вдруг из кучки сидящих неуверенно вытянулась рука — так, как тянут в классе, когда учитель спрашивает, а ты и знаешь ответ, и боишься ошибиться.

— А можно я? — прозвучал тонкий, ещё не до конца окрепший голос.

Борода чуть наклонил голову, давая молчаливое разрешение:

— Можно.

Из группы поднялся совсем ещё юноша — лет семнадцати-девятнадцати, худой, будто ветер мог его с ног сбить. Он неловко одёрнул куртку, словно хотел выглядеть солиднее, и, чуть запнувшись, начал:

— Перед этим случаем... я тут одного парня видел. Не из наших. На вид будто больной, что ли: иногда головой так качает, а боковым зрением смотрит, будто испугался. И при этом весь такой... правильный, что ли. Одет во всё чистенькое, будто не на стоянку пришёл, а по важному делу. Он тут что-то высматривал, ходил туда-сюда, глазами всё шарил. Я его даже

окликнуть хотел — мол, чего надо? Но он меня раньше заметил. Посмотрел так... как будто испугался, как будто его застали за чем-то. Развернулся и молча ушёл. Ни слова не сказал.

Умник тут же подался вперёд, вцепившись взглядом в рассказчика, как хищник в добычу:

— Описать его можешь? Рост, вес, волосы, лицо — всё, что вспомнишь. Даже если кажется, что это ерунда.

Юноша на секунду зажмурился, будто пытаясь вытащить из памяти ускользающий кадр, и принялся торопливо выкладывать детали:

— Ну, ростом примерно, как я... где-то сто семьдесят. Вес не знаю, но не толстый — среднего телосложения. Волосы чёрные, короткие, аккуратно подстрижены. Лицо... не помню толком, но глаза такие яркие, запоминающиеся. Тёмные, будто уголь. Возраст, наверное, лет двадцать, может, чуть старше. Куртка серая, неприметная. Брюки спортивные, но не «адики», обычные такие. Кроссовки простые, без всяких логотипов.

Умник кивнул, быстро фиксируя в голове каждую деталь, а потом широко улыбнулся, стараясь разрядить напряжение:

— Ну вот, друзья, огромное вам спасибо! Вы нам очень помогли. А мы пока с коллегой пойдём — может, ещё вернёмся, если что всплывёт.

С этими словами Умник и Борода развернулись и зашагали в сторону ворот. Идти прямо к обрыву пока не было смысла: без подкрепления и нужного оборудования там делать нечего. Надо было дожидаться Кешу — он должен был привезти снаряжение. А пока оставалось только ждать фургон и перебирать в голове новые кусочки головоломок.

Уже у самых ворот их догнал голос. Умник и Борода обернулись и увидели молодого вожака — того самого, что ещё недавно был готов бросаться в драку, а теперь стоял, слегка ссутулившись, и смотрел на них с нескрываемым любопытством:

— А вы где так драться научились? Ну, чтобы вот так... уверенно.

Умник на секунду задумался, а потом снова улыбнулся — на этот раз чуть шире, с хитринкой:

— На журфаке. Там без этого никуда.

Прошло полтора часа. Время тянулось медленно, будто кто-то нарочно замедлил его ход. Наконец, вдали показался фургон. Из него выбрались люди — лица у всех были довольные, но слегка уставшие. Особенно у Крёстной: она держалась из последних сил, подпитываясь кофе и внутренней мотивацией, но старалась не подавать виду, что вымотана до предела.

Все пятеро принялись методично обследовать обрыв. Сначала за ними с любопытством наблюдали местные — будто ждали, что эти городские сейчас что-нибудь найдут и всё сразу станет ясно. Но один жёсткий, не терпящий возражений взгляд Умника — и наблюдатели как по команде рассосались, оставив группу в покое.

Ползали, заглядывали в каждую щель, ворошили сухую траву, осматривали камни и выступы. Но следов не было. Никаких. Будто то, что здесь произошло, растворилось в воздухе, оставив после себя только страх и пустые слухи.

Благодаря работе в морге и полученным результатам удалось отсеять ложный след: ранее обнаруженные следы на складе никому из жертв не принадлежали. Это не давало полной картины, но уже сужало круг поисков.

А ещё появилась новая ниточка — описание того самого «правильного» парня. Незвестный, который что-то высматривал и ушёл, не сказав ни слова. Теперь у них был хотя бы примерный портрет. Это уже было что-то. Совсем немного, но в деле, где не было вообще ничего, даже такая мелочь могла стать ключом к разгадке.

— Ну что, друзья, пока силы нас окончательно не покинули, предлагаю навеститься на третий адрес, заодно пообедать и немного перевести дух, — Умник энергично потёр ладони, будто пытался согреть не только руки, но и угасающий боевой настрой всей команды. — А то если сейчас ещё хоть пять минут простои́м, я сам в тень уползу и там усну.

Сидевшие в фургоне будто только этого и ждали. Едва Умник озвучил план, как в салоне разом посветлело — не от солнца, а от облегчения. Кто-то шумно выдохнул, кто-то даже хмыкнул с облегчением, а Крёстная, до этого сидевшая со слегка уставшим видом, наконец позволила себе лёгкую улыбку — первую за весь день. В этой улыбке читалось столько облегчения, что она казалась почти драгоценной.

— Отлично! — почти хором отозвались все, будто сбросив с плеч по десятку килограммов.

— Тогда чего медлить? — подхватил Борода, хлопнув ладонью по спинке сиденья. — Раньше начнём — раньше закончим. И, что важнее, раньше поедем.

Эта простая мысль сработала лучше любого боевого клича: в фургоне тут же поднялась лёгкая суeta — кто-то поправил куртку, кто-то проверил карманы, будто собирался не на обед, а на решающий штурм, а кто-то просто потянулся, разминая затёкшую спину. В воздухе повисло то самое редкое чувство, когда после долгого напряжения наконец можно чуть-чуть выдохнуть — но не расслабляться, а просто дать себе короткую передышку перед следующим рывком.

Фургон, будто тоже почувствовав общее оживление, фыркнул мотором, чихнул пару раз, а потом ровно и уверенно завёлся. Колёса провернулись, цепляясь за асфальт, и машина, плавно вырвав на дорогу, стала набирать скорость.

Ближе к полудню. Кафе

Умник и Крёстная вошли в кафе самообслуживания почти одновременно, будто заранее договорились: Умник придержал дверь, Крёстная кивнула в знак благодарности — такой маленький, почти незаметный жест. Внутри пахло жареным луком и свежей выпечкой, и этот запах на секунду вернул каждого в своё детство, в школьные столовые и семейные обеды.

Не прошло и минуты, как в дверях показались Кеша, Эйнштейн и Борода. Кеша тут же принялся оглядываться, будто искал кого-то, Эйнштейн задумчиво смотрел по сторонам, будто пытался мысленно разложить всё вокруг по полочкам — ему всегда нужно было сперва «осмыслить пространство», прежде чем сделать шаг. Борода только хмыкнул, поправил куртку и шагнул вперёд, прокладывая путь сквозь узкий проём.

Очередь двигалась неторопливо, с привычными паузами: кто-то долго выбирал между двумя видами супа, кто-то спорил с работником раздачи насчёт свежести салата, а кто-то просто стоял, слегка покачиваясь с пятки на носок, пока очередь медленно ползла вперёд. Умник не торопился, спокойно подбирал, что взять. Крёстная шла по привычке — брала то, к чему давно привыкла. Кеша кидал на поднос всё, что под руку попадалось. Эйнштейн взял только сэндвич с кофе — ему много не надо было. Борода взял большую порцию плова — после тяжёлого дня ему хотелось, чего-то по-настоящему сытного, с пряностями и горячим рисом.

У кассы разворачивалась привычная бытовая сцена. Умник положил на блюдце купюру — чётко, без суety. Крёстная уверенно выложила одну купюру и лёгким движением показала, что сдачи не нужно. Кеша неловко перебирал в пальцах смятые бумажки, будто стеснялся этой суety, но всё же отсчитал нужную сумму и тихо кивнул кассиру — рассчитался. Эйнштейн провёл ладонью по карманам, будто надеясь на чудо, и с виноватой улыбкой произнёс: «А кошелёк-то в машине остался». Ему пришлось принять помощь товарищей. А Борода спокойно отсчитал точную сумму — ровно столько, сколько требовалось, с той основательностью, которая редко подводила его в жизни.

И вот, наконец, вся компания двинулась к дальнему столику — тому самому, который стоял в глубине зала, почти в тени, где не сверкали яркие лампы и не было слышно громких разговоров. Стулья скрипнули, когда они рассаживались, подносы тяжело опустились на столешницу, и на несколько секунд воцарилась тишина — та самая, когда все слишком голодны, чтобы говорить, и слишком рады оказаться вместе, чтобы это имело значение.

А само помещение, казалось, хранило память о прежних временах: массивные балки под потолком, грубоватая кирпичная кладка, широкие окна с толстыми рамами — всё это осталось с тех пор, когда здесь была столовая транспортного предприятия. Тогда тут собирались водители и механики после смены, обсуждали маршруты и поломки, смеялись над рабочими шутками и делились бутербродами. Теперь здесь было другое время, другие люди, но что-то от той прежней атмосферы всё ещё витало в воздухе — будто стены умели хранить не только тепло, но и истории.

Крестная огляделась по сторонам, наклонилась к Умнику и шепотом спросила

- Умник, ну расскажи, кто все-таки на тебя, охоту объявил? — Крестная оглянулась на Бороду, ища в нем поддержку

- Надеюсь, Иннокентий, нам возможно поведает? - Умник перевел разговор на Кешу

- Сообщение поступило, когда мы на стоянке лазили, как раз хотел отчитаться, - Кеша немного замялся, как будто в чем-то провинился

Кеша порылся у себя в кармане и достал небольшой сложенный лист, на которой было зашифрованное сообщение.

Умник пробег глазами по листку и положив его в пепельницу, поджег зажигалкой

Все в тишине, за столом, смотрели на действия Умника в ожидании оглашения информации

Умник достал из внутреннего кармана пиджака небольшой прибор размером с пачку сигарет, поставил на стол, нажал на кнопку с боку, на приборе загорелся зеленый индикатор

- Теперь можно тихонечко поговорить, - Умник окинул взглядов свою компанию.

- Пришла телеграмма, от Босса, - начал Умник, - наши коллеги, переговорили со стюардессой, смогла заговорить раньше, чем предполагалось, и двумя иностранцами, вывод пока следующий, - Умник сделал паузу, - вся группа была нанята Зовом предков

- А это еще кто? — произнесла Крестная

- Позвольте? — Кеша обратился к Умнику, тот в ответ положительно кивнул, вроде того: «Прошу, продолжайте коллега»

Кеша, затих и продолжил: «Зов предков» — закрытая сеть наследников и сторонников бывших участников «Аненербе». После краха Третьего рейха часть из них скрылась и осела в странах СНГ и Европы, передавая идеологию и архивы внутри семей — через письма, дневники, карты и легенды.

Кеша, глотнул, из своего стакана, своего компота и продолжил

Организация действует конспиративно: её участники ищут следы экспедиций «Аненербе», расшифровывают архивы и собирают артефакты, видя в них не преступления, а «утраченную мудрость». Встречи проходят в закрытых местах — частных клубах, замках.

По предварительным данным, глава объединения некий Морген Штерн, но мы предполагаем, что это вымышленное имя управляющей группы.

— Так вот, — Умник взял слово, — Та самая улыбчивая стюардесса — агент «Зова предков». За этой вежливой маской скрывался чёткий план: допросить требуемое лицо, выудить каждую крупницу информации. Затем — медикаментозная амнезия: аккуратно, без криков и наручников, просто лишить человека памяти о важном. И финальный штрих — постгипнотическое внушение. Чтобы позже, по одному слову, он сделал всё, что им нужно.

Умник всмотрелся в спокойные, привычные лица Крестной и Бороды, будто сверял их с внутренним эталоном надёжности. Едва уловимый кивок — словно он закрыл одну вкладку в голове и открыл следующую.

— А вот с вами у них ничего не вышло. Вы для них стали самым неприятным сюрпризом — они явно не рассчитывали на такой отпор.

Он чуть подался вперёд, голос стал жёстче, без лишних оттенков:

— У нас есть примерно девять часов. За это время нужно осмотреть последнее место, провести анализ, вычислить искомое лицо — пока ситуация не пошла вразнос и нам не начали ставить палки в колёса.

Умник отпил чаю из своего стакана. Чай был самым обычным — из пакетика, но этот глоток будто помогал ему удержать нить разговора.

— Друзья, кто вслушался в то, что сторож на складе произнёс? — Умник обвёл коллег пристальным взглядом. — Какой примерно, был диалог, между неизвестным и одним из жертв? Какие именно слова одна из жертв бросила в сторону неизвестного?

— Если верить тебе и Бороде, он рявкнул: «Какого хрена ты к нам припёрся?! Тебе было сказано, она сама виновата», — отозвалась Крестная.

— Ага, и что это нам даёт? — Умник перевёл взгляд на Крестную.

Та помедлила, словно осторожно выкладывая кусочки пазла:

— Это значит, что между неизвестным и жертвами есть связь. И связующее звено — одна и та же женщина.

— Точно, — Умник едва заметно улыбнулся. — А раньше почему не сказала?

— Да я тут впервые, — спокойно пожала плечами Крестная, оглядывая соседей по столу. — Ты ведёшь дело, вот я и присматриваюсь, как у вас тут всё устроено.

— У нас тут не «кто главный», а «мы вместе», — произнёс Умник ровно, но твёрдо, включая в разговор и Крестную, и Бороду. — Если есть мысль — говори. Хоть по делу, хоть чтобы просто воздух разрядить. По этому эпизоду ещё вопросы есть?

Его взгляд остановился на Кеше.

— Зеро, мне нужна вся информация по событиям с жертвами со склада за последние полгода. Особое внимание — на любые пересечения с какой-либо женщиной.

— Принято, — коротко кивнул Кеша. Он допил остатки чая, встал из-за стола и, не оборачиваясь, направился к выходу из кафе-столовой.

Следом стали потихоньку заканчивать свою трапезу и остальные. Короткая передышка подходила к концу — все будто по негласной команде возвращались к делу.

Аэропорт жил своей привычной жизнью: объявления на двух языках, скрип колёс, чьи-то торопливые шаги. Стюардесса стояла чуть в стороне от основного потока, будто специально выбрала точку, откуда видно всё и всех. На её груди поблёскивал бейдж с именем Виктория

Прижимая телефон к уху, слышался щелчок включения автоответчика, она заставила голос звучать непринуждённо, даже чуть весело:

— Ну, здравствуй, дядюшка! Я прилетела, одна... Тётя с племянниками, к сожалению, прилететь не смогли... Причины, оказалось три... Сегодня вечером планирую по антикварным магазинам пройти, запланировала вернуть старую мебель.... Думаю, обойтись четырьмя грузчиками... Ну все, дядюшка, пока!

Внутри всё было натянуто до предела — словно одна бесконечная, звенящая струна, готовая лопнуть от малейшего прикосновения. Каждая интонация, каждое слово в разговоре были выверены с хирургической точностью, нарочно простые, нарочно бытовые, будто речь шла о самых заурядных житейских делах. Девушка сознательно выстраивала эту иллюзию обыденности: если кто-то прослушает запись, в ней не будет ничего, кроме обычного разговора тёти с племянниками. Но только она знала истинный смысл каждой фразы, скрытый за фасадом повседневности.

«Тётя с племянниками, прилететь, к сожалению, не смогли» — за этими словами скрывалась ключевая информация: агент и силовая поддержка раскрыты и обезврежены. «Причины, оказалось три» означали что вместо планируемой одной, появились еще две, — их нужно было нейтрализовать или обойти, и времени на это почти не оставалось. «Сегодня вечером планирую по антикварным магазинам пройти» было кодовой формулировкой, что до вечера, запланированные мероприятия должны осуществятся. «запланировала вернуть старую мебель» подразу-

мевало все идет по заранее запланированному сценарию — А «четыре грузчика» обозначали четыре оперативные группы, каждая из которых состояла из трёх человек; именно они должны были стать её опорой в предстоящей работе. И при всём этом она оставалась руководителем всей операции — на её плечах лежала ответственность за каждый шаг, за каждую принятую секунду назад решение.

Закончив разговор, Виктория повесила трубку. На секунду закрыла глаза, сбрасывая напряжение, потом снова открыла — и взгляд стал другим: острым, сканирующим. Она поправила форму и двинулась вперёд, уже не как уставшая стюардесса, а как человек, который пришёл сюда не просто так.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Место осмотра третьего эпизода. Особняк

Последнее место, где оборвались жизни пятнадцати человек — пусть и погрязших в криминале, но всё же некогда дышавших, чувствовавших, надеявшихся, — особняк местного авторитета по кличке Кувалда. Само это название будто отдавалось глухим ударом в тишине, словно предвещая трагедию, что разыгралась под его крышей.

Место преступления представляло собой не просто особняк, а целый укрепленный комплекс, раскинувшийся на обширной территории, будто маленькая неприступная вотчина, отгороженная от остального мира. В центре возвышался двухэтажный особняк — массивный, угловатый, с тяжёлыми линиями фасада, словно вырубленный из камня волей своего властного хозяина. Он доминировал над окрестностями, бросая длинные тени на вымощенные дорожки и густые кроны деревьев.

Вокруг главного здания теснились постройки, каждая из которых несла свою функцию в этой замкнутой вселенной власти и силы. Неподалёку притулился скромный, но надёжно укрепленный домик для охраны — с узкими окнами-бойницами и тяжёлой дверью, всегда запертой изнутри. Чуть поодаль стоял гостевой дом — более уютный на вид, но не лишённый той же суровой основательности, что и всё вокруг. Банный комплекс, притаившийся в глубине участка, манил паром и запахом горячего дерева, но сейчас казался безжизненным и холодным. Рядом высился гараж, рассчитанный на пять машин, — внушительное строение с толстыми стенами и автоматическими воротами, способными выдержать не один удар судьбы.

Парк за комплексом казался отрешённым от суровой реальности за оградой. Старые деревья с изборозждённой корой сплетались в плотный полог, сквозь который пробивались редкие лучи. Извилистые дорожки петляли между стволами, выводя на солнечные полянки; кое-где темнели заброшенные скамьи. В глубине прятался заросший пруд — его неподвижная вода, затянутаая ряской, словно хранила молчание этого места. Воздух был густ от запаха прелой листвы, а тишина — настолько плотной, что любой посторонний звук казался тревожным. Парк будто замер, бережно храня отголоски трагедии.

Фургон тёмно-синего цвета плавно остановился у ворот гостиничного комплекса «Нирвана». Название комплекса чётко виднелось на табличке рядом с главным входом — она будто официально подтверждала: вот он, пункт назначения.

— Ну, что у нас на руках? — обратился Умник, повернувшись к Кеше. В тесном пространстве фургона повисла напряжённая тишина. Остальные члены группы сидели неподвижно, и взгляды их, словно привязанные невидимой нитью, метались между Умником и Кешей — каждый будто ждал, что именно сейчас прозвучит ключ к разгадке.

Кеша, чуть помедлив, достал из папки стопку копий материалов уголовного дела. Бумага шелестела, выдавая его внутреннее напряжение. Среди листов были планы-схемы, фотографии, протоколы — всё, что успела зафиксировать оперативная группа, первой прибывшая на место преступления. Он разложил несколько листов на откидном столике, разгладил уголки, будто от аккуратности этих движений зависела ясность картины.

— На момент осмотра на территории не было никого, кроме жертв, — начал Кеша ровным, почти бесстрастным тоном, каким оперативники привыкли докладывать сухие факты. Он склонился над схемой, его палец твёрдо ткнул в одну из отметок. — Возле поста охраны обнаружено туловище первой жертвы. А вот здесь и здесь, — он провёл линию, соединяя две точки на плане, — в трёх метрах от туловища, на равном удалении друг от друга, найдены голова и правая рука. В руке — пистолет-пулемёт.

Он на мгновение замер, словно сам пытаясь осмыслить жуткую геометрию этой находки, а затем медленно поднял глаза на коллег, теснившихся в фургоне. В их взглядах читалось не только напряжение, но и молчаливый вопрос: что всё это значит? Кеша выдержал паузу, собираясь с мыслями, и, чуть понизив голос, продолжил:

— Пять тел нашли прямо у входа, — Кеша провёл пальцем по схеме, останавливаясь на пяти жирных крестиках, будто впечатанных в бумагу. Его голос звучал размеренно, но в нём проскальзывала тяжесть от необходимости озвучивать эти цифры.

— Ещё двое — на втором этаже, возле лестницы. И ещё четверо, включая хозяина дома: один — на балконе, двое — возле гаража.

Он на секунду запнулся, словно заново видя перед глазами ту картину, и продолжил:

— Оружие и стреляные гильзы разбросаны по всей территории — и в доме, и у гаража. Пулевые отверстия повсюду: на стенах, дверях, даже на оконных рамах. Их так много, что кажется, будто здесь шла не перестрелка, а настоящая бойня.

Кеша обвёл взглядом коллег, будто проверяя, все ли успели осознать масштаб случившегося, и, резко выдохнув, захлопнул папку с материалами. Звук получился неожиданно громким в тесном пространстве.

— Ни детей, ни женщин ни в доме, ни на территории комплекса не обнаружили, — добавил он уже тише, почти как послесловие, от которого становилось только мрачнее.

— А чего им тут делать, — вставил Борода, небрежно пожав плечами. В его голосе не было ни удивления, ни сочувствия — только привычная циничная усталость. — Это же блат-хата. Сюда не отдыхать с семьёй приезжали... Тут свои дела решали.

— Верно подмечено, — подытожил Умник и, обведя взглядом товарищей, продолжил: — А теперь давайте разберёмся с ДНК-сканером, который столь любезно предоставил нам господин Эйнштейн. — Он слегка склонил голову в сторону изобретателя, выражая признательность. — Прошу, расскажите в двух словах, как работает этот прибор. — Умник повертел в пальцах компактное устройство: оно и правда напоминало ручной фонарь, разве что головка у него была не круглая, а прямоугольная.

— О, друзья мои, это настоящее изобретение будущего! — с воодушевлением начал Эйнштейн, но тут же спохватился, заметив серьёзное выражение лица Умника. — Простите, увлёкся. Итак, принцип предельно прост. Включаете прибор вот этой кнопкой — и видите небольшое фиолетовое свечение. — Он нажал на кнопку на корпусе, и из прямоугольной головки вырвался ровный фиолетовый свет, легший на стол чёткой прямоугольной полосой. — Если в зоне сканирования есть биологический след, из углов световой головки тут же появятся тонкие красные лазерные лучи. Они очертят участок, где обнаружен материал. Ваша задача — аккуратно собрать этот след и передать мне для сличения. В самом сканере, — Эйнштейн приподнял устройство, словно демонстрируя его всем присутствующим, — уже заложена программа с искомым ДНК-профилем.

— Думаю, в детальном сличении уже нет нужды, — спокойно произнёс Умник. — Если сканер зафиксирует след, это само по себе станет подтверждением: наш неизвестный здесь уже побывал. А значит, мы идём по верному следу и ищем одного и того же человека.

Четверо выбрались из фургона. Умник поручил Кеше продолжить работу над прежним заданием — выявить любые связи между жертвами и той самой неизвестной женщиной, — а сам двинулся дальше вместе с остальными.

Они разделились на пары. Умник и Крёстная, прихватив ДНК-сканер, бесшумно вскрыли отмычкой дверь возле главных ворот и скользнули внутрь дома. Борода и Эйнштейн тем временем, проскользнув тем же путем, направились к гаражу, закрыв за собой открытую Умником дверь.

Дом-особняк был внушительным — не то, чтобы гигантским, но таким основательным, что невольно вспоминался Исаакиевский собор. Только вместо креста на башне темнел лаконичный шпиль, будто специально лишённый всякой пышности.

Стены из тёмно-серого камня выглядели надёжно, без лишней вычурности, а высокие узкие окна придавали фасаду сдержанную строгость. Парадный вход обрамляли не громоздкие колонны, а аккуратные пилястры — они добавляли торжественности, но не перегружали вид.

Крёстная чуть прищурилась, разглядывая здание:

— Словно кто-то хотел намекнуть на величие, но решил не перебарщивать.

Умник покосился на тяжёлые двери и тихо заметил:

— Надеюсь, внутри всё будет попроще. Меньше пафоса — меньше ловушек.

— Начнём, — тихо произнесла Крёстная и активировала сканер. Прямоугольный фиолетовый луч лёг на стены и дверь, выхватывая из тени шероховатую краску и тёмные стыки.

Сканер молчал: световой прямоугольник скользил по поверхностям ровно, ни подавая какого-либо сигнала. Никаких следов, никаких подсказок.

Умник тем временем справился с замком и осторожно приоткрыл дверь. На миг замер, прислушиваясь. Внутри стояла густая, почти осязаемая тишина. Плотные шторы на окнах не пропускали свет, и от этого в прихожей казалось особенно сумрачно — будто дом нарочно прятал свои секреты.

Переступив порог, они невольно замерли — слово «огромный» тут же показалось до смешного неточным. Пространство давило масштабом: потолки уходили куда-то в полумрак, а сам вестибюль будто нарочно подчёркивал, насколько человек здесь — лишь случайная деталь.

Интерьер по-прежнему притворялся старинным барочным особняком, но теперь эта показная роскошь выглядела особенно нелепо на фоне следов недавнего хаоса. Тяжёлая лепнина вилась по стенам и сводам слишком густо, позолота сверкала чересчур ярко, а тяжёлые карнизы нависали над проёмами с какой-то неуместной пышностью — словно кто-то пытался спрятать грязь за блеском.

Но блеск не мог скрыть того, что случилось в доме. На потёртом паркете темнели бурые следы — размазанные полосы и отдельные капли, будто кто-то спешил и не замечал, что оставляет за собой дорожку. В нескольких местах поверхность пола была повреждена: сколы, выбоины, будто по полу волочили что-то тяжёлое или били прикладом.

Стены тоже хранили следы схватки: в штукатурке чернели пулевые отверстия, кое-где вокруг них расходились тонкие трещины, похожие на паутину. Кое-где лепные розетки были отбиты, обнажая грубую кирпичную кладку.

Крёстная тихо хмыкнула, скользнув взглядом по витым узорам и дальше — по израненным стенам:

— Прямо как в том анекдоте про «нового русского» в Эрмитаже... «Скромненько, но чистенько». Только тут «чистенько» явно не про этот дом.

Умник едва заметно приподнял бровь и двинулся вперёд, к высокой широкой лестнице, которая величественно уходила на второй этаж, — будто приглашала подняться и увидеть ещё больше этой искалеченной роскоши.

Крёстная вошла следом и плотно прикрыла за собой входную дверь, отрезав уличный шум. Достав сканер, она сначала осветила пол, затем повела лучом по резным перилам лестницы.

— Ого, какой масштаб... — пробормотала она, поднимая сканер выше, к потолку.

Высота потолков достигала четырёх метров, и луч прибора, не рассчитанный на такие дистанции, смог лишь слегка подсветить пространство над их головами, а дальше беспомощно растворился в темноте, так и не дотянувшись до сводов. Крёстная на секунду замерла, глядя, как тонкий фиолетовый прямоугольник замирает, где-то в воздухе, не в силах покорить эту высоту.

Двигаясь бесшумно по огромному залу второго этажа, выбрав направление в кабинет хозяина дома

Крестная водила, лучом по всему своему маршруту, сканер по-прежнему молчал

Умник так резко остановился, что даже пыль, поднятая его шагами, будто повисла в воздухе, не успев осесть. Он едва коснулся рукава Крестной — лёгкое, почти трепетное прикосновение, но Крестная тут же замерла, словно её сковала внезапная ледяная волна. Её глаза расширились, в них мелькнул отголосок тревоги, но она не издала ни звука, доверившись чутью своего спутника.

Умник, не отрывая взгляда от тёмного проёма впереди, медленно поднёс палец к губам. Этот молчаливый сигнал был предельно ясен: сейчас любая неосторожность могла стоить им слишком дорого. В тишине, которая вдруг стала почти осязаемой, даже собственное дыхание казалось оглушительно громким.

Затем Умник едва заметно кивнул в сторону исполинских дверей — двухстворчатых, вытесанных из тёмного, тяжёлого дерева, каждая створка достигала трёх метров в высоту. Они выглядели как вход в иной мир — мрачный и неприветливый. Одна из створок была приоткрыта буквально на несколько сантиметров, и в этой узкой щели то и дело мелькала неясная тень — быстрая, рваная, будто кто-то нервно перемещался в полумраке за дверью.

Это движение говорило само за себя: Умник и Крестная были в доме не первыми незваными гостями. Осознание этого повисло между ними тяжёлым, невысказанным грузом. Умник чуть нахмурился, его пальцы невольно сжались в кулак, а Крестная едва заметно подалась ближе к нему — не столько ища защиты, сколько стремясь разделить с ним эту напряжённую, звенящую тишину. Теперь им предстояло двигаться ещё осторожнее: ведь неизвестно, кто ещё скрывался в глубине дома — и с какими намерениями.

Тем временем в приоткрытом проёме внезапно вспыхнул фиолетовый свет — резкий, но не ослепляющий, а скорее призрачный, будто отголосок чего-то потустороннего. Он был точь-в-точь таким же, каким мягко пульсировал сканер в руках Крестной, и от этого совпадения по спине невольно пробежал холодок: словно неведомая сила зеркально отражала их собственные попытки проникнуть в тайны дома.

Умник, не сводя напряжённого взгляда с мерцающего проёма, быстро и чётко обозначил жестами свой план: Крестной следовало бесшумно отступить в тень, укрыться у стены рядом с входной дверью, а ему — проскользнуть вдоль коридора и направиться напрямик к дверям кабинета. В его движениях читалась уверенность, но вместе с тем и острая необходимость действовать без промедления.

Крестная не стала спорить вслух — в этой звенящей тишине любой шёпот мог стать роковым. Но её взгляд говорил громче слов: в нём смешались тревога и явное несогласие с затеей. Она едва заметно покачала головой, чуть приподняла руку, словно хотела удержать Умника, но тут же опустила её, понимая, что сейчас не время для возражений. Её пальцы крепче сжали корпус сканера, будто он мог послужить хоть какой-то опорой в этой зыбкой, полной угроз реальности.

В этот миг из-за двери донёсся тихий голос — негромкий, но отчётливо слышный в наступившей тишине:

— Интересненько, что там? — произнёс он с мягкой, почти игривой интонацией, в которой, однако, сквозила явная ехидца. — Давай я тебя открою, и посмотрим...

Фраза повисла в воздухе, словно тонкая, но прочная паутина, опутывая пространство вокруг. Умник и Крестная замерли, обменявшись короткими, полными напряжения взглядами: теперь было ясно — их присутствие замечено, а игра в прятки подошла к концу.

Дверь кабинета начала беззвучно отворяться — так плавно, будто её двигала сама тьма, и от этой неестественной тишины по коже побежали мурашки. Не дожидаясь, пока створка распахнётся шире, Умник рванулся вперёд — молниеносное движение, слившееся в единый порыв: шаг, рывок, прыжок. Он оказался у двери прежде, чем кто-либо успел осознать его манёвр.

В тот миг, когда проём приоткрылся достаточно, чтобы в нём мелькнула фигура, Умник не колебался ни секунды. Его кулак врезался в челюсть противника с глухим, сокрушительным звуком — удар был выверен до миллиметра и вложен в него весь вес стремительного броска. Сила удара оказалась такой, что тело подбросило, словно тряпичную куклу: оно оторвалось от пола, на долю мгновения застыло в воздухе и рухнуло назад, проскользив по полу ещё несколько шагов.

Из разжавшихся пальцев вылетел прибор — он прочертил дугу в полумраке и со звонким лязгом ударился о стену.

Умник застыл на пороге, будто врос в пол, и на мгновение весь мир сжался до этой узкой границы между коридором и кабинетом. Он бросил короткий, острый взгляд на Крестную — в нём читалось и предупреждение, и молчаливая просьба довериться ему. Резким, но сдержанным жестом он велел ей оставаться на месте: ладонь, выставленная вперёд, была тверда, как стальная преграда.

Не дожидаясь её реакции, он шагнул вперёд — не просто вошёл, а словно ворвался в полумрак комнаты, сливаясь с тенями.

Крестная замерла, прислушиваясь к звукам доносившимся из кабинета

— Интересно... — протянул Умник, и в его голосе причудливо переплелись удивление, лёгкая ирония и едва уловимое облегчение. — Крыса, неужели это ты?

Тело на полу едва заметно шевельнулось — будто жизнь возвращалась к нему неохотно, по крупицам. С усилием, словно преодолевая тяжесть самого воздуха, человек медленно повернул голову. Веки дрогнули и наконец распахнулись; он несколько раз неторопливо моргнул, будто пытаясь прогнать липкую пелену перед глазами. А потом застыл, вперив неподвижный взгляд прямо в Умника — в нём читались и растерянность, и робкая попытка осознать, где он и что происходит.

— Ну, здравствуй, Платон Вениаминович, — в голосе Умника прозвучала почти домашняя непринуждённость, будто он приветствовал старого приятеля, а не человека, распластанного на полу.

Тот снова моргнул — и с этим движением к нему будто окончательно вернулась ясность сознания.

— Начальник... ты, что ли? — выдохнул он, в его тоне смешались недоверие и едва уловимое облегчение.

Платон Вениаминович Крысевич — он же Крыса, прозвище, которое терпеть не мог, но давно смирился с его неизбежностью, — и Умник были знакомы уже лет шесть. Их связывала не дружба, а изломанная линия пересечения интересов: для Умника Крыса был одним из тех скользких брокеров тёмного рынка, кто виртуозно сводил сомнительные сделки; для Крысы же Умник был не просто человеком, а майором милиции Андреем Павловичем Хитровым — старшим оперуполномоченным по особо важным делам ГУЭП ОБЭП МВД РФ, тем самым, от чьей внимательности не ускользала ни одна деталь и кто умел вывернуть любую схему наизнанку.

— Ну-ка выкладывай, Крыса, что тут затеял? Или решил себе статью подобрать по вкусу? — в словах Умника звучала нарочитая небрежность, но за ней пряталось жёсткое, расчётливое давление.

— Да брось, начальник... Сколько раз просил — не зови меня так, — протянул Крыса, и голос его сделался жалобным, почти детским, будто он надеялся этой интонацией сгладить неловкость.

— Ладно, ладно, Платоша, не кипятись, — чуть смягчился Умник. — Давай по порядку: рассказывай, что за дела привели.

— Да какие там дела... — буркнул Крыса, отводя взгляд. — К приятелю зашёл, а его, выходит, дома нет. Вот и вся история.

— Крыса, ты серьёзно? — Умник нарочно повысил голос, чеканя слова так, чтобы они долетели до Крестной. Он хотел, чтобы она поняла: ситуация под контролем, перед ним не опасный незнакомец, а старый знакомый, чьи повадки он выучил наизусть и знает, как с ним управляться.

— Да ладно, шучу, Андрей Павлович, — поспешно поправился Крыса, будто стряхивая с себя прежнюю браваду. — Просто слух прошёл, что тут кое-что интересное есть — антиквариат на продажу. Я и подумал: надо бы присмотреть. А тут — на тебе: владелец возьми, да и скончайся, причём аккуратно за день до моего прилёта. Ну, я и сорвался сюда — думал, может, родственники остались, с ними можно будет вопросы уладить. Приехал, гляжу — а тут... — Крыса коротко кивнул в сторону Умника, словно указывая на невидимую толпу. — Ваших коллег — не протолкнуться. А с моей-то репутацией... Ну, думаю, пусть сперва всё уляжется, потом подъеду, с кем надо переговорю.

Умник наклонился к упавшему фонарю Крысы, подхватил его, слегка встряхнул — внутри что-то сухо зашуршало, словно пересыпались мелкие крупички. Нажал на кнопку — без толку, фонарь не подавал признаков жизни. Тогда он принялся постукивать им о ладонь, будто всерьёз пытался вернуть прибор к жизни, а сам тем временем краем глаза следил за Крысой.

Тот при каждом глухом ударе вздрагивал и съёживался, будто вместе с каждым стуком терял частичку надежды, и уже мысленно прощался с любимой вещью.

— Ну что, Платон Вениаминович, поговорили? — будто между делом бросил Умник, вернулся к столу и попытался поставить фонарь на поверхность, но «случайно» выпустил из рук — и тот, ударившись об пол, окончательно рассыпался на части.

— Да какие там родственники... Им вообще не до меня было. Ваши коллеги их несколько дней подряд допрашивали — еле на ноги встали после всего этого. А потом ещё похороны, поминки... Вся эта круговерть. — Крыса запнулся, бросил на Умника быстрый взгляд — в нём мешались сомнение и робкая надежда: а вдруг поверят, если сказать хоть часть правды? — Вот я и подумал... грех, конечно, на душу взять — но самому бы глянуть на товар, своими глазами. — И он слегка склонил голову, будто нарочно выставлял себя беззащитным: повинную голову и топор не сечёт.

— То есть ты, пока родственники с ног валились от горя и беготни, решил этим моментом воспользоваться? — Умник не повышал голоса, но каждое слово ложилось, как тяжёлый камень. — Сознательно грех на душу взял — и пошёл на преступление. Это не про «поглядеть одним глазком», Платон Вениаминович. Это незаконное проникновение на частную территорию — статья 139 УК РФ. Ты не просто «грех взял», ты уголовную статью себе заработал. И теперь не перед батюшкой каяться будешь, а перед следователем. Ты это вообще осознаёшь?

— Да, начальник, виноват... — Крыса вскинул руки, будто пытаясь заслониться от неизбежного, а в голосе его дрожала смесь раскаяния и страха. — Не подумал, сгоряча...

Умник смотрел на Крысу, он был чуть ниже среднего роста, жилисто-худой, с небольшим округлым животиком — будто копил запас прочности для теневых сделок. Пружинистая сутулость выдавала готовность в любой миг рвануться вперёд или юркнуть в тень: плечи тянулись вперёд, спина слегка горбилась, а угловатые жесты то нависали над собеседником, то отшатывались, проверяя пространство для манёвра.

Длинный нос крючком будто вынюхивал выгоду, большие глаза слегка навывкате цепко сканировали всё вокруг, оттопыренные вверху уши ловили каждый шёпот, а старательный зачёс редких волос поверх залысин лишь подчёркивал нелепость образа. Узкая неискренняя улыбка напоминала оскал: он всегда держал дверь приоткрытой, чтобы успеть выскользнуть, если запахнет жареным. Скользкий узел противоречий — дёргаешь за нитку, а он тут же перекручивается, оставляя других разбираться с последствиями.

У входной двери внизу зазвучали голоса, и среди них сразу выделялся густой, властный бас Бороды — он явно кого-то отчитывал.

— Так, молодой человек, вы проникли на частную территорию, заявляя, что вы журналист... — голос Бороды на миг запнулся, а потом потянулся, словно он с трудом подбирал слова, чтобы уложить в голове эту нелепицу. — «За гранью новостей»? Это ещё что такое?

Умник скользнул взглядом по Крысе — тот сидел на полу, притихший, будто старался сделаться незаметнее, и едва ли дышал.

— Товарищ капитан, прошу пройти в кабинет на втором этаже, — голос Умника звучал спокойно, но в нём отчётливо слышалась стальная твёрдость. — Представляешь, шёл один, никого не ждал — и вдруг нос к носу со старым знакомым столкнулся.

Голос Бороды, где-то внизу продолжал давить интонацией:

— Сейчас с моим начальником побеседуешь, а там уж разберёмся, в какой такой газете ты трудишься...

— В журнале! — тут же отозвался молодой человек, и в его голосе отчётливо прозвучало возмущение — будто само слово «газета» было для него почти оскорблением.

Спустя минуту в дверном проёме возник Борода — крепко держал за ворот молодого парня лет двадцати пяти. Тот был в потрёпанной кожаной куртке, на лице — лёгкая щетина.

— Говорит, репортёром себя называет, — Борода дёрнул парня за воротник, будто подчёркивая нелепость этой претензии.

— Товарищ капитан, позвольте представить... настоящую легенду теневых хроник, — Умник широким жестом указал на Крысу. Тот, услышав слово «легенда», гордо приподнял голову — на миг в нём проступила какая-то нелепая важность, — а потом, спохватившись, смущённо улыбнулся, будто сам не верил в такую характеристику.

— Товарищ майор... — тихо, почти шёпотом, обратился Крыса к Умнику, опасливо оглядываясь по сторонам.

— Ну, Андрей Павлович, может, с глазу на глаз потолкуем? — он сложил руки в умоляющем жесте, будто выпрашивал не разговор, а милость, и в этом движении сквозила вся его привычная изворотливость — одновременно и просьба, и попытка сыграть на доверии.

— Хорошо, Платон Вениаминович, давай потолкуем, — спокойно отозвался Умник. Он коротко глянул на Крысу, скользнул взглядом по разбитому фонарю, будто отмечая ещё одну деталь в этой нелепой картине, а потом чуть наклонил голову в сторону Бороды и репортёра.

— Давай-ка отойдём, чтобы не мешали, — предложил он, лёгким движением указывая в сторону укромного угла, где можно было поговорить без лишних ушей.

Крыса зачастил, затараторил, будто слова сами рвались наружу:

— Андрей Павлович, Христом Богом молю — отпусти! Ты же видишь, ну не губи из-за одного проступка всю жизнь! Я ж не пропащий... А если что понадобится — отблагодарю. Денег не сую, вижу: ты человек честный, не из тех, кто на звон монет ведётся. Может, услуга какая сгодится? Я всё, что угодно, сделаю!

Умник молча наблюдал, как Крыса рассыпается в оправданиях, будто выворачивает душу наизнанку. Сам же прикидывал: Крыса — тёртый калач, не тот человек, чтобы выкладывать всё начистоту. Ясно, что сунулся он сюда не просто так, но сейчас ни за что не признается, зачем пришёл. Да и незачем ему знать про наши интересы — пусть и дальше думает, что попался

на мелкой оплошности. Умник чуть прищурился, взвешивая каждое слово и интонацию, и спокойно ждал, не спеша перебивать эту торопливую болтовню.

— Ладно, — наконец произнёс Умник, будто сдаваясь не столько Крысе, сколько собственной усталости. — Знаем друг друга не первый день, да и нет у меня желания тут с тобой возиться. — Он сделал паузу, и Крыса замер, словно боясь спугнуть это внезапное снисхождение. — Отпущу тебя сейчас, но помни: долг платежом красен. Когда пересечёмся — я своё заберу.

— Как скажешь, Андрей Павлович, как скажешь! — Крыса торопливо закивал, чуть ли не кланяясь до пояса. — Всё верну, слово даю... ну, то есть, сделаю всё, что нужно!

Он уже развернулся, собираясь улизнуть, и машинально потянулся было к разбитому фонарю — хотел прихватить свою вещь. Но резкий окрик Умника пригвоздил его на месте:

— Не трогай ничего!

— Да я это... — Крыса беспомощно ткнул пальцем в сторону фонаря. — Оно же моё...

— Место происшествия, — сухо отрезал Умник. — Иди, пока я добрый.

Крыса ещё пару раз обернулся, с тоской глядя на разбитый фонарь, будто прощался с чем-то важным. Потом, стараясь не встречаться взглядом с Бородой и репортёром, юркнул мимо них и быстро исчез в коридоре, словно растворился в полумраке особняка.

Умник развернулся к паре, застывшей в дверном проёме.

— Товарищ капитан, усадите товарища репортёра, — отчеканил он.

Борода разжал хватку, и репортёр, будто сбросив невидимый груз, тут же опустился на ближайший стул.

Умник шагнул вплотную к парню и твёрдо спросил:

— Документы предъявите, товарищ репортёр.

— Конечно, — тот торопливо сунул руку во внутренний карман куртки и выудил красную корочку удостоверения.

Умник взял документ, неторопливо раскрыл и пробежал взглядом по строчкам.

— Удостоверение издательства «За гранью новостей!», выдано Денису Ивановичу Мосину. Печать, фото — всё на месте, — он вернул корочку владельцу.

Затем чуть склонил голову, пристально глядя на репортёра:

— Расскажите, что вы тут делаете? Все ваши коллеги уже побывали здесь, всё, что можно было снять, сняли. Криминальные хроники давно всё разнесли по страницам.

Денис выпрямился, будто стремясь подчеркнуть свою значимость, и с едва уловимой ноткой гордости ответил:

— А я не из криминальных хроник. Наше издание совсем другого толка, — в его голосе прозвучало лёгкое пренебрежение, словно он и мысли не допускал, чтобы его сравнивали с бульварными газетёнками.

— Опа, — хмыкнул Борода, подавшись вперёд. — Интересно, какого же это толка?

— Мы ищем истину, — горячо выпалил Денис и порывисто приподнялся, будто хотел этим жестом доказать серьёзность своих слов. Но лёгкое, почти небрежное похлопывание Бороды по плечу тут же осадил его — он снова опустился на стул, будто из него выпустили воздух.

— Ну-ка, поведайте нам поподробнее, — Умник подхватил стул, поставил его сбоку от репортёра — так, чтобы видеть лицо парня в профиль, и уселся, скрестив руки на груди. Взгляд у него был спокойный, цепкий — словно он собирался не просто слушать, а считывать каждую тень эмоции, мелькнувшую в глазах Дениса.

Денис нервно сглотнул, будто только сейчас осознал, насколько плотно его окружили обстоятельства. Он хотел было снова выпрямиться, придать себе уверенности, но тяжёлый взгляд Умника будто пригвоздил его к месту.

— Ну... мы не гонимся за сенсациями, — начал он, подбирая слова так, словно каждое стоило ему усилий. — Наше издание... оно про другое. Про то, что прячется за фасадом. Про то, о чём все молчат.

Борода хмыкнул, скрестив могучие руки на груди:

— За фасадом, значит... И что же вы тут за фасадом вынюхивать собрались?

Денис на секунду запнулся, будто споткнулся о собственный пафос, а потом выдохнул:

— Тут... странные дела творятся. В городе шепчутся. Мы хотели разобраться.

Умник едва заметно кивнул, будто наконец услышал, что-то похожее на правду, и тихо, почти про себя, добавил:

— Разбираться — это хорошо. Главное, чтобы не вляпались туда, где разбираться уже поздно.

— Так что там в городе творится? О чём народ шепчется? — Борода подался вперёд, нависая над Денисом, но в голосе его сквозило не столько давление, сколько искреннее любопытство.

— Говорят, монстр какой-то завелся, — Денис чуть опустил плечи, понемногу сбрасывая напряжение. Он заметил, что собеседники не отмахиваются, а слушают всерьёз, и это придало ему смелости. — И самое странное... он мочит только братков. Ни обычных людей, ни кого ещё — только их.

Борода переглянулся с Умником, будто проверяя, слышит ли тот эту нелепицу, а потом снова устался на репортёра:

— Монстр, значит... И откуда такие слухи?

Денис пожал плечами, уже не так скованно:

— Да везде. В кабаках шепчутся, на рынках. Сначала думали — байки, но, когда такого «авторитета» убрали... Тут уж не до смеха стало.

— Ну, а что сам раскопал? — Умник подался вперёд, почти нависая над репортёром, но в голосе его не было угрозы — скорее нетерпение человека, которому нужны факты.

— Профессиональные секреты не раскрываю, — Денис попытался держаться твёрдо, но вышло немного натянуто.

— Да брось, приятель, — Борода снова хлопнул его по плечу, на этот раз чуть крепче, будто подталкивая к откровенности. — Лучше сам расскажи, чем мы из тебя клещами тянуть будем.

Денис вздохнул, будто смиряясь, и заговорил быстрее, словно боялся, что его перебьют:

— Мы с братцем, как только первый случай грянул, сразу сюда примчались. Всё осматривали, потихоньку расспрашивали людей... И вот что выяснили: в первом эпизоде погиб сын начальника ГАИ. На первый взгляд — обычная криминальная история: парень из влиятельной семьи, отец наверняка прикрывал, всякое бывает. Но способ... тут всё интереснее. Мы копнули глубже: оказалось, за несколько месяцев до гибели этот парень насмерть сбил девушку. Потом было проведено ускоренное расследование ДТП и каким-то чудом признали виновной саму погибшую. Вот это уже не вяжется ни с какой логикой.

Он замолчал на секунду, всматриваясь в лица собеседников, будто пытаясь угадать, разделяют ли они его подозрения.

— Неплохо вы с братом поработали, — Борода с уважением поднял большой палец, сжав кулак. — Моё почтение, серьёзно. А к какой версии в итоге пришли?

— Да тут и думать нечего, — Денис даже слегка выпрямился, воодушевившись. — Всё ясно: родственники той девушки провели обряд и призвали духа демона мщения. Он теперь и сводит счёты.

Умник едва заметно скривил губы, сдерживая улыбку, и спокойно протянул:

— Версия... колоритная. Запоминающаяся. Но мы пока будем двигаться по своим наработкам.

Он коротко глянул на Бороду и кивнул в сторону двери:

— Товарищ капитан, проводите товарища репортёра за пределы места происшествия.

— Вы мне не верите, — в голосе Дениса прозвучала обида, смешанная с упрямой уверенностью. — Но я докажу! Вот увидите, всё именно так и есть!

Договорить он не успел: крепкая рука Бороды привычно легла на ворот его куртки и мягко, но непреклонно направила к выходу.

Как только Борода спустился вместе с молодым репортером с первого этажа, в кабинет вошла Крестная

— Умник, сил уже нет просто так там торчать, — Крёстная тяжело опустилась на край стула, будто ноги едва держали её. — Ну, говори, что дальше? Какие у нас планы?

— Версия репортёра, конечно, с перчинкой, но всерьёз её не возмёшь, — Умник поднялся, прошёлся по комнате, а потом наклонился и поднял разбитый фонарь, который оставил Крыса. Повертел его в руках, разглядывая под разными углами. — Зато зацепка с погибшей девушкой — вполне рабочая. Надо пробить её связи, выяснить, кто был рядом, кто мог что-то знать.

Он постучал пальцами по корпусу фонаря, будто прикидывая что-то в уме.

— И вот эта штука... любопытная. Очень уж похожа на наш сканер. Слишком много совпадений, чтобы считать это случайностью, надо показать Кеше с Эйнштейном, думаю тут есть над чем поработать.

Умник медленно обвёл взглядом кабинет, будто стараясь зафиксировать каждую деталь этого хаотичного, почти театрального беспорядка. Кругом валялась опрокинутая и исковерканная мебель: покосившийся шкаф с распахнутыми дверцами, стул с переломанной спинкой, стол, сдвинутый набок так, что с него ещё недавно, видимо, что-то с грохотом рухнуло. На стенах висели старинные картины в потемневших от времени рамах — их благородная пatina теперь была испорчена бурными пятнами засохшей крови и россыпью пулевых отверстий, превративших полотна в немые свидетельства недавней схватки. Тяжёлые, густо зашторенные окна напрочь отрезали комнату от дневного света: сквозь плотную ткань не пробивалось ни единого луча, и оттого воздух казался ещё более густым и неподвижным. В нос бил тяжёлый, въедливый запах затхлости и сырости — будто само помещение давно перестало быть частью живого мира и превратилось в забытый чулан, где время течёт иначе. Вся эта картина производила гнетущее, почти давящее впечатление — хотелось поскорее вырваться наружу, туда, где есть воздух, свет и хоть какая-то надежда на порядок.

— Надо потихоньку сворачиваться, — негромко, но твёрдо произнёс Умник, словно отгоняя от себя липкое ощущение этого места. — Тут теперь слишкомлюдно, не стоит лишний раз мозолить глаза. Зацепки у нас есть — пусть и добытые волей случая, но они есть. Будем их отрабатывать.

Крёстная молча кивнула, в последний раз скользнув взглядом по разгромленной комнате. В её глазах читалась усталость, смешанная с привычной собранностью — она не любила задерживаться там, где становилось опасно. Умник и Крёстная ещё раз неторопливо осмотрели кабинет, запоминая детали на случай, если придётся вернуться, а затем, не сговариваясь, двинулись к выходу.

Их шаги были беззвучными на каменном полу, местами покрытом сетью мелких трещин и тёмными пятнами, будто впитавшими в себя саму тяжесть этого места. Они покинули комнату, потом — само здание, а следом и весь комплекс.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

После полудня, ближе к вечеру. Фургон

Эйнштейн работал почти беззвучно — словно тихо колдовал, склонившись над пробирками с биоматериалом. Тот был извлечён из фонаря-сканера, который принадлежавший Крысе. По редкому, почти невероятному стечению обстоятельств Крысе удалось отыскать и собрать

крошечные капельки крови — настоящая удача, учитывая, насколько хрупким и скудным был этот материал. И вот что поразило больше всего: при первом анализе эти образцы удивительным образом совпали с ДНК, обнаруженной на складе. Теперь Эйнштейн проводил ещё один, контрольный анализ — чтобы убедиться, что это не ошибка, не случайность, а реальный, весомый след.

В фургоне царила напряжённая тишина. Все будто затаили дыхание, стараясь не спугнуть удачу, словно любое лишнее слово или резкий звук могли разрушить хрупкое ощущение прорыва.

Еще мгновение, и Эйнштейн, вскинув руки кверху, радостно произнес, - Ну все мои дорогие товарищи, стопроцентное совпадение!

В фургоне все разом выдохнули — будто сбросили тяжёлый груз напряжения.

— Отлично! — коротко бросил Умник и тут же повернулся к Кеше. — Что по жениху?

— Есть данные, — Кеша развернул экран ноутбука и пробежался взглядом по строчкам. — Илья Романович Николаенко, 1976 года рождения. Проходил свидетелем по делу о ДТП. Согласно протоколу допроса, он видел, как сбили Ладугу Юрьевну Белову, 1978 года рождения. Адрес... Все есть... У них, кстати, свадьба должна была быть через три дня — если бы не эта авария.

Кеша на секунду замолчал, будто сам ощутил горечь этой оборвавшейся истории, а потом продолжил уже деловым тоном:

— По протоколу осмотра, они были в нескольких метрах от пешеходного перехода. Вывод следствия — переходили дорогу в неполюженном месте...

— Какие варианты? — вмешался Борода, сверля взглядом экран ноутбука. — Если это тот самый монстр... Как будем брать?

— Крёстная, — Умник повернулся к ней, и в его взгляде мелькнуло что-то хитрое, будто он уже видел всю сцену до последней реплики. — Насколько сильно вы владеете театральным искусством?

Крёстная чуть приподняла бровь — вопрос застал её врасплох, но профессиональная выдержка не дала удивлению продержаться дольше мгновения.

— В зависимости от поставленной актёрской задачи, — ответила она сдержанно, но в голосе проскользнула искорка любопытства: ей уже хотелось понять, какую пьесу он собирается ставить.

— Ну вот и хорошо, — протянул Умник, и уголки его губ дрогнули в едва заметной улыбке. Он медленно обвёл взглядом своих коллег — каждый из них сейчас был не просто напарником, а потенциальным участником рискованного спектакля. — Ребятунки, — по-отечески, но с твёрдой интонацией обратился он к сидящим, — есть одна идея. И главную роль в ней будет играть наша Крёстная.

В фургоне повисла короткая пауза — не тишина растерянности, а напряжённое ожидание, когда все уже догадываются, что впереди не простая операция, а игра на грани фола. Кто-то едва слышно втянул воздух, кто-то переглянулся с соседом, будто пытаясь прочесть в чужих глазах, насколько безумным окажется план.

Вечер. Хрущевка на окраине.

Старый окраинный район Владивостока будто застыл между эпохами. Ряды хрущёвок с выцветшими фасадами и облупившимися рамами смотрят на мир устало, а во дворах время словно замедлило ход: покосившиеся лавочки, скрипучие качели, асфальт, растрескавшийся под натиском травы. В воздухе — запах сырости, моря и мокрого бетона.

На краю района, где асфальт сменяется грунтовой дорогой, стоят две почти достроенные пятиэтажки-близнецы — памятник несбывшимся планам. Оконные проёмы ждут стёкол, балконы — ограждений, но стройка замерла: дверные проёмы забиты досками, на стенах — слои старых граффити, на верхних этажах застыли куски опалубки и груды мусора.

Рядом замерла стройплощадка: башенный кран с безвольно опущенной стрелой, покосившийся забор, груды кирпичей, поросшие травой. Над районом нависает серое плотное небо, ветер гонит по дворам обрывки газет и пакеты. Вдали мерцают огни центра — будто из другого мира. А здесь время течёт тягуче, застряв между прошлым, которое не уходит, и будущим, что так и не наступило.

— Вон там, — Умник махнул в сторону двух недостроев, высившихся вдалеке, — там и устроим засаду...

Фраза повисла в воздухе — он не успел договорить: фургон резко остановился у подъезда одного из жилых домов.

— Приехали, Умник, — перебил его Кеша, ткнув пальцем в окно. — Следующий дом — там наш объект.

Умник выбрался из машины, чтобы пересесть за руль. Перевоплощение вышло убедительным: вата, заложенная за щёки, слегка исказила черты лица, придав ему одутловатость; наклеенная щетина и подушка, спрятанная под одеждой, создали эффект внушительного «пивного» живота. Мешковатая одежда, взятая на размер больше, довершала образ неряшливого, расслабленного мужика.

— Достань бутылку водки, — бросил Умник, оборачиваясь к Бороде.

Борода молча сунул руку в бардачок и выудил оттуда бутылку объёмом ноль семь.

Умник сорвал крышку, набрал немного водки в рот, прополоскал и сплюнул на асфальт. Потом окинул себя взглядом в боковом зеркале, перевёл глаза на коллег:

— Ну, как?

— Да ты просто красавец, — усмехнулась Крёстная, чуть приподняв бровь. — Настоящий мачо.

— Тогда все по местам! — коротко бросил Умник, чеканя слова.

Из фургона первым выпрыгнул Борода, следом за ним — Кеша и Эйнштейн. В руках у них были тяжёлые чёрные баулы: груз явно давил на плечи, заставляя людей чуть наклоняться вперёд. Последней появилась Крёстная — её было не узнать. Сходство с фотографией погибшей Лады стало почти абсолютным: с нескольких метров их точно можно было бы спутать. Светлые волосы — а точнее, искусно подобранный парик — были заплетены в косу; коса лёгкими волнами ниспадала на плечо, придавая образу обманчиво спокойную мягкость.

— Вы вдвоём, — Умник метнул взгляд на Кешу и Эйнштейна, — выдвигайтесь в точку по карте. Отсюда до недостроя примерно километр — займите позицию и будете ждать Бороду и Крёстную. Я подъеду позже — дальше будем действовать по обстановке.

Кеша и профессор без лишних слов развернулись и неторопливо зашагали прочь, размеренно переставляя ноги. Борода тем временем отошёл от фургона и принялся внимательно осматриваться, выискивая подходящее место для наблюдательного поста.

Умник уселся на место водителя и медленно проехал несколько метров и остановился у нужного подъезда

На пятом этаже, Умник позвонил в дверь.

За дверью сперва слышались неторопливые шаги, затем — чёткие щелчки отпираемого замка. Дверь приоткрылась, и на пороге возник молодой парень лет двадцати. Тёмные волосы были подстрижены аккуратно, даже чересчур ровно — будто любая неровность была для него невыносима. Чёткие черты лица казались застывшими, лишёнными живой мимики. Он был среднего телосложения — не атлетичный, но и не хрупкий; в его осанке чувствовалась напряжённая собранность, словно он каждую секунду был готов сорваться с места или, наоборот, вжаться в стену. На нём — простая футболка и джинсы, нарочито безликие, будто он специально старался не выделяться. В этой обыденности сквозила почти болезненная тяга к незаметности: парень выглядел как сотни других прохожих, растворяющихся в городской

толпе, — но в его взгляде мелькало что-то неуловимое: будто он видел вокруг себя совсем не то, что видели остальные.

— Ты... — Умник нехотя заглянул в заранее приготовленный блокнот, будто ему было физически противно даже прикасаться к этой бумажке. Он прищурился, нарочно изображая ленивого милиционера — того самого, которого в наказание заставили отрабатывать чьи-то чужие долги. Вид у него был такой, словно он даже не потрудился запомнить, к кому и зачем пришёл, да и вообще считал это ниже своего достоинства.

— Илья Николаенко? — протянул он с таким пренебрежением, будто само имя звучало для него как оскорбление.

— Да, — слегка заикаясь, произнёс парень, невольно сжимая пальцы в кулаки от нарастающего раздражения. — А вы кто?

— А, я кто?! — рявкнул Умник, и его ухмылка стала до омерзения самодовольной. Он громко, демонстративно рыгнул — так, будто нарочно хотел показать, насколько ему плевать на приличия и на самого хозяина квартиры. Парень брезгливо отшатнулся, отвернулся, едва сдерживая приступ тошноты, и на мгновение прикрыл нос рукой, словно это могло спасти от исходящей от незваного гостя волны грубости и хамства.

— Я сотрудник главка, ёбть! — рявкнул Умник, будто это само по себе оправдывало любое бесчинство. Он сделал резкий шаг вперёд, прямо на стоящего в проходе хозяина, нагло вторгаясь в его личное пространство. Илья еле успел отпрянуть, едва не врезавшись спиной в дверной косяк — от неожиданности у него даже дыхание перехватило.

— Чё, паря, ябедничать любишь? — процедил Умник с ядовитой усмешкой, оглядывая парня сверху вниз с таким видом, будто перед ним стоял не человек, а досадный пустяк, мешающий ему спокойно допить остывший чай и уйти домой. — Ну-ну...

Парень слегка стушевался — такая бесцеремонная наглость непрошеного гостя выбила его из колеи, но он не позволил себе растеряться окончательно. Собравшись с духом, Илья немного отвернулся, пытаясь сбросить с себя липкую паутину унижения, и твёрдо произнёс:

— Не ябедничать, а заставить вас работать как положено!

— Ты кто, ёбть, — рявкнул Умник, и тут же громко икнул, будто сам звук икнул вместе с ним, подчёркивая всю нелепость ситуации. — Мой начальник, что ли?

Его лицо постепенно теряло растерянность, черты становились жёстче, в глазах проступала упрямая решимость. Он выпрямился во весь рост, и в этом движении читалось не просто физическое выпрямление — казалось, хозяин квартиры вдруг осознал: здесь его территория, и он не обязан прогибаться под чужую грубость.

— Да ты, паря... — снова начал Умник и опять икнул, на этот раз так громко, что даже сам поморщился. Он постучал себя кулаком по груди, словно пытаясь загнать икание обратно, и буркнул: — Икота, ёбть, икота... Перейди на Федота!

Не дожидаясь ответа, он механически забормотал старую детскую поговорку, будто она могла спасти его от этого досадного недуга:

— С Федота — на Якова, с Якова — на всякого...

Умник резко выдохнул, будто надеялся, что вместе с воздухом уйдёт и икота, но тут же икнул снова — громко, неуклюже, почти вызывающе. Он замер, задержав дыхание, и на секунду в комнате повисла странная, натянутая тишина.

Илья уже приоткрыл рот, собираясь воспользоваться этой паузой, чтобы вставить хоть слово, но Умник вдруг резко мотнул головой и, вытянув вперёд указательный палец, строго покачал им из стороны в сторону:

— Мол, пока не надо! Сейчас я... сейчас...

Он снова задержал дыхание, уставившись куда-то поверх головы Ильи, будто от этого зависела его способность наконец-то избавиться от проклятой икоты.

— Ты, паря, зря всё затеял, — протянул Умник, прищурившись с той самой маслянистой ухмылкой, от которой у Ильи внутри всё противно сжималось. Он тайком наблюдал за реакцией парня, движимый холодной необходимостью, не сулившей ни малейшего удовольствия.

— Да ещё и было бы из-за чего, — продолжил он с ленивым пренебрежением, нарочно растягивая слова, чтобы подчеркнуть, насколько ничтожной он считает эту историю. Снова лениво, почти не глядя, полез в свой потрёпанный блокнот — так, словно сам процесс листания страниц доставлял ему какое-то извращённое удовольствие.

— И из-за девки... — Умник изобразил гримасу брезгливости, скривив губы так, будто само слово «девка» имело для него привкус тухлятины. Он фыркнул, будто отгоняя от себя неприятный запах, и покачал головой с деланным сочувствием, в котором не было ни капли искренности — только едкая насмешка.

— Найдешь себе другую, — бросил он небрежно, снова открывая блокнот и делая вид, будто ищет там какую-то важную информацию. На самом деле он просто тянул время, вынужденно произнося каждое слово, которое вбивалось в Илью, словно ржавые гвозди.

— А эту девку — Ладу Белову — забудешь, и хрен с ней. Что было, то пропало... — произнёс он с такой равнодушной окончательностью, будто перечёркивал не просто чью-то обиду, а целую маленькую жизнь.

Умник заметил, как лицо Ильи стало наливаться гневом: кожа на скулах натянулась, проступили желваки, а нижняя челюсть всё крепче сжималась, будто он изо всех сил сдерживался, чтобы не сорваться. В этом молчании чувствовалась такая напряжённая ярость, что даже воздух в комнате будто стал гуще, тяжелее. Но Умник лишь едва заметно усмехнулся — ему нравилась реакция Ильи, на его действия, значит он, идет по верному пути...

— Ты, паря, слышал, чё в городе творится? — Умник нарочно сделал паузу, будто и сам до сих пор не мог уложить в голове всё, что навалилось. — Все на ногах, как ошпаренные, ищут какого-то упыря, который людей валить начал. Прямо не город, а дурдом какой-то...

Он на секунду замер, а потом лицо его и правда исказилось — Умник делал всё, чтобы это выглядело искренне: он морщился, будто каждое слово царапало изнутри, задерживал дыхание, словно пытался удержать подступающую горечь.

— Таких уважаемых людей, сука, привалил... — протянул он, и голос его дрогнул — не нарочно, а будто само воспоминание о погибших сдавило горло. Он покачал головой, и в этом жесте было столько усталости, что вся его бравада будто растворилась без следа, уступив место настоящей, живой горечи.

Умник старался донести до парня всю тяжесть момента: он цеплялся за детали, повторял их, будто если проговорить всё вслух, станет хоть чуточку легче.

— Ещё на складах... Ты, наверное, знаешь? — он снова бросил взгляд на Илью, уже не с насмешкой, а будто ища хоть каплю понимания, какого-то отклика, который помог бы ему самому не утонуть в этой каше из новостей. — Сына начальника ГАИ убили... Эх, жалко. Такой мальчишка был, хороший...

Умник даже прикрыл на мгновение глаза, словно перед внутренним взором снова встало то самое утро, когда ему сообщили эту новость. На лице его застыло простое, человеческое горе — без пафоса, без театральных пауз. Оно сидело в складках у глаз, в тяжёлом выдохе, в том, как он невольно опустил плечи, будто на них легла ещё одна непосильная тяжесть. Он специально не прятал эту усталость — напротив, выставлял её напоказ, чтобы Илья увидел: ему не всё равно.

— Умный, порядочный... А ты тут со своими жалобами на уважаемых людей... Не стыдно? — спросил он с уже тяжёлым презрением — будто вся накопившаяся в нём скорбь искала хоть малейший повод вырваться наружу.

Илья смотрел на него, и в груди у него всё кипело, сжималось от этой простой, но оттого ещё более обидной правды, визит этого незнакомца из «главка», ясно давало понять, что Илья с

его бедой и поиском справедливости, никому не нужны. Кровь ударила в виски, перед глазами поплыли тёмные пятна, и он больше не мог сдерживаться.

— Вон! Пошёл вон отсюда! — рявкнул Илья, срываясь на крик, который, казалось, сотряс стены квартиры. Он кричал так громко, будто хотел заглушить не только голос Умника, но и весь этот хаос, всю эту несправедливость, которая вдруг обрушилась на него со всех сторон. — Вон, я сказал!

Умник замер, быстрый анализ ситуации. Промелькнула мысль, что результат достигнут. Он торопливо начал пятиться к выходу, выставляя перед собой ладони не как щит, а скорее как знак, — Я всё, хорошо, хорошо... — затараторил он уже без напора, голос вдруг стал тише, почти виноватым. — Припадочный ты, что ли? — доигрывал Умник, — Всё, ухожу, ухожу... Позже поговорим, когда успокоишься.

Он выскользнул за дверь, торопливо прикрыл её за собой и, уже не сдерживаясь, рванул вниз по лестничным маршам — перепрыгивая через ступеньки, спотыкаясь, но не останавливаясь. Выбежав на улицу, он жадно глотнул холодный воздух, и на душе у него появилось чёткое, почти осязаемое ощущение: скоро всё начнётся...

Пробежав несколько десятков метров, Умник почти запрыгнул на водительское место фургона.

На улице уже сгущались сумерки, окрашивая дворы в тускло-серые тона. Из-за угла бесшумно вынырнул Борода — он всё это время держал подъезд под наблюдением. Где-то в полумраке, сливаясь с тенями, затаилась Крёстная: её присутствие ощущалось незримо, но отчётливо.

Спустя миг из подъезда вышел Илья. Борода едва заметно кивнул — этого хватило, чтобы операция перешла в активную фазу.

Неподалёку от дома тянулся пешеходный переход — его отлично было видно любому, кто выходил из подъезда. Илья машинально скользнул по нему взглядом... и вдруг замер, будто на него обрушился ледяной поток воспоминаний.

По переходу не спеша шла блондинка — длинная светло-русая коса мягко лежала на её плече. В глазах Ильи вспыхнула та самая, выжженная в памяти картина злосчастного вечера: Лада точно так же осторожно ступала по зебре, её коса лежала на плече, а потом... потом жизнь оборвалась буквально у него на глазах.

В этот миг из-за поворота резко вылетел тёмно-синий фургон — он взвизгнул тормозами прямо перед девушкой. Дверь распахнулась, и из салона выбрался единственный пассажир — тот самый гость из «главка». Слов не было слышно, но язык тела говорил яснее любых криков: наглость и грубая сила были целиком на его стороне.

Он схватил девушку за рукав и рывком оттащил с перехода, бросив что-то резкое, от чего она побледнела и торопливо отступила к обочине. Мужчина швырнул ей вслед короткий, издевательский смешок, запрыгнул за руль и рванул с места, оставив после себя только едкий запах горелой резины.

Ярость хлынула в грудь Ильи горячей, тяжёлой волной, застилая глаза кровавой дымкой. В этом мутном тумане он видел лишь одно — уходящую вдаль корму тёмно-синего фургона. И вдруг с пугающей ясностью понял, на ком сейчас может сорваться вся эта боль, вся эта бессильная злость.

Илья сорвался с места и бросился следом за уезжающим фургоном, не думая ни о последствиях, ни о том, что ждёт впереди — только бы догнать, только бы схватить эту несправедливость за горло.

Девушка ещё мгновение постояла, глядя вслед уезжающему фургону с Умником и парню, который, не разбирая дороги, мчался за ним. Потом резким движением сорвала с себя парик — и длинные-длинные чёрные волосы хлынули вниз, развернувшись во всю длину, тяжёлой

волной скользнув по плечам. Не теряя ни секунды, Крёстная быстрым, отточенным движением собрала их в тугой хвост, будто убирая с дороги всё лишнее, мешающее делу.

Коротко махнув рукой Бороде — чёткий, безэмоциональный жест, понятный только им двоим, — она сорвалась с места, устремившись к двум пятиэтажным недостроям.

Уже через секунду её нагнал Борода. Он дышал ровно, ни намёка на усталость — будто этот бег был для него не испытанием, а привычной разминкой, делом обыденным и простым. Шаг его оставался твёрдым, тяжёлым, уверенным, словно земля сама подстраивалась под его поступь. Ещё пара минут стремительного бега, и они вдвоём оказались на стройплощадке — среди груд битого кирпича, ржавых арматурных прутьев и бетонных плит, будто застывших в нелепом танце разрушения. Здесь, среди заброшенных конструкций, привычные городские звуки стихали, растворяясь в тишине, нарушаемой лишь их ровным дыханием.

— Так, друзья, уделите пару минут, послушайте, — из тёмного проёма подъезда показался Эйнштейн. В руках он крепко сжимал чёрный армейский баул — тяжёлый, потёртый, будто прошедший не одну переделку. Следом, шаг в шаг, вышел Кеша — с таким же баулом, будто они заранее условились действовать в унисон, словно два звена одной цепи.

Эйнштейн аккуратно опустил баул на землю, неторопливо расстегнул молнию и бережно извлёк оружие — предмет, отдаленно напоминавший автомат Калашникова. Борода скользнул по нему взглядом, и в его памяти тут же всплыли знакомые очертания, но он сразу уловил: перед ним не привычный ствол, а его радикально переработанная версия.

— Знакомьтесь, — Эйнштейн будто представлял не оружие, а собственное детище, в которое вложил годы труда. — Электромагнитный штурмовой автомат с программируемым поражением — Импульс-ША. По сути, это усовершенствованный аналог пушки Гаусса, но с наследием компоновки АК. Эргономика узнаваема, чтобы боец не терялся в стрессовой ситуации, но всё переосмыслено в футуристичном ключе: плавные скруглённые линии, минимум выступающих деталей, технологичный облик. Корпус — из композитного сплава, матовая светло-серая отделка. Выглядит как плотный пластик, но на деле — многослойный материал, способный выдержать серьёзные нагрузки.

Импульс-ША и правда хранил родство с АК, но это было родство через призму высоких технологий. На цевье и ствольной коробке виднелись тонкие рифлёные металлические вставки с сатиновым блеском. Они не просто украшали оружие — это были элементы теплоотвода, направляющие для тактических модулей и части экранирующего контура, замыкающего паразитные токи.

Приклад имел слегка изогнутую форму — для лучшей фиксации к плечу и эффективного гашения отдачи. На верхней планке располагалось универсальное крепление: сюда можно было навесить коллиматор, голографический прицел, лазерный целеуказатель, дальномер или тепловизор — всё, что потребуется в конкретной ситуации.

— А вот это — моя гордость, — Эйнштейн ткнул пальцем в приклад, словно указывая на самое ценное.

— Приклад? — усмехнулась Крёстная, приподняв бровь.

— Да нет, не приклад, — слегка смутился Эйнштейн, тут же поправляя себя. — Вот это. Аккумуляторная батарея — интегрированный блок со сверхёмкой компактной батареей. Перезаряжаемая, компактная, но мощности хватит надолго.

Над ствольной коробкой притаился компактный микроблок — модуль с полупрозрачной панелью. При активации на ней загоралась тонкая индикация: это была станция программирования. Она считывала параметры патрона и задавала нужный режим воздействия. Рядом с микроблоком находились два флажка-переключателя. Первый отвечал за темп стрельбы: «предохранитель», «одиночный» и «дуplet». Второй задавал режим поражения: «парализация» и «боевой».

— Но самое интересное вот это, — Эйнштейн выдержал эффектную паузу, а затем зажал между большим и указательным пальцами светло-серый матовый цилиндр — около семи сантиметров в длину и сантиметра в диаметре. По периметру цилиндра аккуратно располагались восемь колец, интегрированных в стенки. — Это боеприпас. Проще говоря — патрон. Внутри — вещество, которое мы условно называем программируемой энергоплазмой в твёрдом (пассивном) состоянии. При попадании в цель активное вещество высвобождается и начинает распространяться от точки контакта. Эффект похож на круги на воде: пульсирующая энергия равномерно расходится от центра, охватывая всё большую площадь.

Эйнштейн щёлкнул вторым флажком, и его кончик указал на букву «П».

— В режиме «парализация» энергия воздействует на нервную систему, временно блокируя двигательные функции.

Ещё один щелчок — и флажок встал напротив буквы «Б».

— В боевом режиме она разрушает ткани и жизненно важные структуры, приводя к летальному исходу.

После этого Эйнштейн снова нырнул в баул и достал коробчатый магазин.

— Это магазин с боеприпасами — точнее, с капсулами. Рассчитан на тридцать патронов. Думаю, вы быстро разберётесь, — он протянул оружие Бороде, будто передавая не просто инструмент, а ключ к чему-то большему.

— Что это за штука? — Борода постучал пальцем по увесистому прибору, закреплённому под цевьём.

— Точно, чуть не забыл! — спохватился Эйнштейн и слегка замялся, будто сам укорял себя за рассеянность. — Это подствольный магнитоакустический модуль. Вообще, он существует и как отдельный комплекс — с собственной рукояткой и прикладом. Очень любопытная штука, поверьте.

Он на секунду собрался с мыслями, словно выстраивая в голове цепочку объяснений, чтобы донести суть без лишней воды.

— Он преобразует энергию основного импульса в ударную акустическую волну.

Эйнштейн снова нырнул в баул и достал ещё один такой же модуль, чтобы передать Крестной.

— Смотрите, как это работает. По биологическим целям: на дистанции прямого воздействия ударная волна создаёт импульс силы, которого хватает, чтобы отбросить человека весом от семидесяти до ста двадцати килограммов на три-пять метров. Результат — потеря равновесия и временная дезориентация. По лёгким преградам: пиковое давление превышает предел прочности типовых строительных материалов — стены просто рушатся. По транспортным средствам: эффективная дальность — до десяти метров. Волна вызывает резонансные колебания в элементах кузова — небольшие машины могут даже опрокинуться. А на дистанции до пяти метров возможно локальное повреждение кузова и ходовой части.

Он ткнул пальцем в рычажок сбоку возле рукоятки.

— Здесь — предохранитель. А вот тут, — он указал на утопленную в корпус кнопку, — включение. Оружие готово к работе. Перезарядка занимает примерно пять секунд, батареи хватит на десять выстрелов.

Эйнштейн протягивает комплекс Крестной

— У вас, дорогая моя, есть боевой опыт?

— Стрельба в тире считается? — отмахнулась Крестная, но в её голосе мелькнула тень воспоминаний. В детстве она почти всё время проводила с отцом — большим любителем оружия, особенно старинных образцов. — Забавная штука. Раньше я чаще имела дело со старыми ружьями, а теперь вот — будущее.

— Тогда рекомендую, — произнёс Эйнштейн, чуть наклонив голову и пристально глядя на Крестную, словно взвешивая каждое слово. — Впереди Умника и Бороды не лезть — они

сами знают, как давить на противника. Ваша задача — быть на прикрытии тыла: следить за флангами, не давать зайти с неожиданной стороны. Тут важна не сила, а внимательность — один пропущенный шаг может всё испортить, - Всё это звучало как не просто приказ, а взвешенный, выстраданный совет — будто Эйнштейн сам не раз оказывался в такой переделке и теперь старался уберечь девушку от собственных ошибок.

Тем временем Кеша вытащил из своего баула ещё один комплекс — с уже пристёгнутым магазином. Отдельно достал ремень, к которому были закреплены ещё три запасных магазина. Он протянул комплекс Бороде.

— Это для Умника.

Затем Кеша снова полез в баул и достал два таких же ремня — на каждом тоже по три магазина. — Это Ваши запасные магазины

Кеша посмотрел на Эйнштейна.

— Нам с Эдуардом Николаевичем придётся вас покинуть, — тихо произнёс он. — По приказу мы не имеем права участвовать в боевых акциях.

— Ну что ж, приказ есть приказ, — спокойно отозвался Борода, ничуть не удивившись. Он протянул Кеше руку для рукопожатия. — После поболтаем.

Борода улыбнулся и перевёл взгляд на Крестную.

В этот момент в тишине отчётливо раздался нарастающий гул мотора — приближался фургон. Умник был уже рядом. А значит, и объект тоже.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Фургон с рёвом ворвался во внутренний двор, зажатый между двумя недостроенными пятиэтажками. Корпуса зданий уже высились в полную силу, демонстрируя чёткую геометрию этажей, но выглядели незавершёнными и даже немного зловещими: в стенах зияли проёмы без дверей и окон, а по краям перекрытий не хватало балконных перил — будто дома застыли на полпути между стройплощадкой и жилым кварталом.

Двор напоминал вытянутый, тесный коридор длиной почти в сто метров. Пространство было захламлено: повсюду громоздились кучи строительного мусора, валялись поддоны, мешки с материалами, уже подпорченные сыростью и перепадами температур. Кое-где виднелись следы небрежного хранения — помятые листы утеплителя, раскрошившиеся блоки, потемневшие от дождя доски. Атмосфера казалась заброшенной, но в то же время пронизанной напряжённым ожиданием — словно стройка лишь ненадолго приостановилась.

Скучное освещение лишь подчёркивало эту необычную сцену: две одинокие лампочки, закреплённые на противоположных зданиях, бросали тусклый, желтоватый свет, выхватывая из сумрака отдельные фрагменты двора и оставляя остальное в полутени. Их лучи пересекались, где-то посередине, создавая зыбкую границу между светом и тьмой.

Умник резко ударил по тормозам, и фургон, проскрипев колёсами, замер у первого подъезда дома слева. Не теряя ни секунды, он ловкими, отточенными движениями сбросил с себя накладной живот и парик. Они упали на землю без единого звука — теперь это был просто ненужный груз.

В тот же миг Борода рванулся к нему, рассекая пространство двора стремительным бегом. Не добежав нескольких метров, он резко свистнул, чтобы привлечь внимание Умника, и, не сбавляя хода, метнул ему оружие. Движение вышло чётким и выверенным — предмет прочертил в воздухе короткую дугу и точно лёг в подставленную руку. Едва завершив бросок, Борода так же резко сменил направление, уходя вправо — в сторону правого здания, будто растворяясь в полумраке и тени недостроенных стен.

Вой приближающейся твари нарастал, становясь всё более пронзительным и зловещим — казалось, сама тьма двора наполнялась этим звуком, он вибрировал в воздухе, царапал нервы и заставлял каждый нерв натянуться до предела. Звук был уже пугающе близок, будто тварь мчалась прямо по захламлённому коридору двора, сметая на своём пути остатки стройматериалов.

Умник ворвался в проём первого подъезда, его шаги гулко отдавались в полупустом пространстве. Быстрыми, отточенными движениями он проскочил лестничный пролёт, не замедляясь ни на миг, и замер возле подъездного окна, расположенного между первым и вторым этажами. Здесь открывался хороший сектор обзора: оконный проём он мог видеть часть двора, не подставляясь под прямой удар.

Привычным, почти машинальным движением он перевёл оружие в режим «парализатора» — беззвучный щелчок переключателя почти не нарушил гнетущую тишину подъезда. Лишь едва уловимое движение пальца да мгновенное загорание индикатора на корпусе выдали смену режима. Казалось, сама обстановка требовала полной скрытности, и оружие, будто вторя этому настрою, сработало бесшумно, не выдав позиции ни единым звуком. Затем, не теряя ни секунды, он приставил приклад к плечу, плотно, уверенно, так, как делал это сотни раз в тренировках и в бою. Прицел лёг на линию взгляда, пальцы легли на рукоятку и спусковой механизм, но не касались его — пока что. Умник замер, слившись с позой, став частью этой напряжённой готовности. Он был готов открыть огонь в ту же секунду, как только тварь появится в зоне поражения.

Со стороны, сквозь прорехи в завалах и тусклый свет одинокой лампочки, Умник успел заметить Бороду: тот укрылся между двумя массивными кирпичными поддонами возле пятого подъезда противоположного дома. Позиция была выбрана грамотно — поддоны давали укрытие с флангов, а между ними оставался узкий сектор для ведения огня. Борода тоже взял оружие на изготовку: его фигура застыла в чёткой стойке, ствол смотрел в сторону предполагаемого появления угрозы. Даже на расстоянии чувствовалась его собранность — никакой суеты, только холодная готовность.

Секунды теперь тянулись невыносимо медленно, растягиваясь в длинные, тягучие мгновения. Каждый звук — шорох осыпавшейся крошки, скрип деформированного металла, даже собственное дыхание — казался оглушительным. Двор будто затаил дыхание, ожидая неизбежного.

Вой резко оборвался, и наступила мёртвая тишина — то самое зловещее затишье перед бурей, когда воздух будто застыл, а каждый звук стал бы предательски громким.

Умник и Борода замерли, слившись с тенями, словно две неподвижные фигуры в напряжённом ожидании. Умник, не шевелясь и не выдавая себя ни единым движением, боковым зрением быстро и цепко осмотрел противоположную сторону двора. Взгляд скользнул по грудам мусора, по тёмным проёмам подъездов, по неровным рядам поддонов — но Крестного нигде не было видно. Ни тени, ни силуэта, ни намёка на присутствие. Эта пустота казалась даже страшнее воя — будто враг растворился в тишине, готовясь нанести удар оттуда, откуда его совсем не ждут.

Крестная заняла позицию на третьем этаже четвёртого подъезда левого дома — прижавшись к проёму окна, она сливалась с полумраком, почти невидимая. Не отрывая взгляда от тёмных теней напротив, она медленно, беззвучно вела ствол оружия вдоль фасада противоположного здания, сканируя каждый проём, каждую неровность кладки — будто пыталась предугадать, откуда придёт угроза.

В этот миг из окна второго этажа правого дома внезапно вырвалось существо. Его оглушительный рёв прокатился по двору, ударился о стены недостроенных домов и вернулся многократным эхом, будто сам воздух содрогнулся от этого звука.

Пролетев над Бородой, который застыл в своём укрытии, не смея даже дышать, оно рухнуло почти в самую середину двора — прямо на груды гравия. Камни брызнули в стороны с сухим треском. Существо замерло, затем резко развело руки в стороны, запрокинуло голову к тёмному небу и издало протяжный, леденящий душу рык — такой мощный, что, казалось, от него дрогнули сами стены.

Это уже не был тот тихий юноша. Теперь перед ними стояло нечто совершенно иное — два разных существа, разделённых не только превращением, но и самой сутью. В облике чудовища ещё угадывались черты прежнего парня, но лицо его было обезображено, искажено звериной яростью. Оно застыло в охотничьей стойке — напряжённое, готовое к прыжку, словно хищник, наконец-то вышедший на след добычи.

Умник сделал выстрел — резкий, чёткий, без промедления. Парализующая капсула сорвалась с дула и устремилась вперёд, рассекая густой, пыльный воздух двора.

Существо будто почуяло засаду ещё до хлопка выстрела — его реакция была пугающе мгновенной. Оно рвануло в сторону с нечеловеческой скоростью, едва успев уйти из-под удара. Капсула пролетела буквально в сантиметре от его тела — так близко, что, казалось, воздух между ними на миг загустел от напряжения. Затем она врезалась в стену здания и, потеряв импульс, расплылась неровным кругом по кирпичной кладке, оставив после себя тусклое, мерцающее пятно.

Не теряя ни секунды, Борода выстрелил в спину существу. Выстрел прозвучал сухо и резко, перекрывая даже эхо предыдущего. И, казалось, он немного задел цель: существо едва заметно качнулось, будто его дёрнуло в сторону от удара, а затем оно стремительно развернулось — движение вышло резким, звериным, почти текучим. В тот момент взгляды Бороды и существа встретились: в глазах Бороды читалась холодная сосредоточенность, а в глазах чудовища — дикая, первобытная ярость, смешанная с чем-то похожим на удивление.

С третьего этажа, не колеблясь ни мгновения, Крестная произвела свой выстрел. Её прицел был точен, расчётлив — капсула ударила точно в центр спины существа и мягко расплылась по всей поверхности, словно растекающаяся тень. Эффект был почти бесшумным, но неотвратимым: вещество мгновенно начало действовать, проникая в структуру, блокируя движения.

Существо замерло, будто время на секунду остановилось вместе с ним. Из его груди вырвался тихий, сдавленный рык — не угроза, а скорее признание поражения, последний отголосок той силы, что только что бушевала в нём. Затем ноги его подкосились, и оно рухнуло на землю, тяжело и безвольно, подняв небольшое облако пыли среди камней и гравия.

Двор, ещё недавно наполненный рёвом и напряжением, на мгновение затих — словно сам воздух выдохнул, сбрасывая с себя тяжесть схватки.

— Да ну?! — вырвалось у Бороды, и в этом коротком восклицании сплелись сразу два чувства: изумление от случившегося и горькое разочарование от того, как всё обернулось.

Он уже было решился чуть выдвинуться из укрытия, чтобы лучше разглядеть, что происходит, как вдруг тишину двора разорвал оглушительный рёв — сразу четырёх внедорожников. Звук накатил мощной волной, отразился от бетонных стен, смешался с эхом и буквально вдавил всех в укрытия. Гул моторов нарастал стремительно, будто машины неслись прямо сквозь лабиринт недостроенных корпусов, не сбавляя скорости ни на секунду.

Пыль взметалась вихрем от колёс четырёх одинаковых чёрных внедорожников — они влетели на территорию стройки между недостроенными пятиэтажками, визжа тормозами, и резко встали, выбрасывая из-под колёс щебень, осколки кирпича и комья засохшего раствора. Двенадцать фигур в глухой чёрной форме мгновенно рассыпались цепью, скользя между грудами строительного мусора: кто-то метнулся за штабель гнилых досок, кто-то нырнул в пролом стены, кто-то залёг за ржавой арматурой — и тут же вскинули короткие НК МР5, готовых вести автоматический огонь.

Их движения были отточенными, механическими — будто единый организм, действующий по заранее просчитанному алгоритму. Характерный треск очередей НК МР5 разорвал тишину, пули ударили по бетону, высекая искры, кроша кирпич и поднимая густые облака едкой пыли, смешанной с цементной взвесью.

Рядом с Умником несколько пуль с сухим треском ударились в стену — они просвистели совсем рядом, едва не задев его. Не теряя ни секунды, Умник резко нырнул за угол, уходя с линии огня и сливаясь с тенью проёма.

Борода, стоявший чуть дальше, тоже не медлил — он молниеносно рванул обратно, в укрытие, пригнувшись так низко, будто хотел стать невидимым.

— Вот началось! — почти с каким-то мрачным удовлетворением выдохнул Борода. — Эти нам скучать не дадут!

Крестная, всё это время наблюдавшая за двором с высоты третьего этажа, не растерялась: прицелившись, она сделала точный выстрел. Один из нападавших рухнул на землю, неловко раскинув руки.

Второй неизвестный, перешагнув через упавшего напарника, резко развернул свой пистолет-пулемёт в сторону окна, где укрывалась Крестная. Движение вышло резким, хищным — будто он уже вычислил её позицию и теперь жаждал свести счёты. В этом развороте сквозила холодная, расчётливая ярость: теперь охота шла и на неё.

Крестная молниеносно сменила позицию — быстрыми, отточенными движениями она метнулась по лестнице на четвёртый этаж, не теряя из виду двор. Каждый её шаг был чётким, без лишней суеты: она знала, что секунда промедления может стоить жизни.

Борода, скользнув в подъезд, не стал тратить время на долгие прицеливания. Два резких выстрела — и обе цели, словно подкошенные, мешками рухнули на землю. Звук хлопков ещё не успел растаять в воздухе, а он уже прикидывал, куда двинуться дальше.

Умник, пригнувшись почти до самой земли, рванул из подъезда и метнулся к груде досок, сваленных у стены дома. Ловко проскользнув между досками и стеной, он короткими, стремительными шагами пересёк опасный участок и оказался возле четвёртого подъезда — точно там, где нужно. Его движения были резкими, экономными, будто он заранее просчитал каждый метр пути.

Чёрные фигуры нападавших, прикрывая друг друга плотным заслоном, уже продвинулись почти в самый центр двора — туда, где лежало обездвиженное тело существа. Они двигались слаженно, как единый механизм: один прикрывал, второй делал шаг вперёд, тут же уступая место третьему. В их тактике чувствовалась выучка и холодная расчётливость — они шли вперёд, не оглядываясь, словно уже считали двор своим.

Пока остальные держали плотный заградительный огонь, отсекая любые попытки Умника, Бороды и Крестной высунуться и ответить, две фигуры резко отделились от основной группы. Короткими, рваными перебежками — пригнувшись, почти стелясь по земле, — они метнулись к телу существа и замерли рядом.

Оба тут же присели, сливаясь с горами строительного мусора. Один из них, не отрывая взгляда от двора, напряжённо всматривался в каждый тёмный угол, готовый в любую секунду открыть огонь. Второй, не теряя ни секунды, выхватил из разгрузки компактное устройство — и быстрыми, чёткими движениями начал водить им над телом, будто сканировал каждый сантиметр, выхватывая данные с лихорадочной скоростью.

И в тот самый миг, когда прибор едва успел зафиксировать последние показания, тело существа внезапно ожило. Из его груди вырвался яростный, оглушительный вой — такой мощный, что, казалось, воздух во дворе на секунду сгустился от этого звука. Существо резко взметнулось вверх и с нечеловеческой силой отшвырнуло обоих нападавших в разные стороны.

Тела с глухим, тяжёлым грохотом рухнули на груды строительного мусора — доски треснули, кирпичи разлетелись в стороны. Фигуры замерли в неестественных позах и больше не шевелились.

Во дворе на мгновение повисла звенящая тишина — а затем шквал огня вспыхнул с новой силой, накрывая пространство хаотичными очередями.

Крестная медленно, почти бесшумно кралась к дверному проёму балкона, прижимаясь к шершавой стене, будто пытаясь слиться с тенью. Каждый её шаг был выверен: она чутко ловила ритм перестрелки, использовала грохот очередей и резкие хлопки выстрелов как прикрытие — в этой какофонии звуков легче было остаться незамеченной. Её взгляд не отрывался от проёма впереди: там, за краем рамы, открывался нужный сектор обзора, и она готовилась занять позицию, чтобы снова вести огонь сверху.

Но в этом напряжённом сосредоточении на внешней угрозе она не заметила, что опасность подкралась совсем с другой стороны. За её спиной, в глубине комнаты, уже была не одна.

Во весь рост, неподвижная, словно вырезанная из самой темноты, стояла фигура девушки. Она замерла у дальней стены, едва различимая в полумраке, — и всё же в этой неподвижности чувствовалась собранная угроза. На ней был такой же чёрный комбинезон, как и на остальных нападавших: плотная ткань, минимум деталей, никаких лишних элементов — униформа, созданная для того, чтобы растворяться в ночи. Но в отличие от безликих бойцов во дворе, в её позе читалось нечто большее: не просто готовность к бою, а холодная, расчётливая уверенность, будто она давно ждала этого момента.

Крестная сделала ещё один осторожный шаг, почти дотянувшись до края проёма, и в этот миг уловила едва заметное движение краем глаза — лёгкий сдвиг тени, слишком плавный для сквозняка. Она едва успела повернуть голову, как воздух между ними на секунду сгустился от напряжения.

Тихий выстрел, прозвучал в пустом помещении, пуля слегка задела ногу, разорвав брюки, Крестная, ойкнула и опустилась на пол прислонившись к стенке

Подняв глаза, Крестная увидела перед собой Викторину — ту самую стюардессу, которую, она знала по рейсу: тихую, улыбчивую, всегда готовую подбодрить пассажира парой тёплых слов. Теперь от той девушки не осталось и следа. Перед ней стояла опытная, хладнокровная воительница — враг с другой стороны. Виктория держала оружие направленным точно в центр груди Крестной, её поза была собранной, взгляд — острым, без тени прежней мягкости.

Крестная медленно присела, не сводя глаз с противницы, и опустила своё оружие на ноги, одной рукой крепко придерживая рукоять подствольника. Пальцы едва заметно дрогнули, но она тут же взяла себя в руки — никакой паники, только расчёт.

— Подловила ты меня, — произнесла Крестная, натягивая лёгкую улыбку. Фраза прозвучала так, будто она обращалась к лучшей подруге, которая удачно разыграла её на вечеринке. В этом нарочито непринуждённом тоне сквозила издёвка — мол, да, ты выиграла раунд, но игра ещё не закончена.

— А как иначе! Что делаешь тут? — Виктория скользнула к балконному проёму, перекрывая путь Крестной.

— Друзья позвали, обещали веселье, — спокойно улыбнулась Крестная.

— Весело? — Виктория не сводила с неё глаз. — А меня даже не позвали. Пришлось самой напроситься. Представляешь, подруга?

Виктория чуть приподняла бровь, будто оценивая эту странную, почти дерзкую улыбку, и на долю секунды её хватка на оружии дрогнула — всего лишь миг, но Крестная его заметила. Этого хватило.

Не дожидаясь ни слова, ни движения противницы, Крестная резко нажала на спусковой крючок подствольника. Высвобожденная сила ударной акустической волны швырнула Викторину далеко вперед, через дверной проем — её тело вылетело из здания, и судя по глухому удару где-то приземлилось.

Не раздумывая ни секунды, Крестная вскочила, резкая боль, ее на мгновение остановила, Крестная осмотрела рану, не найдя серьезного повреждения, через силу, подхватила своё оружие и снова рванула вперед — теперь уже без оглядки, с бешеным ритмом в груди и холодной

ясностью в голове. Стройка вокруг продолжала гудеть эхом выстрелов, пыль оседала медленно, словно не хотела расставаться с только что разыгравшейся драмой.

Тем временем Борода и Умник действовали как единый механизм. Борода выскочил из укрытия с правой стороны — резкий рывок, короткая серия импульсов, и противник, прятаясь за ржавой арматурой, повалился, не успев даже поднять оружие. Одновременно Умник, занявший позицию с лева, хладнокровно снял стрелка, пытавшегося уйти в обход: тот рванулся к покосившемуся каркасу опалубки, надеясь укрыться, но импульс настиг его на полпути — он пошатнулся и рухнул, вцепившись пальцами в бетон, будто пытаясь удержаться на краю пропасти.

Существо восстало. Жилистое, напряжённое, собранное в тугую пружину, оно застыло на миг — и тут же рвануло вперёд. Руки свисали почти до колен, скрюченные пальцы напоминали когти, а рваное, глубокое дыхание звучало как раскаты далёкой грозы.

Его движения были звериными, рваными, неестественно резкими. С рёвом, похожим на скрежет металла, оно прыгнуло с высоты кучи гравия, приземлившись на груды досок так, что те хрустнули под его весом, и тут же бросилось вперёд, сметая всё на своём пути. Чудовище вцепилось в ближайшего стрелка, сбив его с ног и вгрызшись в броню с нечеловеческой силой — металл застонал, прогибаясь под чудовищным напором.

Остальные в панике открыли огонь из МР5 по этой живой буре — треск очередей слился в сплошной гул. Но пули не брали чудовище: оно стремительно уклонялось от летящих в упор пуль, будто заранее угадывало их траекторию — резкий рывок в сторону, пережат, прыжок, и свинец лишь высекал искры из бетона рядом. А затем оно снова бросалось в атаку — ломало приклады, вырывало части тел и руки вместе с оружием, не разбирая, где сталь, а где плоть. Кровь брызгала во все стороны, алые капли разлетались веером, оседая на стенах, на осколках кирпича, на лицах тех, кто ещё пытался сопротивляться. Тела падали, с глухим стуком ударяясь о бетон, а чудовище, не замедляясь ни на миг, перешагивало через них, продолжая свой неукротимый натиск.

Борода, оказавшийся ближе к припаркованным внедорожникам, у груды бетонных плит, сделал резкий рывок вперёд, перекатился через кучу битого бетона и замер за полуразрушенной колонной — его подствольник уже светился индикатором, готовый к выстрелу, а вокруг валялись куски арматуры и обломки опалубки.

Борода прицелился в один из внедорожников, стоявших в пятнадцати метрах из-за которого вели перестрелку двое неприятеля

Нажав на спусковой крючок, из недр вылетела волна, будто идеальное воздушное кольцо, плавно как в замедленной скорости, полетела в сторону автомобиля и в одно мгновение резкий удар в кузов вминая это кольцо во внутрь металла кузова, как пушинку, автомобиль подкинуло в воздух, вместе с теми, кто за ним прятались и отбросило в сторону

— Вещь! — выдохнул Борода и расплылся в той самой детской улыбке — на долю секунды в нём проглянул мальчишка, которому всё ещё в радость эта опасная игра. Но мгновение спустя рефлексy взяли верх: он рывком ушёл с линии атаки, буквально стелясь по земле, и тут же пережатом выскользнул в тень проёма — будто и не было его там секунду назад.

Крёстная замерла у лестничного марша — в вихре бетонной пыли она казалась почти призраком. Спокойная, собранная, она не торопилась: выждала миг, когда силуэт стрелка проступил сквозь серую пелену, и нажала на спуск. Без крика, без суеты — только тихий импульс, и фигура рухнула. МР5 выскользнул из рук и покотился по щебню, глухо звякая о куски бетона.

Тварь металась по двору, будто само не знало, на кого обрушить кипящую внутри ярость — её движения были рваными, хаотичными, лишёнными чёткого плана. То оно пыталось бросаться на бойцов в чёрной экипировке, то с утробным, вибрирующим рычанием резко разворачивалась к Умнику, сверкая глазами, полными слепой ненависти. Казалось, им управлял не

разум, а чистый, необузданный гнев — яростный, всепоглощающий, заставляющий его рваться вперёд, не считаясь с болью.

Кровь из ран существа летела во все стороны: тяжёлые алые капли падали на пыльные плиты, смешивались с бетонной крошкой и оседали на грудах строительного мусора. В этом хаосе не было ни тактики, ни расчёта — только первобытная сила, рвущаяся наружу и сметающая всё на своём пути.

С каждым мгновением тварь всё сильнее теряла контроль: слепая злоба захлестывала её целиком, обращая гнев против всех без разбора. Она уже не различала врагов и случайных свидетелей — для неё теперь всё было лишь мишенями, преградами, которые нужно сокрушить.

В какой-то миг оно ринулась на Крестную у лестничного пролёта. Та едва успела отпрянуть — когти с лязгом прочертили глубокие борозды в бетоне там, где она стояла секунду назад. Вокруг посыпалась каменная крошка, мелкие обломки с сухим шорохом оседали на пол, смешиваясь с каплями крови — один из бойцов, не успевший отскочить, получил скользкий удар по руке: из рваной раны толчками выплескивалась кровь, заливая рукав и стекая по пальцам.

Борода стоявший на расстоянии двадцати метров не медлил ни секунды: он вскинул оружие и выстрелил, целясь в плечо существа. Импульс ударил точно, с силой отбросив тварь на несколько метров — её тело проскользило по щебню, высекая искры, и врезалось в обломок стены. На миг показалось, что удар остановил её, но не тут-то было: тварь тут же вскочила, встряхнулась, будто сбрасывая с себя удар, и снова оскалилась, готовая к новой атаке. В её глазах пылала такая ярость, что даже на расстоянии от этого взгляда веяло смертельным холодом.

Явная победа над непрошенными гостями в черное одежде, двое бойцов, дезориентированные яростными атаками существа, стали сдавать позиции. Их слаженность рассыпалась под натиском точных импульсов и того хаоса, который внёс в бой разъярённый монстр: он крушил всё на своём пути, и даже опытные бойцы потеряли концентрацию, сбиваясь с ритма и мешая друг другу.

Умник и Борода, уловив слабину врага, начали методично теснить противника, используя укрытия и короткие, резкие манёвры. Крестная действовала у лестничного марша: она делала стремительные рывки из тени, выпускала пару точных импульсов и тут же откатывалась назад, мгновенно растворяясь в полумраке проёма.

Чудовище, обезумевшее от боли и ярости, вдруг рвануло вперёд — словно прорвало невидимую плотину. Оно врезалось в пару оставшихся на ногах противников, сметая их, как кегли: инерция чудовищного рывка сбивала с ног. Одним резким движением тварь схватила стрелка за грудную пластину и швырнула в сторону — тот с глухим ударом врезался в штабель досок, выронив MP5, который с лязгом покатился по бетону.

Существо металось по двору, разбрасывая лежащие тела, как тряпичных кукол. В какой-то миг тварь резко развернулась, её движения стали стремительными и целенаправленными, и она рванула в противоположную сторону — туда, где стоял Умник.

В следующее мгновение существо оттолкнулось от земли в чудовищном прыжке — его силуэт на долю секунды заслонил собой тусклое небо. И ровно в этот миг Крестная, будто предвидев траекторию, метнулась вперёд и встала прямо на пути твари.

— Стоп! — выкрикнула она, и в этом крике прозвучала не просьба, а приказ, тяжёлый и властный, пробившийся сквозь грохот и вой.

Умник, стоявший позади Крестной, среагировал мгновенно: он схватил её за плечо и рывком отпрыгнул вместе с ней в сторону — два стремительных движения, слившихся в одно.

Существо рухнуло на то самое место, где только что стояла Крестная. Удар сотряс землю, камни брызнули в стороны. Но вместо того, чтобы вскочить и броситься дальше, тварь вдруг замерла. Она лежала неподвижно, словно по команде Крестной, где-то глубоко в её мозгу

кто-то действительно выключил рубильник: тело перестало действовать, ярость угасла, мышцы обмякли.

Двор на мгновение затих. Только пыль медленно оседала, кружась в косых лучах света. Существо больше не двигалось — оно просто лежало, будто вся буря, что бушевала внутри, внезапно выдохлась.

Один из внедорожников резко рванул с места, взвизгнув шинами, и мгновенно исчез в густой темноте, будто его и не было — только шлейф пыли ещё висел в воздухе, напоминая о недавнем хаосе.

На крыше правого здания всё это время неподвижно сидел Крыса, сливаясь с тенями. Он тихо наблюдал за всей картиной боя, изредка потирая руки, будто смакуя каждую деталь. Когда напряжение достигло пика, а затем резко пошло на спад, он слегка ухмыльнулся — в этой ухмылке читалось удовлетворение хищника, который получил именно то, что хотел. Не спеша, плавно, словно растворяясь в ночи, Крыса медленно ретировался в темноту, оставив после себя лишь лёгкое ощущение чьего-то пристального взгляда.

Тем временем на крыше левого здания, укрывшись за бетонными блоками, от начала и до конца боя сидели два братца Мосины. Они не вмешивались, лишь внимательно следили за происходящим, фиксируя каждый момент.

— Ты всё снял? — тихо, почти шёпотом, обратился младший брат к старшему, в голосе его слышалось напряжённое волнение.

— А то! — с довольной ухмылкой ответил старший, приподнимая фотоаппарат так, чтобы младший мог видеть экран. — Вот это зрелище! Такого кадра ещё поискать надо!

В этот самый момент за спинами братьев бесшумно появились Кеша и Эйнштейн. Движения их были отточенными, почти синхронными: Кеша тихо достал из кармана куртки электрошокер, и Эйнштейн сделал то же самое. В следующий миг, действуя как единый механизм, они одновременно одним резким движением обезвредили братьев — короткая вспышка, тихий треск разряда, и оба Мосина обмякли, так и не успев понять, что произошло.

Спустя ровно тридцать минут на месте схватки уже работала слаженная группа зачистки. Бойцы действовали быстро и чётко: обездвиженное существо надёжно зафиксировали прочными стяжками, а затем, не теряя ни секунды, погрузили в грузовой фургон. Машина тут же сорвалась с места и, растворившись в ночной темноте, унесла свой злобный груз прочь.

Параллельно вторая группа методично обрабатывала территорию стройки специальным химическим составом. Струи едкой жидкости ложились на плиты, пропитывали груды мусора, въедались в трещины асфальта — ни один фрагмент биологических следов не должен был уцелеть. Всё, что могло рассказать о произошедшем, стиралось с пугающей тщательностью, будто сама история этого боя медленно растворялась в воздухе.

Братья Мосины пришли в себя лишь ранним утром. Голова гудела, в памяти зияла глухая пустота — они так и не смогли понять, как и когда потеряли сознание. Но самым неприятным открытием стала пропажа фотоплёнки: футляр от неё лежал рядом, пустой и бесполезный, а все отснятые кадры, ради которых они рисковали, бесследно исчезли.

Военный транспортный самолёт уверенно набирал высоту, рассекая плотные слои воздуха. Внутри грузового отсека группа «Серых людей» наконец-то позволила себе немного расслабиться — напряжение последних часов постепенно отпускало. Для кого-то из них это задание стало первым боевым выходом, для других — очередным в череде похожих операций, но сейчас все выглядели одинаково уставшими и оттого ещё более сплочёнными.

— Умник, ну давай, расскажи, что там на самом деле было? — громко обратилась Крестная к Умнику через гарнитуру авиасвязи. Её голос, усиленный системой, прозвучал чётко, без помех, пробиваясь сквозь ровный гул двигателей.

— Если хотите послушать — расскажу, — отозвался Умник, неторопливо обводя взглядом своих товарищей. В его глазах мелькнула тень усталости, но в то же время читалось жела-

ние поделиться тем, что до сих пор сжимало грудь тугим узлом. Он чуть помедлил, собираясь с мыслями, будто заново прокручивая в голове каждую секунду схватки — и наконец решился начать.

— Первый эпизод сразу дал понять: всё завязано на агрессии, — начал Умник, неторопливо обводя взглядом, будто взвешивая, насколько собеседники готовы услышать правду. — Не на вспышке, не на срыве — на чём-то системном. А когда грянул второй, стало ясно: это не случайность, а выстроенная схема. И тут же всплыли чужие интересы — неизвестные игроки, явно из конкурирующей структуры. Они следили, приценивались, ждали развития.

Он сделал короткую паузу, давая словам улечься, и продолжил:

— Третий эпизод расставил точки над «i»: человек не просто теряет контроль — он научился входить в ярость по собственному желанию. Контролировать переход. А если это контролируемо, значит, это уже не патология, а технология. Её можно упаковать, масштабировать, продавать.

Умник чуть наклонил голову, будто прислушиваясь к тишине.

— Мы сами подбросили информацию о командировке — это была страховка. Отсюда и ваше присутствие здесь, — он перевёл взгляд на Крёстную и Бороду. — В особняке мы столкнулись с Крысой. Он — ключевая фигура на «Тёмном рынке»: сводит покупателей и продавцов технологий, а в этой схеме он ещё и исполнитель. Запомните его. Он не мелкая сошка.

Борода нахмурился:

— Тогда зачем ты его отпустил?

Умник едва заметно улыбнулся:

— Затем, что нам не нужен арестованный посредник. Нам нужен работающий посредник. Мы не гасим его интерес — мы его разжигаем. Он уже знает, кто я и на кого работаю. Знает про тебя, — кивок в сторону Бороды, — и про тебя, — взгляд на Крёстную. — Скрываться от них бессмысленно. Но вот про Кешу и Эйнштейна, — он указал на «тёмных лошадок», — они пока не в курсе. И пусть так остаётся.

Крёстная подалась вперёд:

— Но как они вообще вышли на нас на стройке?

— Крыса, уходя, незаметно прицепил ко мне маячок. Думал, я не замечу. Мы ответили тем же: просканировали его и отследили по альфа-ритму мозга. Теперь, усилив сигнал, мы не просто знаем, где он может быть, — мы можем выйти на того, кто дёргает за ниточки.

Борода прищурился:

— Что он вообще делал на стройке?

— Оценивал объект. Смотрел, как тот работает, как держится в бою. В идеале — снять сканер биосигналов и забрать биоматериалы. Если не выйдет взять живым — уничтожить тело, а образцы спокойно изучать в какой-нибудь лаборатории. Мы успели забрать у него сканер — и там, разумеется, нашлись следы крови.

Умник мельком глянул на Кешу:

— И ещё: держи в поле зрения братьев-журналистов. Ребята цепкие. Если вдруг пересечёмся — лучше быть готовым.

Он снова выдержал паузу, а потом заговорил тише, почти шёпотом, но от этого его слова прозвучали ещё веселее:

— Сейчас вы видите всю картину. Это не серия совпадений. Это обкатка технологии, и Крыса — не случайный участник, а звено цепи. Наша задача — не рвать эту цепь, а идти по ней. До самого верха. До того, кто всё это задумал. И тогда мы узнаем, кто на самом деле стоит за этой яростью.

Постепенно размеренный гул самолета, и накопившаяся усталость постепенно накаты-ваться на участников группы, Крёстная тихо дремала, Эйнштейн, что-то писал в своем блок-

ноте, Кеша читал какую-то книжицу. Борода спал, периодически вздрагивая и ворочаясь, потом резко проснулся, чем привлек к себе внимание Эйнштейна и Кеши, но ничего не увидев серьезного каждый вернулся к своему занятию.

Умник молча посмотрел на товарища. Борода ответил ему тяжёлым взглядом, в котором читалась усталость и что-то ещё — глубокая, затаённая боль.

— Опять они, — тихо произнёс Борода, имея в виду своих павших боевых товарищей, чьи призраки, не давали ему покоя во сне.

Умник не стал утешать пустыми словами. Вместо этого он спокойно сказал:

— Прими их. И исполни обещание, которое, когда-то дал себе — поддерживать семьи погибших. В этом твоя сила. Они будут присматривать за тобой здесь, а ты — за их близкими. Это и есть твой долг, твоя опора.

Борода медленно кивнул, будто наконец услышал то, что давно должен был услышать. Напряжение постепенно покидало его тело, и вскоре он снова провалился в сон — на этот раз спокойный, без кошмаров, и проспал так до самой посадки.

ЭПИЛОГ

Спустя неделю жизнь каждого пошла своим чередом.

Борода оказался в тихой деревне и помогал перекрывать прохудившуюся крышу дома, где жила мать погибшего солдата. Его движения были уверенными и тяжёлыми, но приносили искреннее удовольствие. Он сильно соскучился по простым мужским делам — по труду, где руки знают, что делать, а голова наконец может отдохнуть от бесконечных планов и ожиданий. Здесь, среди гвоздей и досок, всё казалось настоящим: запах смолы и старого дерева вытеснял из головы холодные экраны и схемы. Старая женщина внизу время от времени приносила ему квас в запотевшем кувшине — и этого хватало, чтобы на время забыть про все свои заботы. Когда солнце клонилось к закату, Борода замер, опершись на балку, и глубоко вдохнул: в этом воздухе не было ни пластика, ни металла — только пыль, сухая трава и дым из печных труб. Именно этой осмысленной тишины ему так не хватало все эти месяцы.

Крёстная в это время вела дела фонда — сидела в просторном, но до предела функциональном кабинете, где на полках теснились папки с документами, а на столе мерцал экран ноутбука. Она консультировала заместителя, быстро и чётко раскладывая по полочкам сложные вопросы: где перераспределить средства, на какие проекты сделать упор, как обойти бюрократические заторы. В её голосе не было ни капли раздражения — только спокойная, стальная уверенность человека, который привык держать под контролем даже мельчайшие детали.

Попутно, не отрываясь от экрана, она не забывала поучать своего охранника-громилу — высокого, плечистого парня с непроницаемым лицом, который стоял у двери, будто врос в пол. Крёстная чётко расписывала ему обязанности: где держать позицию, на что обращать внимание, как реагировать на подозрительные звонки и визиты. Она не терпела возражений: если охранник пытался вставить слово, она мягко, но непреклонно обрывала его: «Сейчас не время для обсуждений. Время для того, чтобы слушать и запоминать». И он слушал — не из страха, а из уважения к этой собранной, не теряющей ни секунды женщине.

В этом была вся Крёстная: даже в рутинных делах она видела стратегию. Консультация с заместителем, инструктаж охранника — всё это были звенья одной цепи. И пусть внешне всё выглядело как обычная рабочая рутина, в каждом её слове, в каждом жесте чувствовалась готовность в любую секунду перейти от бумаг к действию — если вдруг тень той самой интриги, о которой говорил Умник, снова накроет их всех.

Кеша сидел в родительской квартире — в знакомой до каждой трещинки комнате, где пахло свежей выпечкой и чуть уловимо — старым деревом из книжного шкафа. Он что-то оживлённо рассказывал, размахивал руками, то и дело заливался смехом, и в его голосе звучала редкая для него лёгкость — будто с плеч свалился тяжёлый груз, который он носил месяцами. Родители ловили каждое слово, улыбались, подбадривали короткими репликами — и

от этого Кеша говорил ещё увлеченнее, будто пытался уместить в один вечер все те истории, которые раньше приходилось держать при себе. Здесь не нужно было быть «полезным звеном» в цепочке Умника, не нужно было просчитывать риски и оглядываться через плечо в поисках слежки. Можно было просто быть сыном, который вернулся домой и хочет поделиться чем-то своим — пусть даже пустяковым, но искренне важным. В тёплом свете настольной лампы, под тихий смех матери и сдержанное, но довольное хмыканье отца, всё это казалось далёким и почти нереальным. А городской шум за окном — проезжающие машины, чьи-то голоса, далёкий сигнал клаксона — лишь подчёркивал, что здесь, в этой квартире, есть свой маленький островок покоя. И эта передышка, эта простая семейная суета были ему сейчас нужнее любых стратегий.

Эйнштейн вместе с женой устроился на даче — на той самой веранде, где доски давно прогрелись солнцем, а перила покрылись лёгкой патиной времени. Они пили чай из простых фаянсовых чашек, смотрели, как солнце медленно сползает за кромку леса, окрашивая небо в тёплые, глубокие оттенки. В этом простом, тихом моменте было столько покоя, что казалось, будто весь мир на мгновение замер — словно даже ветер перестал шелестеть в листве, а далёкие звуки города растворились, где-то за горизонтом. Здесь не было ни срочных докладов, ни зашифрованных сообщений, ни холодных расчётов Умника. Только тёплый пар над чашкой, тихий голос жены, её рука, спокойно лежащая поверх его ладони, и закат, который будто специально растянулся, чтобы дать им эту передышку.

И лишь Умник оставался в стороне от этой мирной обыденности — будто сам себе возвёл невидимую стену между собой и той простой человеческой жизнью, которой сейчас жили остальные. Он сидел в пустом, почти аскетичном офисе — ни лишних деталей, ни намёка на уют, только стол, стопки бумаг и холодный свет лампы, выхватывающий из полумрака отдельные листы.

Он перебирал материалы будущего дела: страницы шуршали под пальцами, сухие цифры и разрозненные факты постепенно складывались в единую мозаику, но Умник почти не замечал этого механического процесса. Его взгляд скользил по строкам, а мысли витали, где-то далеко — в хитросплетениях чужих планов, в едва уловимых связях между Крысой, «Тёмным рынком» и тем таинственным заказчиком, чьё имя пока оставалось в тени.

Время здесь словно текло иначе — не тёплыми, тягучими минутами, как на даче у Эйнштейна или в родительской квартире Кеша, а рваными, острыми отрезками, каждый из которых был наполнен ожиданием следующего шага. Умник не позволял себе расслабиться ни на секунду: ведь пока другие ловили короткие мгновения покоя, именно ему предстояло держать в голове всю картину целиком — видеть то, чего не видят остальные, предугадывать ходы противника и готовить ответный удар.

Иногда он на мгновение застывал, прикрывая глаза, будто пытаясь стряхнуть усталость, но тут же снова склонялся над бумагами — потому что знал: эта тишина и одиночество не наказание, а его рабочее пространство. Здесь, среди страниц и цифр, рождались решения, от которых зависели жизни всей команды. И пока они наслаждались передышкой, он продолжал плести свою сеть — спокойно, методично, без лишней суеты.

Внезапно в кабинете возникло странное свечение — неяркое, перламутровое, будто в воздухе расплескали жидкий лунный свет. Оно медленно сгущалось, обретая форму, и из мерцающей дымки начала проступать фигура Н.И.Н.А. — секретаря-администратора здания.

Силуэт складывался по частям: сперва проявились очертания плеч, затем — тонкие линии рук, изгиб шеи, черты лица, словно кто-то аккуратно выводил их невидимой кистью прямо в воздухе. Образ получился пугающе чётким, почти осязаемым: можно было разглядеть лёгкую складку у уголка губ, тень от ресниц, выбившуюся прядь волос. Казалось, протяни руку — и почувствуешь тепло, но это была лишь иллюзия, тонкая работа технологий.

В её взгляде читалось нечто важное — будто сама реальность решила напомнить, что покой — лишь короткая пауза перед новым витком событий.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.